

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Терешина Л. Н. Жанровое своеобразие военной повести 70-х годов	3
Гончарова С. Я. Некоторые аспекты теории комедии-памфлета	5
Герасимович М. М. М. Е. Салтыков-Щедрин об оперном искусстве	9
Антропов Н. П., Ковалева Р. М. К вопросу о пространственно-временных границах обряда «куста»	12
К биографии Н. К. Михайловского. Публикация, вступительная заметка и комментарии А. С. Малинина	15

МОВАЗНАЎСТВА

Красней В. П. Генетычная характарыстыка беларускай тэрміналагічнай лексікі пачатку XX стагоддзя	20
Паўленка М. А. Аднакарэньныя рознаасноўныя фемінінатывы ў беларускай мове паслякастрычніцкай эпохі	24
Наркевіч А. І. Да ўжывання словазлучэнняў з уласна- і агульна-прыналежнымі займеннікамі (на матэрыяле сучасных літаратурна-мастацкіх і публіцыстычных твораў)	27
Киселев И. А. О грамматических показателях служебных слов	30
Леценко В. Л. Варианты словосочетаний с точки зрения структуры синтаксического поля	34
Литвинко Ф. М. Вторичная предикативность в результирующих трансформмах отождествительных предложений	36
Плотников Б. А. Об использовании дистрибутивных свойств слов в качестве метаязыка для описания лексических значений	40
Карпов В. А. Словообразовательная способность числительных в болгарском языке	45
Алехина А. И. Иерархическая структура лексико-фразеологической парадигмы	48
Полонская Л. И. Психолингвистическое исследование группы слов с общим компонентом значения «шуметь» с помощью ассоциативного эксперимента	51
Шевальдышева Е. З., Хоменко С. А. Из опыта исследования перцептивных характеристик консонантных сочетаний в речевом потоке (на материале английского языка)	55

ЖУРНАЛІСТЫКА

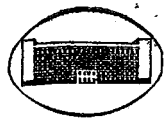
Мяснікоў А. Ф. Выкарыстанне Кампартыяй Беларусі друку ў якасці арганізатара, кіраўніка і прапагандыста сацыялістычнага саборніцтва ў 70-я гады	59
Радкевіч Я. Р. Этапы развіцця і структура беларускага радыё	61

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

Белоусов Н. А. Пути военно-патриотического воспитания старшеклассников в процессе начальной военной подготовки	65
Кучинский Г. М., Дюпин В. А. Отрицание и его функции в мыслительной деятельности индивида	68
Джагарова Н. М. Об использовании воспитательных идейно-нравственных возможностей художественной литературы при обучении студентов иностранному языку	71

РЭЦЭНЗІІ

Германовіч І. К. Г. М. Малажай. Сучасная беларуская мова. Перафраза	74
Короткая Л. Л. История русской литературы X—XVII веков	75
Гончарова Н. А. Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка	76

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

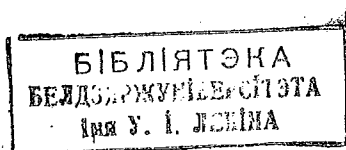
ПСІХАЛОГІЯ

СНЕЖАНЬ

Фундаментальная
библиотека БГУ

01239090

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (галоўны рэдактар),
П. М. БАРАНОЎСКІ (адказы сакратар), В. С. ГРЫГОР'ЕУ,
Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (нам. галоўнага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (адказы рэдактар),
М. А. БЕРАЗОВІН, Р. В. БУЛАЦКІ, І. К. GERMANOVICH
(адказы сакратар), В. В. КАЗЛОВА, Ф. І. КУЛЯШОУ,
М. Р. ЛАРЧАНКА, Б. П. МІЦКЕВІЧ, Б. В. СТРАЛЬЦОУ,
П. І. ТКАЧОУ, М. Я. ЦІКОЦКІ, Л. М. ШАКУН (нам. адказнага рэдактара), П. П. ШУБА, М. З. ЯНОЎСКІ

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 3, 1980

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина
220048, Минск, Парковая магистраль, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, ул. Бобруйская, 7;
тел. 22-87-64.

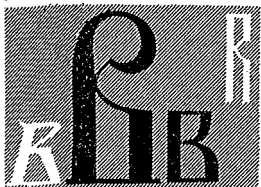
На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычой
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Л. Г. Мядзведзева
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 30.09.80. Падпісана да друку 16.12.80. АТ 13 680. Фармат 70×108¹/₁₆. Друк высокі. Ум.-друк арк. 7:0. Ул. выд. арк. 7.95. Тыраж 1185 экз. Заказ 1471.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, вул. Бабруйская, 7, тэл. 22-87-54. Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. 220048, Мінск, Паркавая магистраль, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Беларусі. 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

Л. Н. ТЕРЕШИНА

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВОЕННОЙ ПОВЕСТИ 70-х ГОДОВ

В классификации современной военной повести большинство исследователей выделяет два основных вида: повесть с напряженной жесткой конструкций, со стремительно развивающимися остро драматическими событиями, где содержание строго подчинено единой заданной теме; и повесть «раскованную», с внешней расслабленностью композиционных связей, с намеренной «несобранностью» материала. Очевидно, принцип, который положен в основу такой классификации, можно назвать структурообразующим.

Повесть, в которой писатель отражает общественно важные и глубокие социально-нравственные проблемы в жизни человека—остро конфликтное изображение войны, динамичность фабулы, драматизацию художественного материала, углубленный психологизм, можно назвать **социально-психологической**.

Повесть, для которой характерен лирический способ освоения военной действительности—передача мыслей и чувств отдельного участника военных событий, углубленное самовыражение героя, авторская оценка происходящего, следует назвать **лирической**. Ей свойственна «раскованная» композиция: отсутствие хронологической последовательности, включение в канву произведения вводных рассказов и эпизодов, лирических и публицистических отступлений, сопряжение разных времен и эпох, открытое присутствие авторского «я», лирические интонации.

Благодаря внутрикомпозиционной сопряженности прошлого и настоящего в социально-психологической повести события часто разворачиваются на пересечении двух временных плоскостей: то отсвет военных лет придает своеобразную окраску событиям сегодняшнего дня («Неизвестный солдат» А. Рыбакова, «Шопен, соната номер два» Е. Носова), то события сегодняшнего дня помогают углубленному осмыслению прошлого («Обелиск», «Волчья стая» В. Быкова).

Переключки, переплетение времен в сознании героев становится линией сюжета, превращается в своеобразный жанрообразующий элемент, т. е. композиционный прием смещения временных пластов выполняет в произведениях не только содержательную функцию, но и является одновременно формообразующим моментом в повести, для которой более всего приемлем способ остроконфликтного изображения событий, драматическая напряженность, психологическая углубленность образов. В центре ее оказывается личность сильная, цельная, умудренная жизненным опытом. Это ветеран партизанских боев Левчук («Волчья стая» В. Быкова), участник бывлых сражений «старшой» дядя Саша («Шопен, соната номер два» Е. Носова) и др. Перенос акцентов с драматического события на героя позволил художникам глубже проникнуть в психологию человека, раскрыть идейные и нравственные истоки подвига. Это и определяет всю жанрово-стилевую систему произведения—напряженность действия, заостренность сюжета, драматизм интонаций, жесткость композиции, которая обусловлена ее заданностью.

Если многие произведения военных и первых послевоенных лет стро-

ились преимущественно на событийной основе, их герои раскрывались как защитники Родины в жарких схватках с врагом, то содержанием социально-психологической повести последнего десятилетия становится исследование прежде всего нравственной сущности участников борьбы с фашизмом.

Если в произведениях военного лихолетия героизм в характере проявляется преимущественно в момент свершения подвига, где он представлял как бы в «чистом» виде и наравне с мужеством и бесстрашием считался профессиональным качеством солдата, то в современной повести о войне авторы нередко исследуют героизм как повседневный, массовый, лишенный внешних эффектов тяжелый труд.

Основной конфликт военной прозы — борьба двух миров — не является самоцелью, как это наблюдалось раньше, а служит постижению человеческих характеров, проникновению в психологию героя. В «Сотникове» В. Быкова, «Циклоне» О. Гончара, «Четвертой роте» В. Собко, «Обещании жить» О. Смирнова военные и нравственные конфликты неотделимы. Художников волнуют в военной теме те проблемы, которые волнуют их и в нынешней жизни.

Авторы социально-психологической повести последнего десятилетия часто обращаются к исследованию форм проявления героического в самых различных ситуациях. Героическое трактуется как естественное, внутренне свойственное советскому человеку состояние. Оно вызвано потребностью общества и не противоречит интересам личности, для которого коммунистические идеалы священны и неприкосновенны. Так, Б. Васильев, исследуя в повести «А зори здесь тихие...» сам процесс рождения подвига, трактует героическое как синтез воли, сознательности, мужества, убежденности человека, а не дерзость и удалство. Он убедительно доказывает, что подвиг Васкова и девушек вызван как необходимостью, так и мировоззрением и совершается не в состоянии аффекта, как трактует природу героического современная буржуазная эстетика. Обдуманы и вполне осознаны, например, действия Жени Комельковой, уводящей гитлеровцев от раненой Риты Осяниной и подставляющей грудь под пули; она убеждена, что не только от всех, но и от нее лично зависит общая победа.

Отличительной особенностью социально-психологических повестей о войне является наличие в них символического образа-памятника. И у В. Быкова («Обелиск»), и у Е. Носова («Шопен, соната номер два»), и у В. Тендрякова («Ночь после выпуска»), и у А. Рыбакова («Неизвестный солдат»), и у Б. Васильева («А зори здесь тихие...») обелиски, солдатские могилы не только символ, дань признательности памяти, которую живые отдадут безвременно погибшим. Образ-символ приобретает в современной прозе важный смысл: он как бы становится нравственным центром, который влияет не только на развитие сюжета, но и способствует движению характеров героев, предопределяет их действия и поступки. Отличительным качеством этого вида повести становится концентрированность и уплотненность исследуемого материала, а главное — резкий поворот в сторону нравственной проблематики.

Каково жанровое своеобразие социально-психологической повести?

В повести военных лет («Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Дни и ночи» К. Симонова) преобладал тип «закрытого» времени; в повести 70-х годов происходит усложнение пространственно-временной организации сюжета, появляются произведения с «открытым» (разомкнутым) временем, когда события охватывают три временных измерения: довоенные, военные и послевоенные годы. Однако основным объектом художественного изображения по-прежнему остается военное время.

Художественное время в военной повести проявляется в двух основных типологических формах: сюжетно-ситуативной — это событийное время и исторически-объективной — историческое время. Чувство времени у каждого писателя индивидуально, и это особенно ярко проявляется в сюжетах произведений, но композиционные формы реализации времени, его границы и нормы обуславливаются природой литературного жанра.

В военной повести, по сравнению с романом, обнаруживается более жесткая регламентация временных пластов: историческое время проступает в самых общих очертаниях, конкретизирующих примеры военной эпохи, крупной военно-стратегической операции или большой битвы; на фоне широко очерченного пространства, на котором разыгрывается большая битва, происходит стремительная локализация пространственных

границ сюжета, в которых уже подробно описываются события «местного» значения. Принцип сжатого времени и пространства в сюжетно-композиционной повести позволяет во всех подробностях описать бой, максимально сосредоточить внимание на раскрытии психологии воюющего человека, на изображении героических поступков.

Наиболее распространенными формами проявления исторического времени являются биографии героев, авторские комментарии событий, лирические отступления, но все это дается предельно лаконично, что и определяет сравнительно небольшой объем жизненного содержания военной повести. В жанре военной повести велика нагрузка на ретроспекции, которые выполняют эпические функции. Жанр военной повести обладает своеобразной избирательностью в изображении исторического и событийного времени. Повесть всегда охотнее идет на любую группировку эпизодов, нежели на целостное, хронологически последовательное воспроизведение длительного периода довоенной или фронтовой жизни героев.

Композиционно-художественное историческое время в начале и конце военной повести создает своеобразное идейно-эмоциональное обрамление всего повествования, усиливая героический пафос произведения.

Многозначно в военной повести и художественное пространство. Оно воссоздает и реальную картину боя на местности, и передает географию военных событий, их масштаб, движение театра военных действий, расширяет наше представление о микро- и макровойне, дает возможность по-настоящему прочувствовать всю тяжесть фронтовых дорог, по которым шел к победе советский воин. Пространство в военной повести всегда тяготеет к замкнутости, в большинстве повестей военно-тактические горизонты нередко ограничены небольшими плацдармами, «пяточками», «окопами, узкой береговой полосой» и т. п. («Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Пядь земли» Г. Бакланова, «Ключи залива» Ю. Виноградова, «Капля крови» Е. Воробьева, «Июнь» О. Смирнова и др.).

В литературных жанрах под воздействием новых социальных запросов происходят постоянные, хотя и медленные структурно-морфологические изменения. Исследователи отмечают, что в романах и повестях последнего времени «усложняется временная организация повествования, ведущая к увеличению свободы движения повествования...»¹, что «принцип сжатого пространства, как и принцип сжатого времени... позволяет приоткрыть новые стороны жизни и психологии современного человека»².

Сопряжение разных пространственно-временных пластов в таких повестях, как «Эхо войны» А. Калинина, «Неизвестный солдат» А. Рыбакова, «Особое подразделение» В. Кожевникова, значительно расширило познавательные и идейно-воспитательные возможности жанра военной повести. Сопоставление героического прошлого и нашего мирного сегодня позволяет глубже, всесторонне показать преемственность героических традиций, раскрыть социально-психологические истоки массового героизма народа во время войны.

¹ Ржевская Н. Концепция художественного времени в современном романе.— Филологические науки, 1970, № 4, с. 28.

² Мотылева Т. О времени и пространстве в современном зарубежном романе.— В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве.— Л., 1974, с. 200.

С. Я. ГОНЧАРОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КОМЕДИИ-ПАМФЛЕТА

Литературные жанры по структуре подразделяются на простые и сложные. К сложным, т. е. синтетическим, или так называемым «жанрам-гибридам», относится и комедия-памфлет, соединившая в себе два начала: комедийное и памфлетное. Обличительная направленность, острое политическое звучание и политический сарказм памфлета от этого не «блекнут», а, соединяясь с признаками комедии, создают жанровую завершенность, точнее — качественно новую жанровую разновидность, в которой трансформируется сущность составляющих ее компонентов.

Синтез комедии и памфлета неизбежно предполагает превращение их в новое качество. Граница соединения размывается, вместо нее образуется «область, примиряющая обе стороны»¹, что приводит к слиянию публицистических, сатирических и комедийных элементов. Комедия-пам-

флет приобретает свою жанровую специфику, отличающую ее от других видов драмы.

Исходя из основополагающих свойств реализма «не только отражать действительность, но и раскрывать общезначимое, характерное в социальной жизни»², драматурги-памфлетисты выбирают, как правило, социально-политические явления, в которых отражаются наиболее острые противоречия буржуазной действительности. Это и экономическая коррупция Уолпола в Англии (Г. Фильдинг «Пасквин», «Исторический календарь за 1736»), фашизм и его покровители (Б. Брехт «Карьера Артуро Уи», Е. Петров «Остров мира», Е. Шварц «Дракон», А. Коломиец «Двенадцатый час» и др.), милитаризация (Л. Ленч «Изгнание из рая») и т. д.

В памфлете все социальные явления рассматриваются через политическую призму, т. е. по принципу «политическое как эстетическое»³. Вот почему комедия-памфлет особенно интенсивно развивается и приобретает актуальность в период резкого обострения классовой борьбы в эксплуататорском обществе.

Своеобразие жанровой природы комедии-памфлета заключается в том, что она находится в некотором родстве с литературой факта, а также предполагает известную документальность изображения, точность сатирического адресата или же узнавание читателем прямо не названных реальных явлений, событий, лиц. При помощи реальных действительностей пьесы бесчисленными нитями связывается с конкретностью, несмотря на то, что комедия «одевается» в «маскарадный костюм» художественного вымысла. Благодаря этому прямой и сатирический параллелизм достигают максимального художественного эффекта, а тенденция неотделимости художественного вымысла от документально-точного «контекста времени» становится основополагающим, специфическим принципом комедии-памфлета.

Жанровой особенностью комедии-памфлета является и то, что она, соединяя в себе едкую сатиру и публицистику, находится в этой области комического, которая соприкасается с трагическим. Как и в сатирической комедии, в памфлете зло комически снижено, но трагически ощутимо. Это обусловлено не только его сатирической природой, но и объектом обличения: общественным противоречием, породившим такое социально-политическое зло, которое «действует трагически»⁴. Драматург-памфлетист отрицательное явление подает в форме комического с той целью, чтобы с помощью средств и приемов сатиры и публицистики не просто осмеять олицетворенное зло, но и уничтожить его ядом политического сарказма. Уничтожая, комедия-памфлет утверждает положительные идеалы автора. Его идейно-эстетическая позиция в данном случае особенно выразительна, откровенно обнажена. Давая объективную оценку изображаемого политического явления, драматург-памфлетист должен обладать не только талантом истинного художника и творческой смелостью, но и научным, марксистско-ленинским мировоззрением. Автор открыто и активно выражает свое отношение к действительности, к политическим событиям и, почти не скрываясь за героями, бичует несовершенство жизни оружием памфлетного осмеяния. Его позиция проявляется во всей организации пьесы, в обрисовке персонажей, в целой системе художественного произведения.

Комедия-памфлет, заключая в себе конкретную, художественно осмысленную общественную критику, несет заряд злободневности, тенденциозности, высокой степени сатирического разоблачения, вызывает отвращение к пошлой действительности, побуждает к действию. Важная особенность комедии-памфлета — заставить зрителя активно мыслить, критически подходить к оценке изображаемого. Но, апеллируя к разуму, автор не должен забывать об эмоциональной природе произведения. Это необходимо учитывать драматургу-памфлетисту, иначе персонажи его пьесы будут резонерами, в то время как они должны выражать тенденцию произведения, соответствовать самой сущности их социальных характеров, обладать эмоциональностью.

Апелляция памфлета к разуму является ведущим принципом теории «эпического театра» Б. Брехта. Она заставляет театр не просто отображать, но и активно воздействовать, быть «театром-агитатором», «театром-борцом», что сказывается и на задачах комедии-памфлета, и на ее идейно-эстетических функциях.

Специфика эмоциональной критики комедии-памфлета определила и своеобразие ее смеха. Здесь смех призван не только «исправлять челове-

на и человечество», но и казнить, убивать противника своим ядом. Он насыщен политическим сарказмом, иронией, меткой издевкой. Это смех сильный, способного победить зло и утвердить добро.

Идейная основа памфлета определяет его специфическую форму изображения жизненных противоречий, оказывает влияние на всю структуру произведения, подчиняя себе ее художественные элементы. Сюжет в данной разновидности комедии является довольно сложной организацией, в которой объединяется комическое действие и памфлетный анализ обличаемого явления. От того, насколько органично соединяются эти два начала, зависит художественный эффект пьесы. Сюжет комедии-памфлета родствен сюжету сатирической комедии, однако в памфлете более ярко выражено логическое начало и определенная «заданность». Центр тяжести сюжета переносится с непосредственного изображения событий на их осмысление. Комический покров пьесы служит для обнажения зла, т. е. создается намеренная совместимость кажущегося и истинного, которые, как правило, находятся в противоречии. Так создается атмосфера сатирической двуплановости, позволяющая через комизм изображения раскрыть сущность разоблачаемого.

Для комедии-памфлета характерна такая сюжетно-композиционная структура, которая позволяет открыто публицистично выражать эстетический идеал автора. Вот почему структура действия не скрывает рациональной заданности его построения. Как правило, в комедии-памфлете события пьесы развиваются не последовательно, а образуют «монтаж сцен», который служит средством раскрытия «идеологической концепции» (С. Эйзенштейн).

Комедии-памфлету противопоказано саморазвитие и самоуправление сюжета. Действие постоянно подвергается вмешательству извне, разрушающему всякую иллюзию подлинности и подчеркивающему условность изображаемого мира. С этой целью некоторые драматурги включают между отдельными событиями «суждения» («Зонги» Б. Брехта), которые проясняют смысл происходящего. Принцип ассоциативного сопоставления становится ведущим в построении сюжета. Одно понимается через другое. Через бытовой план «просвечиваются» политические события. Некоторым комедиям-памфлетам свойственна параболическая, притчевая форма организации действия. Социально-политический факт облекается в форму притчи, которая помогает определить идейную направленность и замысел произведения, служит эффективным средством памфлетного обличения («Затюканный апостол» А. Макаенка, «Карьера Артуро Уи» Б. Брехта).

Важную роль в комедии-памфлете как актуально-политическом произведении играет конфликт, основу которого создают социальные противоречия эпохи, отражающие столкновения антагонистических сил. Конфликт прямо и непосредственно отражает основные противоречия эпохи, столкновение противоборствующих классовых сил, систем, идеологий. Как правило, конфликт носит напряженный характер, приближаясь к «трагедийному», а в некоторых эпизодах и сюжетных «узлах» осложнен противоречиями драматического типа. Данный конфликт выходит за рамки сюжета, его разрешение зависит от самой действительности. Это обусловлено сущностью объекта обличения, в котором зло не уничтожено, сохраняется его социальная опасность.

Особенности организации сюжета и конфликта в пьесе обусловлены развитием центрального образа, являющегося средоточием сатирической идеи. Характер в данном случае собирательно-отрицательный, намеренно деформированный, не лишенный заряда рупорности и публицистичности. Единство художественного и публицистического — его существенная черта. В комедии-памфлете действуют не столько персонажи, сколько персонафикации, раскрывающие общественные противоречия. Проникая в социальную природу явления, драматург-памфлетист прибегает к специфическим способам типизации и обобщения. Как и в сатирической комедии, в комедии-памфлете удельный вес общего в характере превалирует над индивидуальным. В комедии-памфлете адресат более «прозрачен» и конкретен, чем в сатирической, тесно связан с исторической достоверностью, но претерпевает памфлетную «обработку». В способе его обрисовки наблюдается стремление автора, с одной стороны, к обобщению, с другой — к конкретизации, которые дополняются сосуществованием в характере персонажа объективного и субъективного, общего и индивидуального, реального и условного. Частные особенности характера отодви-

гаются на второй план, главное внимание уделяется его социальной психологии, социальному смыслу поступков. Перед зрителем персонаж предстает уже сложившимся социальным типом, который в течение действия «демонстрирует» различные стороны своего характера, выражая социально-политическую сущность явления, факта, лица, служащего объектом памфлетного разоблачения. Сатирический тип наделяется психологией, обусловленной его идеологической позицией. Персонаж, близкий по обобщенности к символу, формуле, лишенный функции естественного саморазвития, несет в себе печать условной замкнутости в контексте сатирического поля, вне которого он немыслим. Социальный «прототип» доводится до образа-явления (Гитлер—диктатура фашизма—фашизм). Практика показывает, что не всегда драматург-памфлетист на основе конкретной политической личности создает конкретно-собирабельный тип. Часто и социально-политическое явление находит памфлетное воплощение в обобщенных образах-типах («Двенадцатый час»—А. Коломиец, «Затюканный апостол»—А. Макаенок). Таким образом, характер в комедии-памфлете представляет сложный функциональный и эстетический синтез художественного, публицистического и комического.

Комедия-памфлет отличается не только определенным способом создания характера, своеобразием эстетического воплощения конфликта, но и особыми средствами сатирической типизации. Выйдя из сатирического «гнезда», памфлет унаследовал в драматургии, с одной стороны, средства и приемы сатиры, с другой—сблизился с публицистикой. Цирковые трюки, буффонада, комические происшествия, грубые карикатурные хоры пришли в памфлет от фарса, от его комедийной природы. В комедии-памфлете достигается еще большая концентрация отрицательного, чем в сатирической комедии. Ее объект не только позволяет, но и заставляет себя деформировать. Такая деформация достигается с помощью как гиперболы и литоты, так и крайних форм художественного преувеличения—гротеска, карикатуры, пародии. Они являются неотъемлемыми, в какой-то степени жанрообразующими элементами не только сатирической комедии, но и комедии-памфлета. Наряду с ними в этой разновидности комедии активно используются приемы автоматизма и кукольности, способствующие созданию типажей политических марионеток и авантюристов. Особая роль в памфлете отводится приему «социальной маски», а также взаимо- и саморазоблачению, выражающихся не столько в поступках персонажей, сколько в лексико-семантической структуре их речи: в рассуждениях, диалогах, монологах.

В художественной ткани комедии-памфлета большую роль играет специфическая манера письма. Совершенно очевидно, что язык этой жанровой разновидности комедии не может не иметь своих особенностей; они вытекают из характера ее конфликта, выбора объекта, задачи и целей произведения, и, безусловно, зависят от индивидуальных творческих особенностей самого драматурга. Язык в ней—это язык пристрастной публицистической оценки с яркой сатирической окраской. Ему присуща парадоксальность, неожиданный поворот мысли.

Присущая памфлету «остроумная манера письма» отражает интеллектуальную насыщенность, политическую иронию и сарказм, склонность к намекам и подтексту, иносказательности и многозначности, политической аллегории и метафоре. Уместен в ней и «эзопов язык», позволяющий автору «одеть» произведение в «маскарадный костюм» («Конь в сенате» А. Андреева).

Итак, памфлетное начало оказало серьезное влияние на жанр комедии-памфлета, существенно преобразило ее структуру, обусловив особое, специфическое отношение к изображаемому и способ его выражения. Все это позволяет выделить комедию-памфлет в особую разновидность комедии, в которой драматург с передовых идейных позиций подвергает острой критике негативные социально-политические явления действительности.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 10.— М., 1956, с. 318.

² Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек.— М., 1976, с. 49.

³ Иезуитов А. К вопросу об эстетическом своеобразии социалистического реализма.— В кн.: Актуальные проблемы социалистического реализма.— М., 1969, с. 398.

⁴ Чернышевский Н. Г. Возвышенное и комическое.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи по эстетике.— М., 1938, с. 39.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН ОБ ОПЕРНОМ ИСКУССТВЕ

Творческая деятельность и интересы Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина не ограничивались сферой одной литературы. Большой привязанностью писателя была музыка. По свидетельству его племянницы О. Зубовой, он часто посещал итальянскую оперу, а будучи уже женатым, научился играть на рояле и музицировал с отцом Зубовой в четыре руки, относясь к этим занятиям со свойственной ему серьезностью и добросовестностью¹.

Музыкальные вкусы Салтыкова-Щедрина формировались под влиянием героико-романтической итальянской и французской оперы Дж. Россини, В. Беллини, Дж. Мейербергера. Хотя на его литературное творчество романтизм оказал очень кратковременное и незначительное влияние, привязанность писателя к романтической опере осталась постоянной и неизменной.

Музыкальную основу итальянской и большой французской оперы составляла мелодия, эмоционально выражавшая пафос освободительной борьбы народов, который горячо воспринимали Салтыков-Щедрин и многие его современники. В «Запутанном деле» писатель рассказывает о возмущении на героя повести Мичулина россиниевского «Вильгельма Телля», шедшего на русской сцене под названием «Карл Смелый»: «Он никак не ожидал, чтоб за звуками могла ему слышаться толпа, — да и какая еще толпа! — вовсе не та, которую он ежедневно привык видеть на Сенной или на Конной, а такая, какой еще он не видывал, и, что всего страннее, возможность которой он вдруг начал весьма ясно и отчетливо сознавать... С волнением смотрит он во все глаза на сцену; с судорожным вниманием следит за каждым движением толпы; ему и в самом деле кажется, что вот наконец все кончится; он хочет сам бежать за толпою и понюхать заодно с нею обаятельного дыма»². Несмотря на измененное, «нейтрализованное» либретто Р. И. Зотова, опера Россини сохранила на петербургской сцене героическое звучание. «Знаете ли вы, — спрашивал театральный рецензент «Современника», — что-нибудь свежее, несокрушимее россиниевского «Карла Смелого»?»³

В статье «Петербургские театры» (1863) сатирик выразительно охарактеризовал бурную реакцию, которую вызывал «Карл Смелый» у публики, особенно у прогрессивно настроенной молодежи: «Одним словом, весь театр одобрял поведение швейцарцев, весь театр требовал для них конституции!» (5, 180). Благонамеренный провинциал же увидел в этой опере «зерно беззастенчивости, беспочвенности, безверия и беспорядка» (5, 175) и возмущался тем, что демократические зрители «хлопают швейцарцам и целым театром требуют очищения свободной швейцарской земли от австрийков» (5, 178). Салтыков-Щедрин не был одинок в своей оценке революционизирующего влияния итальянской оперы. «В то время, — вспоминает П. А. Кропоткин, — опера каким-то странным образом связана была с радикальным движением. Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» или «Пуританах» всегда вызывали шумные овации, не мало смущавшие Александра II»⁴.

Внимательно следивший за развитием отечественной культуры писатель не мог пройти мимо новых тенденций в русской музыке и не высказаться о них. Так, он критически отнесся к увлечению А. С. Даргомыжского речитативом в ущерб традиционным элементам оперы — арии и вокальному ансамблю. В «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) писатель высмеивает попытку композитора в опере «Каменный гость» переложить на речитатив литературный текст одноименной «маленькой трагедии» А. С. Пушкина. Резкий выпад против Даргомыжского находим и в «Недоконченных беседах», где Щедрин сравнивает коронационный марш из оперы Мейербергера «Пророк» со вступлением к «Каменному гостю». Последнее, пишет сатирик, «скорее говорит о «посещении города Чебоксар холерою», нежели о сказочной Севилье и о той теплой, благоухающей ночи, среди которой так загадочно и случайно подкидывается жизненная мощь Дон-Жуана» (15, кн. 2, 163).

Салтыков-Щедрин чутко воспринимал все новое и передовое в жизни и искусстве, однако творчество композиторов «Могучей кучки» он, к сожалению, недооценивал. Сатирик критически отнесся к их исканиям в

области программной музыки. В «Дневнике провинциала в Петербурге» и в «Недоконченных беседах» он обвинил кучкистов в натуралистических тенденциях. О позиции, занятой Щедриным по отношению к «Могучей кучке», В. В. Стасов писал: «Салтыков—**первый** из крупных русских писателей—с истинной симпатией отнесся к новой русской художественной школе (передвижникам—М. Г.)... Но Салтыкова не хватило на понимание новой музыкальной русской школы, и он над нею только весело и забавно глумился»⁵.

Чем же объяснить тот парадоксальный факт, что Щедрин не принял нового направления в русской музыке, того направления, которое наиболее непосредственно отражало демократические веяния 50—60-х годов и было наиболее близко тому течению общественной мысли, к которому принадлежал сам сатирик?

Причины этого, на наш взгляд, заключаются в следующем. Как сказано выше, музыкальные вкусы писателя формировались под влиянием героико-романтической итальянской и французской оперы, в которой очень важное значение имела мелодия. В исканиях же композиторов «Могучей кучки», и прежде всего в творчестве М. П. Мусоргского, Салтыков-Щедрин усмотрел принижение роли мелодии, а также уход от героической темы в область быта, жанра. Оставаясь в своих музыкальных вкусах на позициях романтизма, он не принимал и не понимал речитативной оперы и видел в ее конкретной музыкальной выразительности лишь слабые стороны.

Отрицательное отношение к изображению кучкистами предметного мира Салтыков-Щедрин выразил в сатирическом образе «критика-реформатора» Неуважай-Корыто, который утверждает: «Мы обязаны изображать в звуковых сочетаниях не только мысли и ощущения, но и саму обстановку, среди которой они происходят, не исключая даже цвета и формы вицмундиров» (15, кн. 2, 166).

Очевидно, полемика сатирика была направлена не столько против кучкистов, сколько против отдельных их эстетических деклараций, преувеличений, крайностей творческих поисков. Он восставал, в частности, против возведения в абсолют девиза Даргомыжского: «Хочу, чтобы звук **прямо** выражал слово. Хочу правды». В «Недоконченных беседах» писатель создал сатирические образы «адепта» новой школы композитора Василия Ивановича и «критика-реформатора» Неуважай-Корыто, в которых современники увидели намеки на Мусоргского и Стасова. Василий Иванович сочиняет, а Неуважай-Корыто комментирует такие музыкальные сочинения, как «Торжество начальника отделения департамента полиции исполнительной по поводу получения чина статского советника» и «Извозчик, в темную ночь отыскивающий кнут». Щедрин критиковал не те или иные конкретные произведения Мусоргского, а только крайности (по его мнению) поисков композитора, таких, например, как переложение на речитатив подлинного литературного текста «Женитьбы» Н. В. Гоголя, или опыты иллюстрирования музыкой тех сюжетов, которые для этого не подходили.

Солидарность с Щедриным в критике подобных экспериментов выразил впоследствии и глава нового музыкального направления М. А. Балакирев. «Что касается Мусоргского,—писал он музыковеду М. Д. Кальвокоресси,—скажу Вам, что, вполне признавая в нем огромный талант,... я не принадлежу **безоговорочно** к тем его сторонникам, которые... соглашаются с тем его воззрением, что музыка не есть **цель** сама по себе, но лишь способ беседовать... вследствие чего он выбирает порою сюжеты, совершенно непригодные для музыки. Это дало талантливому сатирику Салтыкову (Щедрину), его современнику, повод высмеять такую тенденцию, за которую ратовал некогда Стасов...»⁶.

И сам Мусоргский понимал, что работа над «Женитьбой» являлась для него своего рода экспериментом, лабораторией поиска новых средств художественной выразительности.

В письме к Л. И. Шестаковой от 30 июля 1868 года он отмечал: «Даст бог жизни и сил, крупно побеседую; после «Женитьбы» Рубикон перейден, а «Женитьба»—это клетка, в которую я засажен, пока не приручусь, а там на волю... Моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее... Вот почему в «Женитьбе» я перехожу Рубикон. Это жизненная проза в музыке, это не пренебрежение музыкантов-поэтов к простой человеческой речи, не одетой в героическую робу—это уважение к языку человеческо-

му, воспроизведение простого человеческого говора»⁷. А девять лет спустя, в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову от 15 августа 1877 года, Мусоргский сказал о «Женитьбе» еще более определенно: «Женитьба» — это посильное упражнение музыканта, или, правильнее, немусыканта, желающего изучить и постигнуть изгибы человеческой речи в том ее непосредственном, правдивом изложении, в каком она передана гениальнейшим Гоголем. «Женитьба» этюд для камерной пробы»⁸. Композитор осознал здесь ограниченность сведения роли музыки к подражанию разговорным интонациям, к мелочной иллюстрации всех деталей словесного текста, что граничило с натурализмом. Поняв это, он не стал продолжать сочинения. В то же время этот опыт имел и положительное значение для творчества композитора. Он помог ему достигнуть предельной выразительности и гибкости речитатива, блестящие образцы которого Мусоргский создал в своих зрелых операх.

Салтыков-Щедрин, хотя в ином аспекте, критиковал и западную музыку. Его, всегда предъявлявшего высокие требования к искусству, возмущало, что некоторые композиторы и либреттисты, обращаясь к классическим произведениям литературы, не заботятся о передаче их философского смысла. Эту мысль, в частности, он выразил резко и непримиримо в хронике «Наша общественная жизнь» за январь 1864 года по поводу «Фауста» Ш. Гуно (авторы либретто Ж. Барбье и М. Карре, поставлена на петербургской сцене итальянской труппой в декабре 1863 года). Характеризуя либретто «Фауста», Щедрин писал: «Во Франции... какие-то беззастенчивые господа, Барбье и Карре, охотно берут на себя труд нанести бесчестье Гете и из бессмертной поэмы о Фаусте делают бессмысленное оперное либретто, а г. Гуно пишет на него музыку. В этой диковинной опере Фауст является каким-то помадным фабрикантом, Маргарита из простодушной, поэтической и благоухающей Гретхен претворяется в жеманную и знающую, в чем штука, гризетку Риголетту, а Мефистофель делается чем-то вроде воспитанника парижских maisons de tolérance (домов терпимости), насквозь пронизанным самым дешевым и пошлым развратом...» (6, 253—254).

Оценивая эту оперу, Салтыков-Щедрин подошел к ней со стороны ее литературно-драматургического, а не музыкального содержания. Он осудил либретто, усмотрев в нем «факт заметного понижения искусства» (6, 253).

Оригинальную трактовку дал Салтыков-Щедрин главному персонажу оперы «Риголетто» Дж. Верди: «Человек этот имеет двойственную физиономию; у себя дома он гражданин добродетельный, наклонный к меланхолии и даже прекрасный отец семейства; в присутствии же дука — он забавный негодяй, гороховый шут, попирающий ногами все, перед чем человечество издревле привыкло склоняться» (6, 238—239).

Салтыков-Щедрин по-своему осветил ряд важных вопросов оперного искусства. Его глубокие и меткие (хотя порой и односторонние, и представляющиеся ныне в известной мере ошибочными) суждения об опере являются ценным эстетическим наследием, существенным дополнением к характеристике творческого облика и гражданской позиции великого писателя.

¹ См.: Киселев В. Салтыков-Щедрин в подмосковном крае. — М., 1970, с. 62.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти томах. — М., 1965—1977, т. 1, с. 254—255. Далее даются ссылки на это издание в тексте в скобках (том и страница).

³ Современник, 1847, № 1, отд. IV, с. 76.

⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. — М., 1966, с. 139.

⁵ Северный вестник, 1888, № 10, отд. I, с. 192.

⁶ Русская музыкальная газета. — СПб., 1911, № 38, с. 751.

⁷ Мусоргский М. П. Литературное наследие, кн. 1. Письма, биографические материалы, документы. — М., 1971, с. 100.

⁸ Там же, с. 232.

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ ОБРЯДА «КУСТА»

К фольклору — важнейшей составной части народной культуры — обращаются историки и литературоведы, этнографы и лингвисты, искусствоведы и психологи. В свою очередь фольклористы при освещении тех или иных вопросов нередко привлекают данные других дисциплин. Некоторые вопросы вообще нельзя решать, оставаясь в рамках одной науки, они требуют комплексного подхода к предмету исследования. К их числу относится задача углубленного изучения локальных явлений в области славянской календарно-обрядовой поэзии. Для освещения более широкого вопроса — эволюции календарной обрядности, ее обусловленности конкретной историей народов — важно выяснить, что перед нами чисто местное образование или последний островок некогда широко распространенного явления. С этой точки зрения несомненный интерес представляет белорусский обряд «куста», зафиксированный в начале прошлого века на Полесье (в основном на Пинщине с прилегающими районами). Весенний девичий обряд «вождения куста» совершается во время «зеленой», «русальной» недели. Его содержание составляет выбор девушки (молодой женщины) на роль Куста, поход в лес, где девушку наряжают в зелень и цветы, возвращение в деревню, шествие по улице с песнями, величающими Куст и сопровождающее его «дзявоцкае войска», обход дворов с пением соответствующих песен.

Решение вопроса о пространственно-временных границах обряда «куста» невозможно без широкого привлечения фольклорно-этнографических, исторических и лингвистических данных. О древности полесского «куста» свидетельствует широкое распространение у многих народов мира подобных весенних обрядов, где главную роль играет зеленое дерево или наряженный в зелень человек (ср.: западноевроп. *майское дерево*, *зеленый Юрий*, чешск. и сербск. *красица*, польск. *гаик*, болг. *додола*, *пеперуда*, укр. *тополя*, рус. *березка* и др.). Не вызывает сомнений, что в нем нашел отражение культ растительности на той или иной стадии его развития. При этом довольно четко выявляется аграрно-хозяйственная функция кустового обряда. Песни заклинают урожай: «Пасею жыта ды няхай зародзіцца». Разумеется, в образе «куста» нашли отражение самые различные представления и, видимо, не в последнюю очередь, представления, связанные с Великой женской богиней плодородия. В обряде обнаруживается комплекс представлений о плодоносящей силе зелени, способной даровать плодородие земле. Сжигание убранства Куста на меже или закапывание его в землю (как одна из форм окончания обряда) должно было магически стимулировать урожайность. Красноречиво начало кустовых песен: «Каля куста сачавічанька густа». Из тела богини, ее рук произрастают деревья и цветы — кустовые песни славят чудесное дерево во дворе хозяина. К богине плодородия слетаются птицы, по сторонам ее изображаются две птицы и два всадника, вся она пронизана солнечными символами¹. И в кустовых песнях — «с тае чарэшкі салавейка вылятае (вар. «сокал»), Яго пер'ечка ўсе й падвор'ечка ссяе», или — «сівы конь выбягае, А на коніку міленькі паязжае»². Интересно, что изображение богини со всадниками встречается на прялках и полотенцах, которые невесты дарили своим женихам. Неудивительно поэтому, что кустовая песня о дереве во дворе адресуется сыну хозяина.

Есть основания предполагать, что те или иные представления, связанные с «кустом», были у всех восточных славян. Память о нем сохранили другие жанры фольклора (былины, песни-заклички, пословицы, поговорки) и письменные источники (летописи, договорные грамоты).

Об обычае поклоняться «кусту» косвенно свидетельствуют древнерусские летописи. Сведения о нем сосредоточены в Ипатьевской, Софийской I, Новгородской I младшего извода (Комиссионный список) и Псковских I и II летописях под 1245 (или 1246) и 1250 годами. Именно на Ипатьевскую летопись, где говорится о служении около «куста», ссылался И. И. Срезневский, собирая данные о поклонении славян растительности. Другие ученые, руководствуясь, видимо, не широким летописным контекстом, а содержанием отдельных отрывков, высказывали мнение, что «куст» — божество, которому наши предки поклонялись наравне с другими. К сожалению, материал летописей не дает оснований для столь

непосредственного вывода, ибо в данном случае речь идет не о пережитках славянского языческого обычая, как можно было бы ожидать: кланяться какому-то «кусту» заставляли приезжавших в Орду русских князей татары.

В летописных записях за 1245 (1246) год повествуется о жестоком убийстве в ставке Батия русского князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, не поклонившихся «кусту», который называется рядом с другими объектами поклонения—огнем и идолами: «приказано бяше волхвомъ вести я сквозе огонь и поклонитися кусту, и огневи, и идоломъ ихъ» (Софийская I летопись). Когда «волхвы» Батия повели Михаила и боярина Федора к месту, «идеже бяше огонь накладенъ по обе стороны, и мнози погани идяху сквозе огонь и кланяхуся кусту и идоломъ», русские патриоты отказались выполнить требование татар, за что и были убиты.

Обращает на себя внимание такой факт, что отсутствуют упоминания о каком-либо «кусте» в записках побывавших в то время в Орде Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Пересказывая историю смерти Михаила Черниговского, Карпини обращает внимание на то, что князь отказался поклониться на полдень Чингиз-хану, так как христианам не подобает кланяться изображению мертвого человека. Если принять, что Чингиз-хан стал обожествляться наравне с другими предками и пополнил сонм идолов, придется признать, что от Карпини как будто бы ускользнул общий смысл поклонов: он видел только идолов, в то время как через пять лет после убийства Михаила Ипатьевская летопись уже более определенно говорит о «вождении около куста» как об обычае поклонения предкам.

В других русских летописях, повествующих о тех же событиях, упоминаний о «кусте» нет, как нет их и после 1250 года вообще, хотя известно, что русские князья регулярно начали ездить к татарам с 1243 года и бывали там после 1250 года. Более чем скупы все их сведения о «кусте», но скупы красноречиво: так говорят о хорошо известном, понятном, не нуждающемся в комментариях. Напрашивается предположение, что поклонению «кусту» у татар был хорошо известный авторам летописей славянский (в частности, русский) аналог.

Н. И. Веселовский в комментариях к рассказу Карпини считал, основываясь на одной записи в Прологе (месяц сентемврий, лист 38), что речь у него шла не о поклонении изображению Чингиз-хана (в Прологе говорится о поклонении «канови», но без имени хана), а о чем-то другом, нам пока непонятном³. Не является ли это «непонятное» — очевидно, элемент обряда, связанного с культом предков (может быть, особый идол, капище) — таинственным «кустом» цитированных летописей? Об этом же писал и А. И. Соболевский: «Летописное «кусть» как будто бы означает какое-то сооружение (вроде жертвенника?), связанное с почитанием предков»⁴. Это тем более вероятно, что шаманская религия, как правило, осложняется культом предков. Не была исключением из этого правила и татаро-монгольская языческая религия.

Итак, можно постулировать, что типичное неславянское явление — обряд почитания предков в Золотой Орде — в силу близости к похожему славянскому обычаю был назван летописцами так же, как и последний, то есть «куст». Не память ли о том «кусте» сохранили белорусские пословицы, точно очертившие его сущность как некоего покровителя, подателя вполне материальных благ: «Пакланіся кусту, то ён дасць хлеба лусту». В этой функции он близок к кусту полесского обряда: «Дзе куста вадзілі, там ішпанічанька радзіла». «Куст» в значении старого, умудренного опытом хозяина, а ранее, вероятно, в значении «род», «древний род» встречается в пословицах «Дзе стары куст, там двор ні пуст», «Дзе стары кусток, там няма пусток», «Добрага куста добрыя адрыткі».

Центральная фигура полесского обряда издали, действительно, напоминает зеленый куст. Казалось бы, причина названия обряда ясна, если бы не прослеживались более глубокие связи (ср., например, литовск. *kūkšta* «пучок соломы на длинной жерди как межевой знак»). В качестве межевого ориентира «куст» встречается в купчих грамотах на землю («с куста на ямище»), причем на межевых знаках вырубались какие-то изображения. Эти данные позволяют предположить, что в древности «кустом» мог называться межевой родовой знак, символизирующий предка-охранителя родовых границ. Возможно, это был идол наподобие Збручского идола IV в. н. э., которого Б. А. Рыбаков

сближает с древним верховным богом плодородия восточных славян Родом⁵.

На разных этапах своего исторического развития славяне поклонялись и женским божествам земного плодородия, известным под именами Берегinya, Рожаница, Мокошь. Впоследствии в народном сознании происходит отождествление с ними богородицы девы Марии: служба богородице, имели в виду Рожаницу, а изображения девы Марии по атрибутам отождествлялись с Берегинею. Эта закономерность проявляется и в кустовых песнях. Они приобретают заповед, обращенный к богородице, которая, видимо, заменила собой какого-то языческого адресата: «Троица, тройца, пресвятая багародзіца, Пасею лянок, няхай зародзіцца». По атрибутам он родствен покровительнице прядения Мокоши, едва ли не самой странной и непонятной фигуре среди упоминаемых в «Пантеоне» Владимира божеств (кстати, не отголоски ли «куста» («коста») слышатся в ее имени Мо-кошь?). Отголоски какого-то кустового действия, включающего поклонение божеству, слышатся в детской песенке вызывания дождя: «Дождик, дождик, припусти! Я поеду у кусты, Богу молитца, Христу поклонитца»⁶. Можно, на наш взгляд, предположить, что «кусты», упоминаемые в одном древнерусском поучении, приводимом А. И. Соболевским, находятся на одной иерархической лестнице с Родом и рожаницами. Видимо, неслучайно и их соседство: «покорьние и послушанье отгонита... идоломоленье, чародейство, наузоношение, вольхованье, ворожю, кусты, рожаницину тряпезу, мольние коровайное, поведанье навемъ, оканая желения и каранья»⁷.

Полевский обряд «куста» тесно связан и с культом предков. В. Я. Пропп утверждал, что «между культом покойников и культом растений имеется генетическая и смысловая связь»⁸. Оба эти культа формировались в тесной связи друг с другом, что нашло отражение в народных поверьях, преданиях, песнях. Связь душ умерших с растительностью носит универсальный характер в верованиях различных народов. Обряд «куста» по своей семантике родствен другим обрядам «зеленой недели» — «вождению русалии», «дзядам», «кумлению» с кумушкой, березкой, — которые тесно связаны с обычаем поминовения мертвых, с почитанием предков. Этот обычай приурочивается к «духову дню». Мертвые нуждаются в пище и воде, поэтому им устраивают поминальные столы. Мотив «дзядоў» входит и в лирику «куста». Кусту надо «піці-есці даці», с каждого двора «дзявоцкае войска» требует дары. В дом, избранный для гулянья, входили со словами, характеризующими последний этап обряда: «От тут Кусту піці-есці даці». Прямое отношение к «дзядам» имеет песенный мотив расставания с Кустом (в обряде — разрывание, сжигание или захоронение «одежды» Куста). Мотив расставания с Кустом развивается в мотив смерти-воскресения. Он является общим для поэзии «куста» и весенней игры восточных славян, известной у русских под названием Кострома, у украинцев — Коструб. В фигурах Костромы и Коструба видели персонификацию растительной силы (В. Пропп), идею вегетативного круговорота (О. Зилинский), символ «дйда» — отца рода (А. Вацлавик) и связывали данную игру с почитанием рода и общением с умершими сородичами (П. Владимиров, В. Петров)⁹. Весь этот комплекс представлений обнаруживается и в кустовой обрядности. В ней отчетливо проявляется характерная для славянского фольклора общность представлений с семантикой «смерть-свадьба». В некоторых местах Куст называют «невестой» (бел. «маладая»), а сам обряд — не «вадзіці Куста», а «хадзіці ў куста» (к «кусту»?). Подобных невест мы встречаем во многих аналогичных весенних обрядах славянских народов, часто их сопровождают напарники (болг. *лазарица* и *лазарь* или *буенек*, чешск. *красица* и *краль* и др.). Здесь мы, по-видимому, имеем дело с особой формой символического брака, закрепляющего связь между людьми и миром природы (связанного с миром мертвых).

При совершении языческого брака важная роль отводилась обрядам, обеспечивающим заступничество предков. В этой функции выступают действия с хлебом (каравай) и зеленью, олицетворяющими предка-покровителя. Во многих источниках упоминается как пережиток обычай совершать брак обведением молодых вокруг дерева (дуб, ель, ракита). Так венчаются Добрыня и колдунья Маринка, у которой «в термах нету спасова образа»: «Оне в чистом поле женилися, Круг ракитова куста венчалися»¹⁰.

Таким образом, не случайно объект, которому заставляли поклоняться русских князей татары, летописец назвал «куст». Чтобы дать представление о смысле татарского обычая, он употребил понятное славянину слово, проводя тем самым аналогию между представлениями разных народов, в основе которых лежал культ предков. Поклонение князей «кусту» могло быть присягой на верность и означать отречение от своего «куста», своего «корня», рода. Понятно, что истинные русские патриоты, какими выступают в летописях Михаил Черниговский и позже Даниил Галицкий, не могли пойти на это.

Интересным также представляется и вопрос, не подкреплялось ли сходство содержания двух обрядов (славянского и татарского) чисто языковыми, в данном случае, конечно, омонимичными соответствиями. Как будто бы подтверждает это предположение интересное место в некоторых списках Ипатьевской летописи, где говорится о том, что приходящих к Батью водили «около коста». Думается, что это не ошибки писцов, напротив, другие переписчики, помня о славянском «кусте», исправили это место на «коуста».

Логично допустить, что свидетели гибели Михаила Черниговского слышали, как татары достаточно часто (особенно, может быть, при неоднократных напоминаниях о необходимости идти «сквозь огонь») повторяли слова, по звуковому облику напоминающие древнерусское «кусть»; от них эти слова могли быть усвоены летописцами первоначально, видимо, в виде «кость» (восходящего к словоформам с ударением на окончании), позднее, как говорилось выше, «исправленное» переписчиками. Память о языческом «кусте» должна была быть еще очень живой в то время, а о том, что это нечто запретное, противоречащее установлениям христианской церкви, свидетельствует уже упоминавшееся нами древнерусское поучение.

Сопоставление обряда «куста», фиксируемого ныне только на Полесье, и «куста» древнерусских летописей, ценно тем, что документально, хотя и косвенно, доказывает принадлежность первого всем восточным славянам.

¹ См.: Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков.— М., 1957, с. 53.

² Здесь и далее используются записи кустовых песен, сделанные Р. М. Ковалевой в Пинском районе Брестской области.

³ См.: Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям.— Журнал Министерства народного просвещения, 1916, № 7, с. 86.

⁴ Соболевский А. И. Из истории словарного материала.— Русский филологический вестник, вып. 1, № 3—4.— Варшава, 1913, с. 90—91.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества.— М., 1964, с. 8.

⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник, т. 1, вып. I—II.— К., 1886, с. 173.

⁷ Соболевский А. И. Указ. работа, с. 90.

⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники.— Л., 1963, с. 96.

⁹ См.: Зилинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома—Коструб).— Русский фольклор, XI.— М.— Л., 1968, с. 207, 211.

¹⁰ Добрыня Никитич и Алеша Попович.— М., 1974, с. 164.

К БИОГРАФИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

(Публикация, вступительная заметка

и комментарий А. С. Малинина)

Изучение русской общественной мысли, литературного процесса и истории журналистики последней трети прошлого века не будет полным без выяснения роли Н. К. Михайловского—социолога, критика и редактора. Между тем, эта задача далеко еще не выполнена, остается неизученной и биография Михайловского, хотя после долгого перерыва появились новые работы о нем.

Никто более В. И. Ленина не сделал для идейного разгрома народничества в 90-е годы, но уже в 1914 году, когда либерально-буржуазная и буржуазно-демократическая пресса широко отмечала десятилетие со дня смерти Михайловского, Ленин находил возможным исторический подход к оценке его наследия.

В статье «Народничество и класс наемных рабочих» В. И. Ленин писал о том, что теория о «миновании Россией фазы капитализма» была

типичной мелкобуржуазной социалистической утопией в стране, где не было еще рабочего движения. Поэтому во многих странах, как и в России, революционному пролетариату приходилось вести упорную борьбу против подобных теорий.

«Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, — писал В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском», — что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью...

Мы цествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского богатства»¹.

Изучение критических и публицистических работ Н. К. Михайловского будет тем плодотворнее, чем яснее определятся его место среди современников и степень его общественного влияния.

Выявление анонимных статей и рецензий Михайловского, публикация его писем, писем и мемуаров других лиц могут оказаться полезными в этом отношении.

Предлагаемые фрагменты писем Н. К. Михайловского расширяют наши представления о существенных моментах его жизни. Четыре из них адресованы сестре критика Е. К. Мягковой. Переписка с нею, продолжавшаяся почти 50 лет, является важнейшим источником изучения биографии Михайловского, но из нее до сих пор были опубликованы лишь немногие строки, в которых, в частности, говорилось об участии Михайловского в студенческих беспорядках и об организации им под влиянием идей Чернышевского переплетной мастерской².

Михайловский редко ставил даты на письмах. Большую работу по датированию копий писем Е. К. Мягковой, хранящихся в ЦГАЛИ, проделала ее дочь М. Г. Купреянова и переписчик, сотрудник Костромского государственного областного музея Ф. Рязанский. Уточнения, предлагаемые нами, помещены в скобках.

№ 1. Е. К. Мягковой. Январь 1878 года.

«<...> Со смертью Некрасова (хотя это, кажется, случайное совпадение) я произведен в генералы, стал пайщиком в издании «Отеч. Зап.» вместе с Салтыковым и Елисеевым. Духовно это выражается значительной свободой и самостоятельностью, а материально прибавкой в 50 руб. к месячному жалованью и 3 или 3½ тысячами в конце года из чистого дохода <...> Ну, и если умру или очень захвораю, так до окончания срока контракта с Краевским я или семейство получает по 150 руб. в месяц.

Работы от этого хотя сравнительно немного прибавляется, но довольно нехвати, потому что летом я буду, кроме того, занят приготовлением к отдельному изданию своих сочинений или, по крайней мере, одной книги. А это дело будет немалое <...>³

№ 2. Е. К. Мягковой. (После 26 июля 1879 года.)

«<...> Предлагаю рассказ о событии, которое, предваряю, кончилось наиболее благополучнейшим образом.

В ночь с 24 на 25 июля, во втором часу, когда мы уже легли спать, послышался стук в дверь и шум голосов. (Дело было на даче). Я встал, закутанный в одеяло, отворил окно и увидел жандармов, станowego, урядника и понятых. На вопрос мой, что им нужно, я был схвачен жандармом за руки (через окно) и до тех пор не выпущен, пока всей этой толпе не отворили дверь. Тут начался бессмысленнейший обыск каждого уголка, каждой писаной бумажки, каждой коробочки. В конце концов был составлен протокол обыска, из которого явствует, что ничего предосудительного у дворянина Михайловского майор Огарев с братией не нашел⁴. Дети хоть и просыпались, но испуганы не были. Людмила⁵ вела себя молодцом: не только мне не нужно было за ней ухаживать, но еще она меня успокаивала, потому что первое время, когда меня хватили за руки, мешали одеться и рылись в людмилиных письмах, я был очень возмущен.

На другой день поехал в город и нашел квартиру запечатанной. Дал знать в полицию о своем приезде и вновь вытерпел обыск. Результат

тот же самый. Когда-нибудь при свидании расскажу подробности — есть смешные, есть и возмутительные...»⁶

№ 3. Е. К. Мягковой. Выборг. Конец 1882 — начало 1883 года⁷.

«...Ты желаешь подробностей моей истории. Только немножко издаleка начинать надо. Вот уже без малого два года, как я живу в постоянных душевных волнениях, причины и характер которых и на словах было бы трудно рассказать, а не то, что в письме. Внешним образом это выражается тем, что я разучился держать себя на вожжах, чем прежде перед самим собой хвастался. Даже к психиатру обращался, чтобы покончить с этой тяжелой штукой, но толку никакого, разумеется, не вышло. 27 ноября Технологический институт давал бал. Я, как и в прежние годы, получил почетный билет и, как в прежние годы, поехал поздно, часов в 11. Не успел войти, как меня узнали и с разными приветствиями на руках понесли в так называемую «мертвецкую» (особое учреждение на студенческих балах; отдельная большая комната, где нет ни музыки, ни танцев и где пляшут, поют, кричат, пьют, как кому вздумается). Все это и прежде бывало, и ничего из этого не происходило. Но на этот раз, когда меня поставили на эстраду и когда я увидел перед собой целое море голов, я не выдержал и стал говорить. Не верь разным вздорам, которые рассказывают о моих речах. Говорил я почти буквально вот что: «Я понимаю, что не ко мне лично относятся ваши приветствия, а к тому направлению, которое я представляю в литературе, позвольте же мне обрисовать это направление не совсем обычно, но верной формулой; направление это складается из двух элементов: элемента совести, который определяет наши отношения ко всем обездоленным и к народу, на счет которого мы живем, и элемента чести, определяющего наши отношения к тем, кто ежедневно, ежечасно нас оскорбляет; здесь, на празднике молодости, я пью за честь и за совесть». Не ручаюсь, конечно, за форму, но содержание было таково. Это ли содержание, форма ли, несдержанность ли чувства, с которым было говорено, или, наконец, просто настроение аудитории, но последовала целая буря аплодисментов, и едва я сошел с эстрады, как меня опять на нее внесли, требуя, чтобы я говорил о студенческих беспорядках. Я сказал опять почти буквально вот что: «Я не жду никаких благих практических результатов от ваших волнений, напротив, но меня радует их нравственная сторона; не о каких-нибудь специальных студенческих правах идет речь, и в массе вы, может быть, сами не сознаете, против чего вы протестуете; вы протестуете против того страшного, невероятного наплыва подлости, который нас всех одолевает». Уверяю тебя, что резче этого не говорил ничего. Затем были уже не речи, а разговоры с отдельными кучками, и разговоры этих решительно не помню. Через несколько дней давали бал Бестужевские женские курсы. Курсистки завели меня в отдельную комнату, одна из них сказала мне какое-то приветствие, мотивируя его моим поведением на балу технологов, и вслед за тем меня осыпали цветами. Ты можешь себе представить мое смущение, но надо было отвечать. Ответил вот что: «Всякий раз, когда меня так встречает учащаяся молодежь, я роюсь в совести своей и спрашиваю себя: за что? Вот, я думаю, за что. Я не начальник ваш, не товарищ, не профессор, не брат, нет между нами никакой формальной связи, но есть связь, которая выше и чище самых высоких формальных связей. Секрет этой связи очень простой: я грешный человек, да ведь и вы не святые, но в наших отношениях мы становимся друг другу только светлыми своими сторонами, только сторонами добра и правды. Пусть же эта связь растет и крепнет, и не только между нами; пусть все люди войдут в этот союз добра, и тогда мы, седые, скажем вам, чьи волосы не посеребрены ни годами, ни горечью жизни, один старый, но до сих пор не осуществленный стих: «вам, дети, счастье и свобода, широкий путь, разумный труд». Вот тебе полный отчет о моем, для меня самого неожиданном, ораторстве. А результаты такие: 16 декабря оберполицмейстер объявил мне, что за это самое ораторство я должен до 1 января убраться из Петербурга, прибавив, что таково распоряжение министра внутренних дел. Дальше выяснилось, что нельзя жить и в Петербургской губернии (и, кажется, вообще в местах, состоящих на положении усиленной охраны). Я выбрал Выборг: четыре часа езды от Петербурга, и поэтому можно почти не прерывать занятий. Долго ли протянется издание⁸ — не знаю, как не знаю, за что я выслан. Речи — только предлог⁹. Это видно из того, что выслан также Шелгунов (редактор «Дела»), который, хотя и был все время со

мной на балу технологов, но ничего не говорил. С этим самым Шелгуновым я и живу в Выборге...»¹⁰

№ 4. Е. К. Мягковой. (Петербург. Между 10 сентября и 10 октября 1885 года.)

«<...> С тех пор, как я писал тебе, прибавилась еще одна перспектива работы, а затем я и окончательно (не совсем, однако, как сейчас увидишь) уселся.

1) Предполагалось, да и до сих пор, пожалуй, предполагается новый журнал, но так как обстоятельства поставили во главе этого предприятия Гл. Ив. Успенского, то ничего из этого не вышло и, полагаю, не выйдет.

2) Пригласили меня в «Северный вестник».

3) Предложил Соболевский¹¹ писать четыре фельетона в месяц.

Выбрал я «Северный вестник»¹². Это вот что. Жили-были богатая купчиха Сабашникова и доктор прав Евреинова. Затеяли они журнал. Сабашникова — издательница, Евреинова — редакторша. Евреинова, очень почтенная и милая дама, но бестолковая вообще, а в журнальном деле совсем неопытная, взялась за дело сама, но выпустивши одну несообразную книжку и догадавшись, что и следующие будут несообразны, стала искать варяга. Варягом этим оказался я. Мне и предложено 150 р. в месяц за редакционную работу, кроме, разумеется, полистной платы, и с обещанием увеличить жалованье при первой возможности. С Евреиновой ладить можно, тем более, что я, конечно, наведу в журнал своего народу¹³. Но я все-таки смотрю на эту историю только как на опыт, потому что «Сев. вестник» издается под цензурой, а она теперь необыкновенно люта. Если придется бросить, приму предложение Соболевского. Понятно, что за ближайшие номера «Сев. вестника» я никакой ответственности на себя не беру <...>»¹⁴

№ 5. С. Н. Кривенко. Любань, 8 февраля (1887 года).

«<...> В «Сев. вестнике» я дальше оставаться решительно не могу. Формальный разрыв по обстоятельствам должен быть отложен недели на 1½, на 2, но я решительно не могу себе представить, чтобы в этот срок случилось что-нибудь, способное отменить мое решение.¹⁵ Я тебе писал подробности о «Сев. вестн.», но, может быть, они попали в те письма, которые не дошли. Во всяком случае с тех пор многое выяснилось и определилось. Определилось, во-первых, положение подцензурного журнала. Ничего подобного я себе представить не мог, я не знал, что такое цензура, а теперь узнал. Просто хоть собрание анекдотов пиши, т. е. собрание анекдотов о цензуре. И когда рядом есть журналы бесцензурные, то конкуренция невозможна. Определилась и Анна Михайловна Евреинова. Это дама в высшей степени бестолковая, взбалмошная, ничего в деле не смыслящая, но в то же время необыкновенно самолюбивая и самомнящая. Тут опять целый ряд анекдотов. Я старался вести себя как можно деликатнее, делая уступки и стараясь щадить ее самолюбие. Но никакой возможности. В конце концов решительно руки опускаются, и не видишь цели и смысла в трате времени на чтение рукописей и тому подобную черную работу ради журнала, который неизбежно провалится. Спасти его могут только две вещи: выход из-под цензуры и совершенное невмешательство Евреиновой. И то и другое невозможно. Значит, и конец <...>»¹⁶

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—334, 336—337.

² См.: Макаров В. П. Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. — Саратов, 1972, с. 18, 28—29.

³ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 103—104.

⁴ В. А. Твардовская совершенно справедливо считает, что Михайловский был, по всей вероятности, предупрежден об обыске народолюбцами. Его подозревали в участии в подпольной печати и содействии укрывательству типографии. (См.: Твардовская В. А. Н. К. Михайловский и «Народная воля». — Исторические записки, вып. 82. — М., 1968, с. 182—183.)

⁵ Л. Н. Левицкая, жена Н. К. Михайловского.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 124—125.

⁷ Нами уточнена датировка М. Г. Купреяновой (1882—1883 годы). Это подтверждается воспоминаниями Н. К. Михайловского о Н. В. Шелгунове в некрологе «Памяти Николая Васильевича Шелгунова». «В конце 1882 года, — пишет Михайловский, — нам пришлось ехать вместе в Выборг, где мы вместе же и поселились». (См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 1. — М., 1967, с. 382.)

⁸ Очевидно, Н. К. Михайловский имеет в виду «Отечественные записки».

⁹ В ряде работ (Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский.— М., 1931, с. 58; Твардовская В. А. Указ. соч., с. 194; Яковлев Н. В. Комментарии к XIX т. Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— М., 1939, с. 499) указано, что причиной или одной из причин высылки было предательство Дегаева. На самом деле вопрос о высылке Михайловского был решен до предательства Дегаева. М. Е. Салтыков-Щедрин писал о высылке Михайловского Н. А. Белоголовому и Л. Н. Толстому 18 и 21 декабря 1882 года, а Дегаев вступил на путь предательства после захвата 20, а по другим данным, 18 декабря одесской типографии «Народной воли» и ареста лиц, причастных к ней (в том числе и Дегаева). (См.: Былое, 1906, № 4, с. 35—36; Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1.— М., 1964, с. 355).

Правительство выслало Михайловского, находившегося под негласным надзором полиции с 1879 года, подозреваемого в пособничестве революционерам, за его статьи в «Отечественных записках» и за его речь на вечере студентов Технологического института.

Правительство знало от Дегаева об обсуждении Михайловским и Фигнер его предложений Исполнительному Комитету (См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. X.— СПб, 1913, стлб. 55), знало, вероятно, и о намерении Михайловского работать в восстанавливаемой подпольной печати — для этого была создана типография Дегаева, но вряд ли оно хотело, преследуя Михайловского, дойти до выяснения контактов своих высокопоставленных сановников с «Народной волей».

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 146—151.

¹¹ Соболевский В. М. (1846—1913) — редактор газеты «Русские ведомости».

¹² Первый номер «Северного вестника» вышел в сентябре 1885 года. Как следует из письма, сотрудничество Михайловского началось до выхода второго номера и продолжалось с перерывом с марта по сентябрь 1887 года (о возобновлении работы в сентябре Михайловский упоминает в письме В. Г. Короленко. См.: Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3.— М., 1936, с. 40) и до апреля 1888 года.

¹³ В «Северном вестнике» сотрудничали Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, А. Н. Плещеев, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский, К. М. Станюкович, Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев, А. М. Скабичевский, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Д. И. Менделеев, Н. Н. Миклухо-Маклай и др.

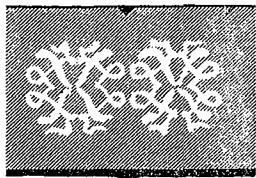
Уже в январе 1886 года начальник Главного управления по делам печати распорядился, чтобы цензор «Северного вестника» с особенной строгостью относился к журналу, ибо он «...во многом напоминает «Отечественные записки», прекращенные за вредное направление». (Очерки по истории русской журналистики и критики, т. II.— Л., 1965, с. 399.)

С уходом Михайловского прекращается сотрудничество в «Северном вестнике» большой группы писателей и публицистов, журнал теряет свое лицо, в 1890 году переходит в другие руки и меняет направление.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 268—270.

¹⁵ Сообщая В. Г. Короленко о разрыве с «Северным вестником», в апреле 1888 года Н. К. Михайловский назвал три причины: «1) тяжесть цензуры, от которой, по-видимому, А. М. Евреинова и не помышляет отвязаться; 2) двоедушие А. М. по отношению ко мне; 3) очевидность наших разногласий во многом важном». (Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3.— Л., 1936, с. 40.)

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 154, л. 10, 10 об., 11.

Мовазнаўства

В. П. КРАСНЕЙ

ГЕНЕТЫЧНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА БЕЛАРУСКАЙ ТЭРМІНАЛАГІЧНАЙ ЛЕКСІКІ ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Пачатак XX стагоддзя — надзвычай важны этап у гісторыі новай беларускай літаратурнай мовы. Актывізацыя грамадскага жыцця і рост рэвалюцыйнага руху абудзілі нацыянальную самасвядомасць усіх народаў царскай Расіі, вывелі іх на арэну гістарычнай дзейнасці. Царызм вымушаны быў пайсці ў нацыянальным пытанні на некаторыя ўступкі, адной з якіх стаў так званы «закон аб свабодзе друку». Гэта выклікала адраджэнне ў Заходнім краі кнігадрукавання і з'яўленне на беларускай мове газет і часопісаў, арыгінальных і перакладных выданняў мастацкай, навуковай і навукова-папулярнай літаратуры.

Кнігі і брашуры, дапаможнікі для навучання грамадзе, артыкулы, допісы і паведамленні, змешчаныя на старонках легальных беларускіх газет і часопісаў, неслі ў шырокія народныя масы праўду пра жыццё і нядолю працоўнага чалавека, будзілі яго самасвядомасць і нацыянальную годнасць, заклікалі да асветы і грамадска-культурнай працы. Частка выданняў адрасавалася моладзі і мела на мэце «адкрываць па троху перад сваімі чытачамі вялікую і дзіўную кнігу света прыроды», «пашыраць кругазор, тлумачыць усе з'явы прыроды, глаўныя законы фізікі і хіміі, жыцця зямлі», «знаёміць з геаграфіяй і гісторыяй роднага краю»¹. Пры гэтым аўтары свядома імкнуліся выкарыстаць выяўленчыя магчымасці беларускай мовы, бо, як сцвярджаў Янук Журба, «кожны народ розніцца ад других сваёю моваю; жыццём, звычаямі і т. д., і ён мае права жыць, як асобная нацыя, разьвываць сваю мову, сваю літэратуру, мае права пазнаваць навуку ў сваёй роднай мові, разьвываць сваю культуру»². І неабходна адзначыць, што некаторыя публікацыі навуковага і навукова-папулярнага зместу раскрывалі маладасведчанаму чытачу на яго мове сутнасць тых ці іншых грамадска-палітычных і сацыяльна-эканамічных падзей, знаёмілі з асобнымі з'явамі ў прыродзе, даводзілі да яго свядомасці і розуму звесткі з розных галін ведаў. Усё гэта патрабавала адпаведных сродкаў выражэння, асабліва тэрміналагічных найменняў.

Асноўнай крыніцай тэрміналагічнай лексікі стала жывая народная гаворка. І гэта заканамерна: далучыць народныя масы да асветы і культуры магчыма было толькі праз роднае слова, а роднае слова магло прабыць сабе дарогу і ўзняцца да ўзроўню літаратурнага пры ўмове шырокага яго выкарыстання ва ўсіх жанрах пісьменнасці.

У якасці тэрмінаў перш за ўсё выкарыстоўваліся розныя ў лексіка-сэмантычных і генетычных адносінах агульнаўжывальныя словы. Ужыванне падобных слоў аб'ектыўна абумоўлена тым, што «ўсякая навука пачынае з вынікаў, здабытых мысленнем і мовай (рэчю) народа, і ў далейшым сваім развіцці не адрываецца ад народнай мовы»³.

Сярод гэтых слоў на генетычнай аснове вылучаецца група агульна-

славянскіх лексем, якія вядомы беларускай літаратурнай і жывой гутарковай мове ва ўсіх яе дыялектных разнавіднасцях, напрыклад: *абарот, бура, вага, верх, вілы, віхор, від, вобраз, возера, волава, воспа, востраў, вось, выгада, вушы, гара, гаспадар, горла, даход, дзяржава, дух, жар, жолаб, жыла, жэрэла, задатак, заліў, заробак, збыт, кароста, карысьць, квас, купец, лішай, луна, мора, месяц, мятла, навер, пар, плата, племя, плесень, почка, права, пыл, работа, род, рожэ, рукаў, свабода, свет, слова, сонца, ствол, суд, торг, точка, урад, хвост, цана, чысло, ядро, ячмень, яшчур*.

Ужываліся таксама агульнанародныя словы ўсходнеславянскага (балалайка, бялок, высыпка, жайтуха, завязь, завязка, зараза, засуха, лязэбнік, калтун, кастаед, кушчэнне, малакроўе, мужык, праліў, прадажа, прастуда, пошліна, прыток, стаўбняк, сударага, язва) і ўласна-беларускага (адліга, вага, высадкі, гародніна, гук, жыўнасць, зык, маладзёк, маланка, навальніца, надвор'е, наводка, пазыка, праменні, працаўнік, пухліна, сухоты, хвароба) паходжання.

У аснове прадметнага значэння прыведзеных слоў, як правіла, адлюстраванне практычнага вопыту чалавека ў пазнанні прыроды, расліннага і жывёльнага свету, сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага жыцця. Некаторыя з іх у сферы агульнага і ў сферы спецыяльнага ўжывання маюць адно і тое ж азначаемае (дэсінат): *бура, возера, востраў, даход, жайтуха, збыт, калтун, почка, прадажа, рака, сонца, суд, сухоты, цана* і інш. Гэта поліфункцыянальныя словы, якія ў адпаведных тэкстах выконваюць розную функцыю і нясуць розную інфармацыю. Характар значэння такіх слоў у адным выпадку — канкрэтна-бытавы, агульны, у другім — прадметна-лагічны, паняццёвы. Напрыклад, у сказах *І сонцэ зазіяло, і туман развееўся*⁴; *Выглянуў чырвоны месяц і ўкруг яго танцавалі зоркі, пазіраючы на белую зямлю*⁵ словы *сонца, месяц, зоркі* выкарыстоўваюцца ў канкрэтна-бытовым значэнні. А вось у сказах *Месяц атсьвечвае тыкеля тым сьветам, што яму дае сонцэ; Так сама і з другімі зоркамі: іншыя сваім сьвечыць, а іншыя сьветам сонца; Першыя называюцца сонцамі, а другіе называюцца месяцамі і зараніцамі і так далей*⁶ значэнне слоў *месяц, зорка і сонца* мае выразную прадметна-лагічную, паняццёвую акрэсленасць.

Частка слоў у залежнасці ад сферы выкарыстання суадносіцца з рознымі азначаемымі: як агульнаўжывальныя яны абазначаюць бытавыя паняцці, а ў тэкстах навуковага і навукова-папулярнага зместу — спецыяльныя, навуковыя. Перанос назвы адбываўся, як правіла, на аснове метафары, калі адна з дыферэнцыяльных прымет семантыкі звычайнага слова дазваляла выконваць апошняму функцыю тэрміналагічнага наймення. Гэта дыферэнцыяльная прымета ў значэнні агульнаўжывальнага слова адлюстроўвала: а) істотныя ўласцівасці адпаведнага азначаемага, што служыла падставай для тэрміналагізацыі лексічных адзінак і паступовага фарміравання паняццяў на прадметна-лагічнай аснове (*горла* кратэра, *гукі* мовы, *завязка* мастацкага твора, *корань* слова, *рукаў* ракі, *склад* слова, *хвост* каметы і інш.); б) прыметы асацыятыўнага характару, якія не закраналі ўнутранай сутнасці азначаемага і таму не спрыялі тэрміналагізацыі яго назвы (*дармаеды* — г. зн. паразіты, *дух* — газ, *зык* — гук, *квас* — кіслата, *мятла* — камета і інш.). Бытавая выразнасць такіх найменняў настолькі адчувальная, што гэта перашкаджала развіццю іх семантыкі на прадметна-лагічнай аснове і не садзейнічала замацаванню падобных слоў у якасці тэрмінаў.

Нярэдка ў функцыі тэрмінаў на старонках беларускіх дарэвалюцыйных выданняў пачатку XX стагоддзя выкарыстоўваліся пашыраныя ў розных гаворках словы. Яны арыентавалі на адно і тое ж паняцце і ўтваралі своеасаблівыя варыянтныя рады, у межах якіх адны найменні адрозніваліся паміж сабой толькі часткова, г. зн. асобнымі фонамарфалагічнымі ці словаўтваральнымі элементамі (*адліга* — ат-

лега, заліва — лівень — улева, маланьня — маланка, севалка — селяка — селяўка, суш — суша, шал — шаленства), а другія — усімі сваімі структурнымі часткамі (даход — зыск — навязка, скрып — хвошч). Кожнае з гэтых слоў магло замацавацца ў якасці тэрміна, але перавага аддавалася таму, якое было вядома большасці носьбітаў мовы. Вось паказальны прыклад: *Хвошч (мейсцамі яго называюць скрыпам) расьліна многалетняя, разрастаецца с каранёў*⁷. Са сказа выразна вынікае, што словы *хвошч* і *скрып* семантычна эквівалентныя. Але відавочна і другое: больш пашыраным з'яўляецца першае з іх, а другое вядома толькі ў некаторых гаворках. Таму тэрміналагічнай нормай у беларускай літаратурнай мове стала лексема *хвошч*, а яе семантычны адпаведнік *скрып* не выйшаў за межы дыялектнага выкарыстання.

Некаторыя тэрміны маюць прастамоўны характар, што знаходзіць выражэнне ў самой лексічнай адзінцы (*атрута* — г. зн. яд, *кіла* — грыжа, *кывайка* — дызэнтэрыя, *ліхаманка* — гарачка, *пошэсць* — эпідэмія, *трасца* — малярыя, *хайрус* — саюз) ці ў яе словаўтваральных элементах (параўн.: *зберэгалка* і *пазычкова-зберэгацельная каса*, *карболка* і *карболавая кіслата* ці *карбалавы квас*). Калі падобныя словы функцыяніравалі як адзіны сродак абазначэння адпаведнага паняцця, яны ў навуковых і навукова-папулярных тэкстах паступова страчвалі адценне прастамоўнасці і тэрміналагізаваліся (*страхоўка*). Аднак у большасці выпадкаў назіралася полінайменнасць, у выніку чаго ў мове ствараліся сінанімічныя рады намінацыйна-тэрміналагічных адзінак. Тады яскрава праяўлялася эмацыянальна-экспрэсіўная афарбоўка прастамоўных слоў, што не давала ім магчымасці пашырыцца ў якасці тэрмінаў. Яны выцягваліся са сферы пісьмовай мовы і зараз або зусім выйшлі з моўнага ўжытку, або выкарыстоўваюцца ў гутарковай мове.

Арыентацыя на жывую народную мову абумовіла ўтварэнне на базе наяўных лексічных сродкаў шматлікіх тэрмінаў-неалагізмаў: *адлічанае*, *адлічаньне*, *вадаспад*, *выпал*, *дзель*, *дзельнік*, *дзялімае*, *дрэвоціна*, *жывучкі*, *заразкі*, *злічво*, *зорнік*, *зямлітрасеньне*, *множаньне*, *множнік*, *множыва*, *трыўгольнік* і інш. Кожны з гэтых тэрмінаў суадносіцца з адпаведным спрадвечнабеларускім словам, разам з тым не выключана магчымасць, што на ўтварэнне і ўжыванне некаторых з іх маглі аказаць уплыў роднасныя руская, украінская ці польская мовы.

Аднак як бы ні імкнуліся аўтары выкарыстаць выяўленчыя і словаўтваральныя магчымасці беларускай літаратурнай і жывой народнай мовы, у многіх выпадках яны не маглі адшукаць сярод уласных моўных рэсурсаў неабходных сродкаў і звярталіся да запазычанняў. Таму значную частку навуковых тэрмінаў складаюць іншамоўныя словы: грэчаскія (*анэмія*, *арган*, *атляс*, *бактэры*, *гібнастыка*, *дызэнтэрыя*, *катар*, *сымфонія*, *сіндыкат*, *трахома*, *цыклон*, *эфір*), лацінскія (*апэрацыя*, *вулкан*, *дзіскант*, *дыэта*, *кампазыцыя*, *капэля*, *натр*, *плантацыя*, *субсыдыя*, *фэррогидрокарбонат*, *эвалюцыя*), рускія (*абишчына*, *землеулюбитель*, *знаменацель*, *веласяпед*, *кустар*, *патрабитель*, *прадседацель*, *рашот*, *севаапарат*, *чысьільцель*), польскія (*банкруцтва*, *витрыоль*, *выда-так*, *высна*, *двугленэк* *вугля*, *затока*, *мосяж*, *тлен*), англійскія (*байкот*, *вельбот*, *камност*, *катэр*, *локаут*, *трамвай*, *трэст*), французскія (*аккомпанімент*, *аэроплан*, *баланс*, *басэйн*, *бюджэт*, *грым*, *дырыжор*, *ізолятор*, *маскарад*, *рэжысэр*, *рэзервуар*, *рэпертуар*, *уверцюра*), нямецкія (*барка*, *вэксэль*, *гандаль*, *капальмэйстэр*, *каса*, *кошт*, *матэрыял*, *турбіна*, *цэнтрыфуга*), італьянскія (*альт*, *бас*, *віолончэль*, *карыкатура*, *лава*, *малярыя*, *пьянісімо*, *солё*, *сопрано*, *сцэнарыуш*, *тэнор*, *фірма*, *фортэ*, *шкарлятына*), цюркскія (*барыш*, *нефть*, *тавар*, *чума*) і інш.

Адметнай асаблівасцю гэтых тэрмінаў было тое, што яны ўваходзілі ў беларускую нацыянальную тэрміналогію як гатовыя моўныя адзінкі разам з паняццямі, сродкамі выражэння якіх з'яўляліся: Вось тут і становіцца ў помач гэта «сэлецыя» або падбор лепшага сорту зерня з ураджаю⁸; Калі-б паветра на ўсякай вышыні ад зямлі мела адну вагу, як у нізі — гэтак і ў версі, то тады-б тайсьціня паветравага слою

над зямлёй, ці як кажуць, таўсьціня *атмасфэры*, мела-б 12 вёрст...⁹ Праўда, для чытача з невысокім адукацыйным узроўнем паняццё змест шмат якіх іншамоўных тэрмінаў мог аказацца невядомым, незразумелым, таму іх ужыванне нярэдка суправаджалася глосамі, рознымі апісаннямі, тлумачэннямі. У якасці глосы звычайна выступалі словы, якія ў нейкай меры дапамагалі асэнсаваць паняццё сутнасць тэрміна, хоць і на аснове чыста практычнага пазнання з'яў рэальнай рэчаіснасці, напрыклад: Каб ачысьціць які надзел с тайгі (*пушчы*) — трэба грошы і то многа грошы¹⁰. Апісанні (тлумачэнні) асобных з'яў і паняццяў, што часта будаваліся з улікам істотных прымет і жыццёва канкрэтных уяўленняў, павінны былі, на думку аўтараў, таксама пэўным чынам раскрываць змест ужытага тэрміна: На съвеці шмат ёсць *такіх высокіх гор, што часамі выкідаюць з сябе, з надтрэснутых бакоў, а лишчэ часьцей з самага верху гарачую гразь разам з вялікімі аскабалкамі разарваных камяў ад страшнай сілы узрыву. Вось гэтыя горы носяць названне вулканаў*¹¹; Ёсць там горы — *так званыя вулканы, каторыя час-ад-часу бухаюць са сваіх дзіравых вярхоў агнём, і выкідаюць на колькі сотак сажнёў у гару распаленыя каменныя і попял*¹². Падобную стадыю сэнсавага асваення прайшлі ў беларускай літаратурнай мове многія іншамоўныя тэрміны.

Аднак часам словы, ужытыя ў якасці глосы, словазлучэнні апісальнага ці тлумачальнага характару недакладна перадавалі сутнасць паняцця, што не садзейнічала сэнсаваму асваенню тэрміна, напрыклад: *караблі да летанья ў паветры* (аэростаты), *пеяньне* (солё) і да т. п. Больш таго, у некаторых выпадках іншамоўныя тэрміны выкарыстоўваліся ў такім значэнні, якое ім зусім не ўласціва: Разглядаюць расходы на сельскую *эканомію*, сельскую статыстыку і зямельнае палепшанне¹³; Турцыя — багаты рынак для немецкіх прамыслоўцаў, а таксама ната прыгодны край для пярэсялення, або, як кажуць, для *калінізацыі*¹⁴. Гэта вяло да памылковага асэнсавання і недакладнага ўжывання тэрміна.

Калі паходжанне іншамоўных тэрмінаў можна вызначыць амаль беспамылкова, то шляхі пранікнення іх у беларускую мову выявіць не заўсёды лёгка. Тым не менш, прымаючы пад увагу моўныя фактары, выкажам некаторыя меркаванні адносна асобных груп запазычанняў. Тэрміны, якія не з'яўляліся вузкаспецыяльнымі і сустракаюцца ў розным фанетычным афармленні, спачатку трапілі ў жывыя народныя гаворкі, а праз іх — у пісьмовую мову, напрыклад: *аперацыя* (фанетычныя варыянты *апэрацыя, апарацыя*), *рэўматызм* (*раматус, руматуз, руматыз, руматызм, рэвматызм, рэматыз, рэматызм, рэўматызм, рэўматызм*), *фельчар* (*фэльчар, фэльчэр, фэйшар, хвэйчар, хвэйчэр, хвэльчэр*) і да т. п. Вузкаспецыяльныя тэрміны, як правіла, пранікалі спачатку ў пісьмовую мову. На старонках дакастрычніцкіх выданняў яны таксама нярэдка маюць розны графічны воблік і марфалагічную форму; але гэта ўжо абумоўлена не столькі арыентацыяй аўтараў у сваёй моўнай практыцы на той ці іншы дыялект, колькі асаблівасцямі мовыкрыніцы (ці мовы-пасрэдніцы), з якой (або праз якую) запазычваліся іншамоўныя тэрміны, і складанасцю графічнага, фанетычнага і марфалагічнага асваення апошніх беларускай мовай (параўн.: *акцыза* — *акцыз*; *арэоплан* — *аэраплан* — *аэроплан* — *аэраплан* — *аэроплан*; *віліончэль* — *віолончэль*; *вэксэль* — *вэксаль*; *манаполія* — *монополія*; *ферма* — *фэрма*).

Для шматлікіх тэрмінаў інтэрнацыяналізмаў мову-пасрэдніцу можна вызначыць па фанетычных і марфалагічных паказчыках. Відавочна, што праз рускую мову былі запазычаны тэрміны *ірыгацыя* (параўн. руск. *ирригация* і польск. *irygacja*), *космополіцізм* (*космополітизм* і *kosmopolityzm*), *митинг* (*митинг* і *mityng*), *стыпендыя* (*стипендия* і *stypendium*), *труппа* (*труппа* і *trupa*), *радій* (*радий* і *rad*) і інш., праз польскую — *дырэктыва* (*dyrektywa* і *директива*), *рэжысэр* (*rezyser* і *режиссёр*), *сіндыкат* (*syndykat* і *синдикат*), *фундуш* (*fundusz* і *фонд*).

Некаторыя тэрміны запазычваліся адначасова з рускай і польскай мовамі, што выяўляе неаднолькавыя погляды аўтараў на шляхі развіцця беларускай мовы (параўн.: *арганіст* — *арганісты*, *дырыжор* — *дырыгент*, *крызіс* — *крызыс*, *локайт* — *лёкайт*, *чума* — *джума*). Аднак шляхі пранікнення значнай колькасці іншамоўных тэрмінаў вызначыць надзвычай складана, асабліва калі ў іх структуры адлюстроўваецца кантамінацыя (селекцыя — параўн. руск. *селекция* і польск. *selekcja*; рэзервуар — *резервуар* і *rezerwuuar*), або калі іх фонамарфалагічны воблік супадаў у рускай і польскай мовах, пры пасрэдніцтве якіх часцей за ўсё адбывалася запазычанне (діафрагма — *диафрагма* і *diafragma*, элеватор — *элеватор* і *elewator*).

¹ Лучынка, 1914, кн. 4, с. 36. Тут і далей захоўваюцца моўныя асаблівасці тагачасных выданняў, толькі лацінка замяняецца кірыліцай.

² Наша ніва, 1908, № 8.

³ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов. — Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 6.

⁴ Наша ніва, 1910, № 21.

⁵ Там жа, 1914, № 10.

⁶ Гутаркі аб небы і зямлі. — Пб., 1907, с. 33.

⁷ Саха, 1912, № 6, с. 16.

⁸ Беларускі календар «Нашай нівы» на 1914 год. — Вільня, 1914, с. 56.

⁹ Лучынка, 1914, кн. 4, с. 22.

¹⁰ Наша ніва, 1913, № 14.

¹¹ Лучынка, 1914, кн. 1, с. 13.

¹² Bietarus, 1913, № 14.

¹³ Наша ніва, 1909, № 12.

¹⁴ Вольная Беларусь, 1917, № 9.

М. А. ПАЎЛЕНКА

АДНАКАРЭННЫЯ РОЗНААСНОЎНЫЯ ФЕМІНАТЫВЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ ПАСЛЯКАСТРЫЧНІЦКАЙ ЭПОХІ

Аднакарэнныя рознаасноўныя найменні са значэннем асобы жаночага полу выступаюць у мове савецкага часу (звычайна літаратурнай) у дзвюх асноўных разнавіднасцях: а) аднакарэнныя рознаасноўныя аднасуфіксныя ўтварэнні, б) аднакарэнныя рознаасноўныя рознасуфіксныя намінацыі.

Фемінінатывы першай разнавіднасці ўтвараюцца пры дапамозе суфіксаў: -к-а: *наймічка* (Бел. рс, 1928, № 6) — *наймітка* (Бел. рс, 1930, № 18)¹, *мардвінка* (БРС, 438) — *мардоўка* (там жа), *варажбітка* (БРС, 145) — *варожка* (там жа), *арабка* (БРС, 96) — *арабінка* (Рс, 1965, № 12), *купалаўка* (Рс, 1969, № 4) — *купалаўчанка* (Рс, 1970, № 11), *багачка* (Мележ. Пн, 152) — *багацейка* (там жа, 151) і г. д.; -іц-а (-ыц-а): *пайшыца* (Бел. рс, 1928, № 7) — *пайніца* (Бел. рс, 1930, № 33), *вынаходчыца* (Бел. рс, 1929, № 22) — *вынаходніца* (Рс, 1933, 28), *грамадзянныца* (Бел. рс, 1925, № 5) — *грамадчыца* (Бел. рс, 1927, № 1), *дыванішчыца* (Рс, 1964, № 10) — *дываноўшчыца* (Рс, 1972, № 9), *абіўшчыца* (БРС, 27) — *абівальшчыца* (БРС, 26), *завіўшчыца* (Рс, 1958, № 8) — *завівальшчыца* (Зв. 30.III.71), *сартоўшчыца* (Рк, 1932, № 35-36) — *сартыроўшчыца* (Рк, 1935, № 18), *свідроўшчыца* (Рс, 1946, № 2) — *свідравальшчыца* (Рс, 1947, № 10), *наведніца* (Лыньк. Вд, IV, 129) — *наведвальніца* (Рс, 1959, № 1), *заяўніца* (БРС, 323) — *заяўшчыца* (там жа), *змойніца* (БРС, 343) — *змойшчыца* (там жа), *падзённіца* (БРС, 564) — *падзёншчыца* (там жа) і г. д.

Як сведчаць факты, колькасць суфіксаў, якія ўдзельнічаюць ва ўтварэнні аднакарэннай рознаасноўнай аднасуфікснай сінаніміі, паменшылася больш як у два разы ў параўнанні з папярэднім гістарычным перыядам развіцця мовы. У мове XIX — пачатку XX стагоддзя ў сінонімаўтварэнні акрамя -к-а і -іц-а ўдзельнічалі таксама суфіксы -н'-а, -ухн-а, -иш-а (*воркунья* — *воркотунья*, *бабухна* — *бабусюхна*, *дзеву-*

ща — дзевщица). Інакш кажучы, у беларускай мове савецкага часу пры ўтварэнні аднакарэннай рознаасноўнай аднасуфікснай сінаніміі назіраецца тая ж сітуацыя, што і ў старабеларускай мове².

У мове савецкай эпохі адбылося карэннае абнаўленне рознаасноўнай аднасуфікснай сінаніміі фемінінатываў за кошт уцягвання ў працэс сінонімаўтварэння слоў, якія называюць жанчыну па яе прафесіі, спецыяльнасці, удзелу ў грамадска-вытворчай дзейнасці і г. д. Ад папярэдніх гістарычных перыядаў развіцця мовы атрыманы ў спадчыну толькі адзінкавыя сінанімічныя аб'яднанні (*наймічка — наймітка* — рад, які функцыяніруе на ўсім працягу гісторыі мовы, *варажбітка — варожка* — рад, зафіксаваны ў старабеларускай мове, але не адзначаны ў выкарыстаных намі пісьмовых крыніцах XIX — пачатку XX стагоддзя).

Ва ўзнікненні новых рознаасноўных аднасуфіксных сінанімічных аб'яднанняў знаходзяць адлюстраванне складаныя і супярэчлівыя працэсы абнаўлення і ўзбагачэння беларускай лексікі (асабліва працэсы фарміравання прафесійна-вытворчай тэрміналогіі) у савецкі час. Прыкметна змянілася ў мове савецкай эпохі ў параўнанні з папярэднім гістарычным перыядам развіцця мовы і структурнае аблічча аднакарэнных асноў, якія ўтвараюць рознаасноўныя аднасуфіксныя сінонімы.

Суфіксы -к-а і -іц-а (-ыц-а) спалучаюцца тут, як правіла, з маскуліннымі асновамі, якія адрозніваюцца ў межах сінанімічнага раду апазіцыямі: а) для суфікса -к-а: -цель/-нік (*прадстаўцель — прадстаўнік*), -сц/-чанін (*купалавец — купалаўчанін*), -ач/-цей (*багач — багацей*), Ø/-ін (*араб — арабін*); б) для суфікса -іц-а (-ыц-а): -нік/-льнік (*наследнік — наследавальнік*), -нік/-чык (*зараднік — зарадчык*), -нік/-шчык (*падзённік — падзёншык*), -льнік/-чык (*наглядальнік — наглядчык*), -шчык/-чык (*сатуратаршык — сатуратчык*), -льнік/-льшчык (*сартавальнік — сартавальшык*), -шчык/-льшчык (*абіўшык — абівальшык*).

Гэта сведчыць аб тым, што аднакарэнныя рознаасноўныя аднасуфіксныя сінанімічныя аб'яднанні фемінінатываў з'яўляюцца, па сутнасці, адлюстраваннем словаўтваральнай сінаніміі адпаведных маскулінатываў.

Да аднакарэнных рознаасноўных аднасуфіксных сінонімаў прымыкаюць асобныя сінанімічныя аб'яднанні, якія сустракаюцца ў народна-дыялектнай мове і кампаненты якіх проціпастаўляюцца адсутнасцю/наўнасцю прэфіксаў: Ø/на-: *учыцелька* (Нарач Мядзельск. Мінск) — *научыцелька* (там жа); Ø/па-: *радзіха* (Сцяш., 412) — *парадзіха* (Сцяш., 350) — сінанімічны рад, які функцыяніраваў і ў мове папярэдняга гістарычнага перыяду. Прэфіксы, якія ўваходзяць у склад другіх кампанентаў сінанімічнага аб'яднання, належаць утвараючым асновам. Што датычыць аднакарэнных рознаасноўных рознасуфіксных фемінінатываў, то яны акрамя проціпастаўлення па асновах адрозніваюцца паміж сабой у межах сінанімічнага рада таксама апазіцыяй наступных суфіксаў: -к-а/-іц-а (-ыц-а): *бунтарка* (Таўлай, 53) — *бунтаўшыца* (БРС, 135), *бібліятэкарка* (Карп. Вл, 42) — *бібліятэтчыца* (БРС, 125), *выхавацелька* (Рс, 1963, № 1) — *выхавальніца* (БРС, 189), *грымёрка* (БРС, 217) — *грыміроўшыца* (там жа), *капачка* 'тая, што капае бульбу' (Сцяш., 216) — *капальніца* (Сцяш., 205) і г. д.; -к-а/-ух-а: *брахліўка* (Клімк., I, 204) — *брахуха* (БРС, 131), *вяхунка* (БРС, 125) — *вяхучуха* (там жа), *пястунка* (Пестр. С., 163) — *пястуха* (БРС, 771) і г. д.; -к-а/-анк-а: *паляшучка* (БРС, 602) — *паляшанка* (Рс, 1970, № 11); -к-а/-ш-а: *паштарка* 'тая, што разносіць пошту' (Туча Пухавіцк. Мінск.) — *паштальёніца* (там жа); -іц-а/-ніц-а: *абіральніца* 'выбаршчыца' (Бел. рс, 1929, № 29) — *абірацельніца* (там жа); -іц-а/-ушк-а: *тарфяніца* (Рк, 1933, № 22) — *тарфушка* (Сташ., 318); -іц-а/-ц-а: *празорлівіца* (БРС, 713) — *празорца* 'ён, яна' (БРС, 712); -н'-а/-ух-а: *крыксуння* (Расторг., 141) — *крыкуха* (там жа), *лапатуння* (Расторг., 235) — *лапатуха* (там жа), *сакатуння* (Расторг., 235) — *сакатуха* (там жа); -іх-а -ых-а/-лл'-а: *ткачыха* — *ткалля*; -тух-а/-ннц-а/-л'-н'-а: *часатуха* 'часальшчыца льну' (Сцяш., 548) — *часанніца* (там жа) — *часал'ня* (там жа); Ø/-іц-а (-ыц-а): *зменная*

(Гаўр., 152) — *зменшчыца* (БРС, 342), *падліза* 'ён, яна' (БРС, 568) — *падлізніца* (там жа), *суцяга* 'ён, яна' (БРС, 902) — *суцяжніца* (там жа)³; Ø/-ix-а (-ых-а): *братавая* (Спяш., 57) — *браціха* (там жа); Ø/-ух-а: *гарбатая* (БРС, 201) — *гарбуха* (там жа).

Як паказвае аналіз, колькасць сінанімічных радоў разглядаемага тыпу некалькі паменшылася ў параўнанні з аналагічнымі аб'яднаннямі папярэдняга перыяду гісторыі мовы. Змяненні закранулі і самыя суфіксы, якія ўдзельнічаюць у сінонімаўтварэнні. Сярод гэтых суфіксаў большасць удзельнічала ва ўтварэнні сінонімаў і ў папярэдні перыяд гісторыі мовы (-к-а, -іц-а, (-ыц-а), -ух-а, -анк-а, -ніц-а, -ц-а, -н'-а, -ушк-а, -іх-а, (-ых-а). Але побач з гэтым у працэс сінонімаўтварэння аднакарэнных рознаасноўных рознасуфіксных фемінінатываў у мове паслякастрычніцкага часу ўключыліся асобныя суфіксы (-ш-а, -лл'-а, л'н'-а, -нніц-а), якія да гэтага не ўдзельнічалі ва ўтварэнні сінонімаў. Частка іх (-л'н'-а, -нніц-а) дзейнічае ў сферы дыялектнага словаўтварэння. Не адзначаны ў мове паслякастрычніцкага часу як афармляльнікі рознаасноўных рознасуфіксных сінанімічных радоў афіксы -ін'-а, -ал-а, -ец, -ечк-а, -ичк-а, якія выконвалі ўказаную функцыю ў мове XIX — пачатку XX стагоддзя.

Нягледзячы на тое, што ў асноўным захоўваецца былы склад суфіксаў, якія афармляюць рознаасноўныя рознасуфіксныя фемінінныя сінонімы, больш палавіны проціпастаўленняў, утвараемых гэтымі фармантамі, з'яўляюцца новымі камбінацыямі. З былых проціпастаўленняў у мове паслякастрычніцкага перыяду захаваліся толькі схемы -к-а/-іц-а, -к-а/-ух-а, -іц-а/-ц-а, -н'-а/-ух-а. Пры гэтым схема -к-а/-ц-а дзейнічае на ўсім працягу гісторыі мовы, астатнія ж — пачынаючы з XIX стагоддзя. Функцыяніраванне ўказаных схем проціпастаўлення падтрымліваецца ў мове савецкай эпохі, як правіла, новымі сінанімічнымі ўтварэннямі. Што датычыць утвараючых асноў, якія ўдзельнічаюць ва ўтварэнні рознаасноўных рознасуфіксных фемінінных сінонімаў, то тут захоўваюцца тэндэнцыі, выяўленыя ў мове папярэдняга гістарычнага перыяду (утварэнне кампанентаў сінанімічнага раду ад вытворчых асабовых маскулінатываў, ад асноў неасабовых назоўнікаў, назоўнікаў агульнага роду, некаторых тыпаў дзеяслоўных асноў).

З боку семантычных адносін паміж кампанентамі аднакарэнных рознаасноўных (аднасуфіксных і рознасуфіксных) сінанімічных аб'яднанняў назіраецца тое ж, што і ў аднаасноўных сінонімах⁴. Адна частка рознаасноўных сінанімічных найменняў (такіх большасць) утварае дублетныя сінанімічныя рады (*мардвінка* — *мардоўка*, *пайшчыца* — *пайніца*, *прыгожая* — *прыгажуня*, *бібліятэкарка* — *бібліятэччыца*, *абіральніца* — *абірацельніца*, *незамужняя* — *незамужка*). Другая частка рознаасноўных сінонімаў аб'ядноўваецца ў недублетныя сінанімічныя рады (*плакса* 'ён, яна' — *паксуха*, *празорца*, 'ён, яна' — *празорлівіца*, *падліза* 'ён, яна' — *падлізніца*, *часатуха* '1. Часальшчыца льну, 2. Прылада для часання льну' — *часанніца* 'часальшчыца льну' — *часальня* 'тое ж самае' і г. д.).

Супастаўленне аднакарэнных аднаасноўных⁵ і рознаасноўных фемінінатываў, улік іх структурна-семантычных асаблівасцей дае магчымасць усталяваць: 1. Структурна камбінаваныя дублетныя рады, якія аб'ядноўваюць семантычна тоесныя аднаасноўна-рознаасноўныя жаночыя намінацыі (*братавая* 'жонка брата' — *братавуха* 'тое ж' — *браціха* 'тое ж', *паштальёнка* 'разносчыца пошты' — *паштальёніха* 'тое ж' — *паштарка* 'тое ж' — *паштальёніша* 'тое ж', *бібліятэкарка* 'работніца бібліятэкі' — *бібліятэкарша* 'тое ж' — *бібліятэччыца* 'тое ж' і інш.); 2. Змешаныя структурна камбінаваныя рады, якія ўключаюць як дублетныя, так і недублетныя ўтварэнні (*крыкса* 'ён, яна' — *крыксуння* — *крыкуха*, *плакса* 'ён, яна' — *паксуння* — *паксуха* і інш.). Такая ж карціна назіралася і ў мове папярэдняга гістарычнага перыяду.

Як паказвае аналіз, існуючая ў сучаснай беларускай мове разгалінаваная аднакарэнная сінанімія фемінінатываў з'яўляецца не толькі вынікам неўстойлівасці моўных норм, але і сведчаннем таго, што парадыг-

матычная збыткунасць ёсць адна з неабходных умоў функцыяніравання мовы, працягнення яе натуральнага стану.

Скарачэнні

Бел. рс — «Беларуская работніца і сялянка» (1924—1931); БРС — Беларуска-рускі слоўнік.— М., 1962; Гаўр.— Леанід Гаўрылкін. Прашу звольніць мяне. Аповесці.— Мінск, 1965; Зв.—Звязда (Камплект газет за 1946—1978 гг.); Карп. Вл.—Уладзімір Карпаў. Вясенні ліўні.— Мінск, 1961; Клімк.—Міхась Клімковіч. Збор твораў у 2-х тамах.— Мінск, 1959; Лыньк. Вд.—Міхась Лынькоў. Векапомныя дні. Раман у 4-х тамах.— Мінск, 1958; Мележ. Пн.—Іван Мележ. Подых навалыніцы.— Мінск, 1966; Пестр. С.—Піліп Пестрак. Серадзібор.— Мінск, 1963; Расторг.—П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973; Рк.—«Работніца і калгасніца Беларусі» (1932—1941); Рс.—«Работніца і сялянка» (1946—1978); Сташ.—В. П. Сташэўскі. Шуміць бярэзінка. Аповесці, апавяданні, нарысы.— Мінск, 1963; Сцяш.—Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці.— Мінск, 1972; Таўлай —Валянцін Таўлай. Творы.— Мінск, 1961.

¹ Тут і далей у прыкладах захоўваецца арфаграфія выкарыстаных крыніц.

² Гл.: Паўленка М. А. Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове.— Мінск, 1978, с. 115—116.

³ Фемінінатывы *падлізніца, суцяжніца* можна асэнсоўваць і як утварэнні на -ніц-а ад назоўнікаў агульнага роду *падліза, суцяга*. У такім выпадку сінанімічныя рады *падліза — падлізніца, суцяга — суцяжніца* трэба лічыць аднакарэннымі аднаасноўнымі аб'яднаннямі.

⁴ Гл.: Паўленка М. А. Аднаасноўныя жаночыя асабовыя намінацыі ў беларускай мове паслякастрычніцкай эпохі.— Весн. Беларускага ун-та. Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал., 1979, № 2, с. 20.

⁵ Гл.: Паўленка М. А. Аднаасноўныя жаночыя асабовыя намінацыі ў беларускай мове паслякастрычніцкай эпохі..., с. 17—21.

А. І. НАРКЕВІЧ

ДА ўжывання словазлучэнняў

З УЛАСНА- І АГУЛЬНА-ПРЫНАЛЕЖНЫМІ ЗАЙМЕННІКАМІ

(на матэрыяле сучасных літаратурна-мастацкіх і публіцыстычных твораў)

Сярод іменных словазлучэнняў з абагульнена-прыналежнымі займеннікамі найбольш пашыранымі і прадуктыўнымі ва ўжыванні ў розных стылістычна-жанравых разнавіднасцях сучаснай беларускай літаратурнай мовы з'яўляюцца словазлучэнні, у якіх выражаецца прыналежнасць прадметаў калектыўнаму ўладару. Пераважнасць ужывання такога тыпу словазлучэнняў абумоўліваецца з'явамі сацыяльнага, экстралінгвістычнага характару і непарыўна звязана з аб'ектыўнымі заканамернасцямі грамадскага развіцця.

На сацыяльную залежнасць моўных з'яў, звязаных з граматычным выражэннем катэгорыі прыналежнасці, яскрава ўказваюць шматлікія факты навакольнай рэчаіснасці. Характэрнымі ў гэтых адносінах з'яўляюцца выказванні вядомага беларускага пісьменніка і публіцыста Платона Галавача, які на канкрэтных жыццёвых прыкладах сваёй эпохі па-пісьменніцку трапна і дакладна адлюстравалі дыялектыку сувязей і ўзаемаадносін паміж сацыяльнымі і духоўнымі сферамі жыцця грамадства, паміж бытам людзей і свядомасцю, паміж характарам грамадскіх адносін, якія складваюцца ў пэўным сацыяльным асяроддзі, і формамі моўнага выражэння існуючых рэалій. Ён паказаў, як ва ўмовах новай сацыялістычнай рэчаіснасці змяняюцца разуменні ўласнага і агульнага, індывідуальнага і калектыўнага, як змены ў грамадскім жыцці накладваюць урэшце свой непасрэдны адбітак на мову саміх носьбітаў новай сацыялістычнай ідэалогіі. «...Мяняецца ўсё,— пісаў ён,— пачынаючы ад вопраткі на чалавеку да змен у прыродзе. ...Змяняюцца разуменні. Знікае індывідуалізм. На месца «я» індывідуалізму прыходзіць «мы», і ў гэтым «мы», у калектыве максімальнай

свабоды і вышыні ўсебаковага свайго развіцця дасягае «я» — індывідуальнасць. Сціраюцца, знікаюць грані паміж разуменнямі «маё» і «наша». Найвышэйшым прынцыпам у жыцці чалавека, у псіхіцы селяніна, каму найбольш уласцівым быў дробнабуржуазны індывідуалізм, становіцца не «маё», а «наша»¹.

Прыкладам шырокага ўжывання словазлучэнняў з абагульнена-прыналежнымі займеннікамі, якія выражаюць адносіны да калектывнага ўладара, могуць служыць шматлікія творы беларускіх савецкіх пісьменнікаў, прысвечаныя ўслаўленню нашай сацыялістычнай рэчаіснасці: То не шум баравы калыша прасторам, і не зоў баявы заклікае к зорам, — гэта *наша жыццё* п'е гімн шчаслівы пра ўсё *наша быццё нашых родных ніваў* (Я. Купала). Родзіць буйна *наша поле, сады нашы, агароды*, гудуць гулка з добрай волі *нашы фабрыкі, заводы* (Я. Купала). Скажуць вам прасторы самі, *нашы вёскі, нашы хаты*, як у бойках тут з панамі ўзнімаўся год дваццаты (П. Броўка).

Паказальнымі ў гэтых адносінах з'яўляюцца творы на грамадска-палітычную тэматыку выдатнага беларускага паэта-песенніка Адама Русака. Вось да прыкладу яго верш «Слаўся, Радзіма»: Слаўся ты, *наша Радзіма*, // Песняй і працай свабоднай, // *Нашаю доляй* шчаслівай, // Воляй і дружбай народнай. // Слаўся ўраджаем багатым, // *Наша калгаснае поле*. // Слаўся палётам крылатым, // *Наша жыццё* маладое. // Многа арлам тут прастору, // Радасць *зямяна наша* родзіць, // Свецаць нам сонца і зоры, // Шчасце ў дом *наш* прыходзіць. // Слаўся, краіна Саветаў, // Сонцам, што праўдай нам ззяе, // Ты над вялікім сусветам // Вечна жыццём маладая. // Слаўся ты, *партыя наша*, // Мудрасцю слаўся заўсёды, // Ты павяла к камунізму // Светлай дарогай народы!

Шырока ўжываюцца словазлучэнні са значэннем калектывных адносін і ў публіцыстычных творах. Напрыклад: Заўсёды, калі над горадам гучыць салют у гонар *нашай Перамогі*, мы ўспамінаем герояў Брэсцкай крэпасці, абаронцаў Масквы, байцоў Валгаграда і тых, хто прайшоў праз Брандэнбургскія вароты, узняў над рэйхстагам *наш* чырвоны *сцяг* (П. Прыходзька). Гэтай своеасабліваасцю іменныя словазлучэнні з прыналежнымі займеннікамі істотна адрозніваюцца ад аналагічных іменна-ад'ектывных словазлучэнняў з прыналежнымі прыметнікамі, для якіх найбольш характэрным і тыповым з'яўляецца выражэнне індывідуальнай прыналежнасці прадмета (прадметаў) адной канкрэтнай асобе².

Словазлучэнні з займеннікамі, якія выражаюць індывідуальную прыналежнасць, ужываюцца ў літаратурнай мове параўнальна не шырока. Выкарыстанне іх абмяжоўваецца амаль выключна жанрамі паэтычна-мастацкай і мемуарнай літаратуры, творами інтымнага і апавядальна-бытавага характару: Бывай здароў, *мой год* старэнькі! У *майх* ты *думках* будзеш жыць і многа будзеш *майму сэрцу* ў мінуту жалю гаварыць (Я. Колас). Далёкія, з *майго* *маленства* ўспаміны! Вы ажываеце заўсёды зноў і зноў (П. Глебکا). І сцэлецца ўдалы *мая дарога* — з рабіны ліст апошні закружыў (Н. Тарас). *Мае* *песні* — песні буры, гоман лесу ў непагоду (М. Чарот). Як толькі ўзыходзіць зара над зямлёю, *дзень* радаснай працы займаецца *мой* (П. Броўка). Паляцеў у край далёкі ясны *сокал мой*, а за ім ляціць у далі спеў *душы майёй* (А. Русак). Такія словазлучэнні трапляюцца ў праявічых творах лірыка-апавядальнага характару, у дыялогах і маналогях: Зноў пайшла раўней *мая дарога*, зноў вачам адкрываюцца новыя абразы свету, іншыя галасы чуе *маё вуха*, іншыя думкі родзяцца ў *маім сэрцы* (Я. Колас). Словазлучэнні з адносінамі індывідуальнай прыналежнасці выкарыстоўваюцца таксама пры адлюстраванні старога, дарэвалюцыйнага, прыватнаўласніцкага ўкладу жыцця: «Гэй, *мой конік*! Гэй, *мой сівы*! Ну, яшчэ, маленькі! Варушыся, гэі, не бойся, *конік мой* сівенькі!» — зранку ў полі за сахою араты гукае, сіўку, друга ў цяжкай працы, просіць-панукае (Я. Колас).

Іменна-займеннікавыя словазлучэнні з уласнай прыналежнасцю нярэдка ўжываюцца ў жыццяпісальных, біяграфічных творах. Возьмем

для прыкладу ўрыўкі з біяграфій паасобных беларускіх пісьменнікаў — Змітрака Бядулі: «*Мой першы верш быў надрукаваны на рускай мове ў 1910 годзе ў часопісе «На берегах Невы», які выдаваўся ў Пецярбургу... У гэтым жа годзе я надрукаваў свае творы яшчэ і ў літаратурным зборніку «Ветви», таксама ў Пецярбургу... Мае творы на рускай мове былі перасыпаны беларусізмамі, і кожны раз рэдакцыя патрабавалі ад мяне тлумачэнняў незразумелых слоў. Пісанні мае ахвотна друкавалі. У некаторых рускіх часопісах («Аргус», «Журнал для всех» і інш.) вельмі прыхільна адгукаліся тады аб *маіх творах*. Хоць *мае* літаратурныя *дэбюты* на рускай мове былі досыць удалыя, я ўсё ж перайшоў на беларускую мову. Выпадкова трапіла мне ў рукі беларуская газета «Наша ніва». У гэтай мове, знаёмай мне з маленства, — можна сказаць, *маёй роднай мове*, — я адчуў *сваю стыхію*»; Антона Бялевіча: «Многа пройдзена сцежак, дарог, шляхоў пад небам бацькаўшчыны. ... І хоць пасівелі *мае скроні*, хоць поўдзень *майго веку* нада мной, — я ў паходзе, у працы, у *маім сэрцы* жывы агеньчык юнацтва далёкага. І не пагасне ён, пакуль святло *маіх вачэй* не пагасне. ... *Мой абавязак* і сумленне загадваюць мне, каб я з сэрца выкрасаў такія словы, такія песні, якія патрэбны ўсім нашым дарагім людзям. Гэта *сэрца майго* запавет. Трэба здзейсніць яго»; Міхаіла Лынькова: «*Праца мая ў якасці рэдактара газеты, удзел у грамадскім жыцці, частыя наведванні фабрык, заводаў, вёсак пашыралі мой круггляд*, давалі мне багаты запас назіранняў. Усё гэта дапамагала *маёй пісьменніцкай дзейнасці*»; Кузьмы Чорнага: «Я ўспамінаю жыццё *сваіх бацькоў і свайго маленства*. Гэта быў жудасны час... *Бацькі мае* цмяна марылі аб нейкай невядомай ім лепшай долі *сваіх дзяцей*. Я стаў пісьменнікам. Больш таго, я пішу на мове тых простых людзей, сярод якіх і вырас. Гэтыя людзі сталі шчаслівымі на зямлі, іх мова стала дзяржаўнай мовай. Я пішу аб гэтых людзях у *сваіх кнігах*».*

У радзе выпадкаў ужыванне іменна-займеннікавых словазлучэнняў з адносінамі індывідуальнай прыналежнасці абумоўліваецца стылістычнымі мэтамі — надаць твору большую экспрэсіўнасць, эмацыянальнасць, рытарычнасць. Асабліва наглядна стылістычна-экспрэсіўная падкрэсленасць тэксту праяўляецца пры выражэнні замілаванасці аўтара ці яго лірычнага героя да свайго радзімы, партыі, народа. Напрыклад: А побач гмах на люднай плошчы асветлен сонцам веснавым, і вецер горды сцяг палосча над родным *горадам маім* (А. Звонак). *Горад мой вячэсты*, горад праманісты, вечна працавіты, вечна ўрачысты! (П. Глебکا). *Калас мой* — цэлае раздолле, палеткаў зрокам не абняць... Выходзьце, дзеванькі, на поле, пачнём мы жыта зажынаць (Н. Тарас). У дымлівых фабрыках, у садах *мае палі* (П. Броўка). *Краіна мая!*... Паглядзі, як зара ружавее (А. Дудар). *Зямля мая!* Разлучаны з табою, табой дышу, табою я жыву (Я. Колас). Дык з песняй гэтаю заўсёды хачу ісці я з грамадой — служыць Радзіме і народу і роднай *партыі маёй* (П. Броўка). Бараніць пайду свабоду, біцца з гадам лютым, што нясе *майму народу* здзекі і пакуты (К. Крапіва). Аб'ектам такіх цёплых, прязных адносін могуць служыць назвы родных ці блізкіх нам месц, краёў, канкрэтных населеных пунктаў і яго жыхароў: Дарагая *мая Украіна!* Ты была нам заўсёды сястрой (П. Глебка). Ёсць партыя наша, ёсць дружба народаў! Шчаслівая з імі *мая Беларусь* (П. Броўка). Вёскі родныя, *вёскі мае*, не пазнаць мне сягоння вас: ужо новыя песні пяе ў *Занямонні маім* калгас (Н. Тарас). *Мае браты, таварышы, сябры! Іспанія мая!* З табою мы (А. Куляшоў).

Такім чынам, іменна-займеннікавыя словазлучэнні са значэннем уласнай і агульнай прыналежнасці выкарыстоўваюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове не аднолькава. У колькасных суадносінах форм і сродкаў моўнага выражэння прыналежнасці, у агульнастатыстычных заканамернасцях іх праяўлення наглядна адлюстроўваюцца аб'ектыўныя працэсы грамадскага развіцця. Якасныя зрухі ў формах выражэння прыналежнасці, колькаснае пашырэнне адных з гэтых форм і ад-

паведнае звужэнне сфер ужывальнасці другіх носяць сацыяльны, грамадска абумоўлены характар і належаць да ліку экстралінгвістычных з'яў. Разам з гэтым, выкарыстанне форм уласнай і агульнай прыналежнасці можа абумоўлівацца моўна-стылістычнымі асаблівасцямі літаратурна-мастацкіх твораў, мэтамі вобразнага, эмацыянальна-экспрэсіўнага адлюстравання працэсаў і з'яў акаляючай рэчаіснасці.

¹ Галавач П. Збор твораў, т. 1.— Мінск, 1958, с. 305.

² Гл. наш спецыяльны артыкул: Структурныя тыпы і функцыі адносна-прыналежных прыметнікаў.— Народная асвета, 1972, № 5, с. 56.

И. А. КИСЕЛЕВ

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЯХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Служебным словам свойственны все признаки самостоятельных лексических единиц: полисемия, синонимия, омонимия, антонимия, стилевая дифференциация.

Однако, признавая служебные слова отдельными самостоятельными лексическими единицами, следует говорить не только об особенностях их лексического значения, но и о своеобразии их грамматических свойств.

Как известно, служебные слова характеризуются морфологической неизменяемостью, нечленимостью, однако «грамматически оформленным является каждое слово, хотя не всякое слово выступает в какой бы то ни было определенной грамматической форме»¹. Здесь следует иметь в виду, что «грамматическая оформленность слова определяется... не только его грамматическим изменением (его системой грамматических форм) или его неизменяемостью (противопоставленной изменению других слов в грамматическом плане), но и его грамматической сочетаемостью с другими словами, со словами определенных классов и разрядов»². Причем «признак сочетаемости имеет решающее значение для грамматической оформленности неполнозначных слов, поскольку другие средства выражения ее у неполнозначных слов отсутствуют»³. Таким образом, «грамматическое значение служебного слова — это такое его значение, которое также является отображением того или иного отношения действительности, но выражается это значение уже не самим служебным словом как таковым, а фактом сочетаемости этого служебного слова со знаменательными словами (или сочетаниями слов), которые данное служебное слово соединяет в предложении»⁴.

Но здесь мы должны разграничивать сочетаемость лексическую и сочетаемость синтаксическую, их соотношение и отношение к грамматике. Обычно «под лексической сочетаемостью понимается такая валентность слов, которая не зависит от грамматической характеристики и может быть определена согласованием на уровне смысла»⁵. Лексическая сочетаемость как свойство данного слова хотя и не зависит от грамматической стороны, но тесно связана с ней. Более того, «лексическая сочетаемость и есть своеобразное средство обнаружения грамматической стороны (грамматической семантики) частиц, а именно соотношения, если разуместь под ним «план содержания грамматических категорий»⁶. С другой стороны, «сочетаемость — важнейший собственно языковой показатель значения слова, но именно показатель, а не само значение»⁷.

Лексическая и синтаксическая сочетаемость слов — понятия нетождественные, но взаимосвязанные. «Синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением. Будучи различными по природе, эти два вида сочетаемости вместе с тем

представляют собой как бы две ступени проявления единой и целостной семантики каждого конкретного слова»⁸.

Так, например, в плане синтаксической сочетаемости выделительно-ограничительная частица *всего* соединяется исключительно с именами, в плане же лексической сочетаемости — лишь с теми из них, которые обозначают какую-либо количественную градацию. Например: Вот однажды, в минуту жизни трудную, занял по векселю этот Баклушин *всего* на месяц и *всего*-то сто рублей у щипаного, рваного, вылинявшего ростовщика (А. Н. Островский). Сколько прошло с августа? Да *всего* восемь месяцев (И. Эренбург).

К грамматическим показателям служебных частей речи, кроме их морфологической неизменяемости, нерасчлененности и сочетаемости с другими словами, можно отнести и их структурно-синтаксические свойства, например, участие в конструировании (оформлении) членов предложения (это касается всех служебных слов: предлогов, союзов, частиц), в оформлении сложных предложений (союзы, частицы), в конструировании (самостоятельно, вне связи со знаменательными словами) синтаксически нерасчлененных предложений (частицы), в образовании аналитических грамматических форм слов знаменательных частей речи (частицы) и т. д. Причем нам следует выделять первичные и вторичные синтаксические функции служебных слов (прежде всего частиц, поскольку именно к ним применима такая дифференциация).

Первичные синтаксические функции частиц — это их обычные, типичные функции, свойственные данной категории слов; вторичные же функции — это необычные, нехарактерные функции, проявляющиеся при особых лексико-грамматических условиях.

Весьма характерной вторичной синтаксической функцией частиц (*на, нет, ну и, что за, вот* и т. п.) является их самостоятельное употребление в роли члена предложения, например, сказуемого: «*Нет* женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор» (М. Ю. Лермонтов). «*На* тебе ключи и мотай в бригаду» (М. А. Шолохов); обстояательства: «*Уж то-то* там мы заживем: в ладу, в довольстве, в неге (А. И. Крылов); определения: «*Ну и* прогулочка!» (А. Н. Толстой).

Вторичной синтаксической функцией для частиц (как это уже было отмечено выше) является конструирование ими самостоятельно, вне связи со знаменательными словами, синтаксически нерасчлененных предложений (нефразеологического или фразеологического характера). Например: «Я служу преподавателем в гимназии». — «*Неужели?*» — удивился доктор (А. П. Чехов). Агния. *Да, да.* Ах, как хорошо. Ахов. *Ну, вот то-то же!* (А. Н. Островский). *Ну и ну!* Ох и баба! *Вот это да!* (М. А. Шолохов) и т. п.

Если для союзов употребление в качестве средства соединения однородных членов или частей сложного предложения является первичной (по существу единственной) синтаксической функцией, то для частиц (*ли, же, пусть, пускай, лишь, только, вот* и др.) эту функцию следует признать вторичной⁹. Например: Родная тетка, у какой он проживает, с ним не справляется, *вот и* приходится мне его тиранства переносить и терпеть (М. А. Шолохов). Он сидел возле открытого окна, *ну* по нем *и* вдарили (М. А. Шолохов). Я не боюсь суда такого *и*, может, жду его давно, *пускай* не мне еще то слово, что емче всех, сказать дано (А. Твардовский). *Вот* Европа, а спасибо все по-русски говорят (А. Твардовский).

Как уже отмечалось, слово «представляет собой внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений; однако единство этих значений не предполагает их тождества; грамматические значения качественно отличаются от значений лексических как по самому их содержанию, так и по способам выражения этого содержания»¹⁰.

По характеру соотношения между лексическим и грамматическим

служебные слова (это касается в основном союзов и предлогов) отличаются от знаменательных слов. «Существенные отличия между предлогами и полнозначными словами имеются в соотношении лексических и грамматических значений: у полнозначных слов лексические значения являются центром смысловой структуры слова, у предлогов же явно преобладают значения грамматические»¹¹.

Преобладание у служебных слов грамматических значений, выявление лексических значений через грамматические (точнее: синтаксические) приводит некоторых лингвистов к ошибочному выводу о совпадении у данных категорий слов лексического и грамматического значений. Так, Л. Н. Сумарокова, отмечая, что «предлоги выражают различные отношения между словами в предложении, а союзы — как отношения между словами в простом предложении, так и отношения между частями сложного предложения», заключает, что «эти функциональные значения служебных слов являются одновременно их лексическими значениями»¹². Ю. И. Леденев полагает, что «говорить о совпадении лексического значения с указанными функциями можно главным образом применительно к так называемым первообразным неполнозначным словам»¹³. М. И. Стеблин-Каменский, совершенно правильно полагая, что служебные слова выделяются в особые части речи по синтаксическому основанию, по синтаксической функции, в то же время неоправданно заявляет, что эта функция «в этом случае совпадает со значением слова (предлог и союз)»¹⁴. Тем более нельзя говорить о совпадении лексического и грамматического значений у частиц. Это невозможно в силу специфической лексической знаменательности этого разряда слов, ставящей их в особое положение в системе служебных частей речи¹⁵.

Более правомерной представляется мысль о том, что «лексические... и грамматические соотношения могут сближаться, но и при значительном сближении грань между ними все же может сохраняться»¹⁶, поскольку «единство этих значений не предполагает их тождества: грамматические значения качественно отличаются от значений лексических как по самому их содержанию, так и по способам выражения этого содержания»¹⁷.

Следует напомнить, что между грамматическими и лексическими значениями существует определенная соотносительность, связь, которая не переходит в их тождество. Возьмем предлоги. Как известно, «предлоги представляют собой грамматическое средство выражения отношения «определяющего» имени к «определяемому» слову, т. е. показатель синтаксической зависимости имен существительных от других слов в предложении или от всего предложения в целом. Важным выражением категориального значения предлогов является их сочетаемость с другими словами: предлоги, в отличие от полнозначных слов, функционируют только в условиях двусторонних синтаксических связей, осуществляя связь между зависимым именем и синтаксически господствующим словом (живу←в→городе)»¹⁸. Причем применительно к предлогам соотносительность между лексическим и грамматическим характеризуется следующим: «И категориальное и лексическое их значение является указанием на отношение: категориальное значение предлогов служит указанием на отношение синтаксической зависимости имени существительного от других слов в предложении; общие лексические значения — на логико-смысловые отношения (пространственные, временные, причинные и т. п.) между соединяемыми предлогами словами; частные, «индивидуальные» лексические значения — на определенный оттенок этих отношений»¹⁹.

Возьмем некоторые примеры: Книга лежит на столе. Книга лежит в столе.

Грамматическое (синтаксическое) значение предлогов *на* и *в* состоит в указании на отношения синтаксической зависимости существительного от синтаксически господствующего слова — это наиболее об-

щее грамматическое (категориальное) значение, которое всегда остается равным себе в любом контексте. В плане же лексического (общего) значения оба предлога (*на, в*) выражают пространственные отношения (указывают на местоположение предмета). В то же время они отличаются своим частным, «индивидуальным» лексическим значением, указывая в однотипных конструкциях на разное местоположение предметов. Таким образом, «в отличие от грамматических значений предлогов, в которых содержится обобщенное указание на общий характер синтаксических отношений между словами (подчинительная связь), лексические значения предлогов определяют характер смысловых отношений (пространственные, временные и т. д.)»²⁰.

Такие же соотношения между грамматическим и лексическим значениями свойственны союзам. В плане грамматическом (синтаксическом) союзы служат для выражения наиболее общих отношений между членами предложения или частями сложного предложения (подчинительные, сочинительные, присоединительные). Лексическим же значением для союзов следует признать выражение различных смысловых отношений между компонентами конструкции (причинно-следственных, уступительных, временных, условно-следственных и т. п.), которое осуществляется в рамках наиболее общих (синтаксических, категориальных) отношений.

Таким образом, можно сказать, что служебные слова обладают самостоятельным, хотя и весьма специфичным лексическим значением и своеобразными грамматическими значениями. Причем эти значения у них не совпадают, но характер их соотношения, значимости отличается от характера их соотношения в полнозначных словах.

Коснулись мы и вопроса о категориальном значении служебных слов. Однако к сказанному следует добавить, что среди лингвистов нет единого мнения о том, что следует считать в служебных словах общеграмматическим (категориальным), а что частнограмматическими значениями, каково их соотношение и что должно служить основанием для отнесения слов к той или иной служебной части речи. Так, например, О. П. Суник полагает, что «служебные слова обладают только теми или иными частнограмматическими значениями»²¹. Однако нельзя предположить и обратное, а именно, что служебные слова обладают лишь общеграмматическим (категориальным) значением. Истинным, на наш взгляд, является то положение, что «частные грамматические значения внутри данной категории вытекают из единого грамматического значения, лежащего в основе всей категории»²², и, наоборот, общее грамматическое (категориальное) значение обнаруживается лишь на основе частнограмматических значений.

Как свидетельствует приведенный выше материал, наиболее общим, категориальным значением служебных слов следует признать выражение отношений, причем у союзов и предлогов эти отношения носят ярко выраженный синтаксический характер, в то время как у частиц они имеют под собой лексическую, семантическую основу, чем частицы и отличаются в принципе от других служебных частей речи, находясь на их периферии.

¹ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове.— В кн.: Вопросы грамматического строя.— М., 1955, с. 17.

² Там же, с. 19.

³ Леденев Ю. И. Неполнозначные слова в русском языке.— В кн.: Научные труды Краснодарского гос. пед. ин-та, вып. 54.— Краснодар, 1966, с. 17.

⁴ Юрин А. В. К вопросу о семантике служебных слов.— Чарджоу, 1960, с. 32.

⁵ Коссе Н. В. К вопросу о лексической сочетаемости.— ВЯ, 1966, № 1, с. 97.

⁶ Колодезнев В. М. Лексико-грамматические свойства глагольных частиц в современном русском языке.— В кн.: Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 332. Русский язык.— М., 1970, с. 131.

⁷ Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка.— М., 1964, с. 72—73.

⁸ Там же, с. 112.

⁹ Подробнее см.: Киселев И. О союзной функции частиц.— Народная асвета, 1974, № 9, с. 64—66.

- ¹⁰ Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги.— М., 1967, с. 9.
¹¹ Там же, с. 13—14.
¹² Сумарокова Л. Н. Служебные слова и понятия.— В кн.: Логико-грамматические очерки.— М., 1961, с. 155.
¹³ Леденев Ю. И. Указ. работа, с. 13.
¹⁴ Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи.— Вестник ЛГУ, № 6, сер. общественных наук, вып. 2.— Л., 1954, с. 155—156.
¹⁵ См.: Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках.— Минск, 1976, с. 3—17.
¹⁶ Смирницкий А. И. Указ. работа, с. 31.
¹⁷ Черкасова Е. Т. Указ. работа, с. 9.
¹⁸ Там же, с. 10—11.
¹⁹ Там же, с. 13.
²⁰ Там же, с. 12.
²¹ Суник О. П. Общая теория частей речи.— М.— Л., 1966, с. 47.
²² Иванова И. П. К вопросу о типах грамматического значения.— Вестник ЛГУ, № 2, сер. истории, языка и литературы, вып. 1.— Л., 1956, с. 106.

В. Л. ЛЕЩЕНКО

ВАРИАНТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРУКТУРЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Под синтаксическим полем, вслед за Н. И. Филичевой, мы понимаем группировку синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной реальности¹. Поэтому синтаксические поля вариантов словосочетаний складываются из моделей определенной структуры, объединенных общностью синтаксического значения, т. е. выражаемых ими синтаксических отношений (например, поле объектности, поле атрибутивности и т. д.). Образующиеся макрополя включают, в свою очередь, ряд моделей, имеющих свое подзначение, в результате чего внутри макрополя образуются микрополя как более частные семантические группировки (например, в макрополе объектности — микрополя прямого объекта, объекта речи и т. д.). Конституентами микрополя являются варианты словосочетаний, возникшие в результате конкретных реализаций одной модели и объединенные общностью синтаксического содержания (например, глаголы речи, глаголы желания, достижения и т. д.). Конституенты микрополя (варианты) могут заменять друг друга в контексте при наложении конструкций. Микрополе, например, прямого объекта в русском языке складывается из определенного количества конституентов, которые представляют собой конкретные реализации структурных схем словосочетаний: 1) беспредложная модель с винительным падежом; 2) беспредложная модель с родительным падежом.

Это можно выразить следующей формулой:

$$a = \begin{matrix} & B \\ b & \swarrow \\ & p \end{matrix} + \dots$$

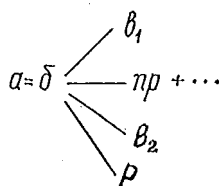
где а — поле объектности; б — микрополе прямого объекта; в, р — конституенты микрополя. Например: *требовать что* — *требовать чего*. Значение прямого объекта находит свое выражение в конкретных реализациях модели словосочетания: в беспредложных формах винительного и родительного падежей зависимого компонента.

Наверно, это потребовало бы массу времени, уйму сил, гораздо *больших припасов*, чем те, которыми располагали они (В. Быков. *Дожить до рассвета*). *Лучше съезды колбаски*. Это домашняя (В. Быков. *Обелиск*). ...За время пути сделать привал дозволено было только один раз, чтобы перекурить, *съесть хлеб* с зеленым луком (И. Шамякин. *Брачная ночь*). *Выпить чай* — и уснуть. За полчаса ничего не произойдет (Ю. Бондарев. *Горячий снег*). — Товарищ командующий, *выпейте чаю*... (Там же).

В центре поля находятся конструкции, являющиеся реализацией

беспредложных моделей с винительным падежом и представляющие его «глубинные структуры» (термин Л. С. Бархударова). Они наиболее однозначно передают отношение обращенности действия на объект и систематически используются в этой функции. На периферии располагаются «поверхностные» конститuentы, представляющие собой реализацию беспредложной модели с родительным падежом, которые используются с определенным ограничением, имеют дополнительные оттенки, способствующие отдалению от центра к периферии (значение прямого объекта, частично охваченного действием). К подобному типу вариантов можно отнести словосочетания *взять чай — взять чаю, купить молоко — купить молока, добыть еду — добыть еды, налить воду — налить воды* и т. д.

В поле объектности (а) может входить также микрополе объекта речи (б), в котором конститuentы представляют собой конкретные реализации словосочетаний: 1) предложная модель с предложным падежом (пр); 2) предложная модель с винительным падежом (ν_1); 3) беспредложная модель с винительным падежом (ν_2); 4) предложная модель с родительным падежом (р).

Я *расскажу* только об одном Биме с черным ухом (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо). Может быть, через много-много лет они, наши мальчишки, *расскажут* своим детям *про Бима* (Там же). Так *про него говорят*, что он с настоящими ворами путается (Ю. Сотник. Приключение не удалось). Должно быть, Санька *говорит о нем*, Дюшке, должно, что-то обидное (В. Тендряков. Весенние перевертыши). Мне *рассказали* в те дни один *эпизод*, связанный с К. Е. Ворошиловым (Л. Брежнев. Целина). *Расскажу* хотя бы об одном *эпизоде* тех дней (Там же). Странно, что никогда никому не *рассказывал про эпизод* с детьми (И. Шамякин. Снежные зимы). Вечером заеду к тебе — подробно *обо всем расскажешь* (Ю. Бондарев. Горячий снег). *Все рассказала*, как было, хотя боялась, что за неосторожность, лишний риск получу выговор (И. Шамякин. Брачная ночь). ...От его *слов о превосходстве* над покойным несло обычной стариковской похвальбой (В. Быков. Обелиск). Должно быть, Гукан заметил, что его *слова насчет бомбы* не встретили одобрения... (И. Шамякин. Сердце на ладони). Слова Грибоеда *относительно своей судьбы* не понравились Левчуку, который был вообще против всякой покорности, тем более в войну (В. Быков. Волчья стая).

В приведенных примерах вариантов, составляющих микрополе объекта речи, главный компонент управляет несколькими различными формами зависимого слова: 1) беспредложная модель с винительным падежом (его употребление ограничено словами узкого лексического значения); 2) предложная модель, включающая три реализации структурных схем: а) предложная модель с предложным падежом; б) предложная модель с винительным падежом; в) предложная модель с родительным падежом. Группы а, б, в выполняют одинаковые функции, различаются стилистической окраской. Эти оттенки не влияют на общий характер синтаксических отношений, возникающих между компонентами словосочетания.

Мне бы чему радоваться: я иду к любимому так скоро — через *какие-то три недели* (И. Шамякин. Брачная ночь). И вот спустя *каких-нибудь три недели* вызывают меня к прокурору (В. Быков. Обелиск). ...*Три затемневших* впереди *фигуры* вышли на середину дороги (Ю. Бондарев. Горячий снег). И тогда... она увидела на сером

снегу *три неясные* вдали *фигуры*... (В. Быков. Пойти и не вернуться).

Подчеркнутые словосочетания входят в поле атрибутивности (а), в частности, в микрополе собственно определительных отношений (б). Конституенты данного поля — конкретные реализации двух моделей словосочетания: а) определение выражено формой именительно-винительного падежа (в зависимости от роли опорного слова в предложении) (в); б) определение выражено формой родительного падежа (р).

$$a = \begin{matrix} & \text{в} \\ & \swarrow \\ б & \\ & \searrow \\ & \text{р} \end{matrix} + \dots$$

Летчики *выбирали место для посадки* с воздуха и могли приземлиться в степи где *удобно*... (Л. Брежнев. Целина). *Займешь место наблювателя* (Е. Воробьев. Этьен и его тень). *Исчерпал все легальные возможности для освобождения* (Там же). Он... казалось, был рад *возможности любого проявления* энергии (Ю. Бондарев. Горячий снег).

$$a = \begin{matrix} & \text{р}_1 \\ & \swarrow \\ б & \\ & \searrow \\ & \text{р}_2 \end{matrix} + \dots$$

В центре микрополя (б) находятся конструкции, являющиеся реализацией беспредложной модели с родительным падежом (р₁). Эта модель передает однозначно собственно определительные отношения и систематически используется в данной функции. На периферии располагаются «поверхностные» конституенты, представляющие собой реализацию предложной модели с родительным падежом (р₂). Такие конструкции используются с определенным ограничением и имеют дополнительный оттенок предназначенности.

Глаголы и другие части речи, выступающие в роли стержневого слова, приобретают способность притягивать на вакантные позиции поочередно зависимые компоненты разной грамматической формы при условии сохранения общего характера выражаемых синтаксических отношений. Такая способность смыслового центра словосочетания характеризуется как альтернативная валентность². Данная валентность развивается в результате взаимного притяжения и взаимодействия конструкций. Границы между «глубинными» и «поверхностными» моделями могут постепенно размываться в силу сходных перекрещивающихся свойств, характерных для вариантов моделей. В результате образуются так называемые дублеты, не имеющие в употреблении отличительных признаков. По мере функционирования и развития языка под действием сил тяготения происходит смещение вариантов из центра поля в периферию или наоборот, что порождает конкуренцию вариантов, изменение нормы. Развитая альтернативная валентность главного компонента словосочетания создает, таким образом, предпосылки для появления вариантов, которые возникают в результате взаимодействия конституентов микрополей.

¹ См.: Филичева Н. И. Синтаксические поля: Пособие по грамматике немецкого языка. — М., 1977, с. 15.

² См.: Филичева Н. И. Структура словосочетания и синтаксическое поле. — Вестник Московского университета. Серия 10, 1971, № 3, с. 45.

Ф. М. ЛИТВИНКО

ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАТИВНОСТЬ В РЕЗУЛЬТИРУЮЩИХ ТРАНСФОРМАХ ОТОЖДЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Синтаксическое упрощение сложноподчиненного предложения, свертывание придаточной части, различного рода номинализации всегда приводят к возникновению конструкций, в которых, наряду с первичной пре-

дикативностью, наличествует вторичная, имеющая специфические средства выражения. Описание способов выражения вторичной предикативности в синтаксических единицах, получаемых в результате трансформации отождествительных предложений, и составляет содержание данной статьи.

Под трансформацией мы понимаем такое преобразование синтаксических связей исходной конструкции, в результате которого возникает синтаксическая единица, базирующаяся на той же глубинной структуре, но отличающаяся от трансформанда (Т) характером поверхностной структуры. В процессе анализа языкового материала применяется синтаксемное моделирование глубинных структур, методика которого предложена А. М. Мухиным¹. Элементарные единицы глубинной структуры — синтаксемы — «характеризуются дифференциальными синтаксико-семантическими признаками, т. е. семантическими признаками, определяемыми с учетом синтаксических связей» (выделено А. М. Мухиным)².

Наиболее велики трансформационные возможности у отождествительных предложений с предметным значением коррелятивных слов и V_f или краткой формой прилагательного в позиции ядерного предиктирующего компонента (NP^2) в придаточной части (ПЧ). Результирующий трансформ (РТ), конструкция, получаемая в результате эксперимента, трансформандом которого являются данные предложения, создается следующим образом: главная часть (ГЧ) преобразуется в инкорпорирующую часть (ИЧ) в результате освобождения позиции, которую в структуре ГЧ занимал коррелят, выраженный указательным местоимением (определители коррелята и неуказательные местоимения в роли соотносительного слова сохраняются); ПЧ превращается в компрессированную часть (КЧ), в которой цельнооформленная номинация заменяет раздельнооформленную, т. е. происходит депредикация ПЧ, вследствие чего образуется оператор, в структуре РТ занимающий синтаксическую позицию, освобожденную коррелятом; РТ образуется в результате зачленения $KЧ \subset$ в структуру ИЧ, что наглядно отражает запись: $T(GЧ \cup ПЧ) \rightarrow ИЧ \subset \subset KЧ \rightarrow РТ$.

Поскольку типовое значение класса местоименно-соотносительных предложений — соотношение, «условием которого является солидарность компонентов в том или ином отношении»³, а в отождествительных предложениях с предметными коррелятами соотносятся разные признаки одного и того же предмета, то в роли оператора РТ должна выступать лексема, способная нерасчлененно называть предмет по признаку.

Лексико-грамматическая природа оператора задается, с одной стороны, характером свободной в ИЧ синтаксической позиции, с другой — структурой ПЧ. В ИЧ могут быть свободны позиции ядерного предиктируемого (NP^1), ядерного предиктирующего (NP^2) и неядерного зависимого ($\bar{N}D$) компонентов. Однако в большинстве случаев указанные компоненты опираются на субстанциальную синтаксему, о чем свидетельствуют синтаксические функции и семантика, $то_1$ — коррелята отождествительных предложений. Следовательно, оператор должен обладать такими синтаксико-семантическими признаками, которые позволили бы ему выполнить функцию субстанциальной синтаксемы в глубинной структуре РТ и сохранить основное содержание ПЧ. Так как центр ПЧ анализируемых предложений и в плане выражения, и в плане содержания — V_f или краткая форма прилагательного, на их базе и формируется оператор РТ, выступающий в форме субстантивированных (А) причастия и (Б) прилагательного, ср.: А. *То, что они сняли, я увидел спустя много дней, [когда пришел снятый материал]* (А. М и х а л к о в - К о н ч а л о в с к и й. Парабола замысла) $\rightarrow$ *Снятое ими я увидел спустя много дней...* || *[И тогда совсем уже невозможно было представить, что]* Вода — это то, что в городе течет из крана и наполняет таз или ванну (И. Г у р о. Арбатская излуцина) $\rightarrow$...Вода — это в городе текущее из крана и наполняющее таз или ванну. Б. В искусстве Толстого отсчит-

стует то, что неприродно (Литературная газета, 1978, 3 января) →
→ В искусстве Толстого отсутствует неприродное.

Залоговое значение субстантивированного причастия — оператора РТ — обуславливается тем, носителем каких синтаксико-семантических признаков является релят: если он представляет агентивную синтаксему или синтаксему носителя состояния, оператор выступает в форме действительного причастия; если объектную синтаксему, то — в форме страдательного причастия, например: ...Проговорил он, продолжая уже вслух развивать то, что в мыслях занимало его (А. А н а н ь е в. Годы без войны) → Проговорил он, продолжая уже вслух развивать в мыслях занимавшее его. || Для Сухогрудова то, что он услышал... было настолько неожиданным, что он не сразу нашелся, что ответить... (А. А н а н ь е в. Годы без войны) → Для Сухогрудова услышанное было настолько неожиданным... || [Можно своими словами пересказать содержание «На холмах Грузии» или «Я помню чудное мгновенье»] но для того, чтобы выразить смысл того, что сказано помимо слов в этих стихах, потребуются тома (А. М и х а л к о в - К о н ч а л о в с к и й. Парабола замысла) → ... но для того, чтобы выразить смысл сказанного помимо слов в этих стихах, потребуются тома.

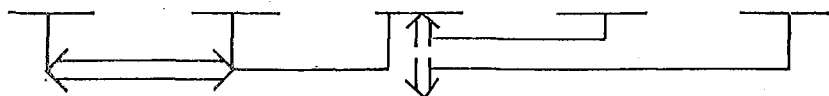
Темпоральные характеристики причастия-оператора отражают временной план V_f. Депредикация ПЧ производится таким образом, что два компонента — NP^1 (или ND) и NP^2 — сливаются в один, вследствие чего ПЧ теряет статус единицы, организованной на базе ядерной предикативной связи. Процесс партиципализации ПЧ может быть нагляднее продемонстрирован с помощью синтаксемной модели последней. В предложении [Так что, когда Чехов гнал от себя свою славу,] он гнал то, что манило его всегда (К. Ч у к о в с к и й. Чехов) глубинная структура ПЧ включает следующие синтаксемы: $SbAg:PrAc:SbOb:SbTem$.

Причастная трансформация ПЧ возможна благодаря объединению двух синтаксем — $SbAg$ и $PrAc$, сформировавшихся на базе ядерной предикативной связи, в одну $SbAg \cdot PrAc$, в результате чего образовалась конденсированная синтаксема, синтаксико-семантическое содержание которой и составляет сумма признаков слившихся синтаксем. Специфика конденсированной синтаксемы в том, что она наделена более чем одним категориальным синтаксико-семантическим признаком (в нашем случае, субстанциональностью и процессуальностью). Сравните синтаксемные модели ПЧ и КЧ: что манило его всегда $SbAg:PrAc:SbOb:SbTem$, манившее его всегда $SbAg \cdot PrAc:SbOb:SbTem$. Наличие в конденсированной синтаксеме синтаксико-семантического признака агентивности, наряду с признаком процессуальности, подтверждает невозможность построений типа что манившее его всегда.

Полученная конденсированная синтаксема опирается на скрытую предикативную связь, которая соединяет не два взаимопредполагающих друг друга компонента, как реальная ядерная предикативная, а присутствует в одном компоненте и поэтому может быть названа *потенциальной предикативной связью*. Именно эта связь и лежит в основе вторичной предикативности, ибо «всякое... утверждение признака связано с предикацией»⁴.

В результате зачленения в ИЧ компрессированной части, центр которой — конденсированная синтаксема, последняя приобретает еще один синтаксико-семантический показатель, который обусловлен характером позиции, занимаемой ею теперь уже в структуре РТ. Синтаксико-семантический признак конденсированной синтаксемы, сформированный на базе реальных синтаксических связей РТ (предикативных или субординативных), главенствует над остальными признаками, которые базируются на потенциальной связи. Сравните синтаксемные модели ГЧ, КЧ и РТ: он гнал то $SbAg:PrAc:SbOb$, манившее его всегда $SbAg \cdot PrAc:SbOb:SbTem$, он гнал манившее его всегда $SbAg:PrAc:SbOb \subset SbAg \times \times PrAc:SbOb:SbTem$.

Как видим, в процессе зачленения КЧ в ИЧ оператор приобрел синтаксико-семантический признак субстанциональной объектной синтаксемы, сформировавшийся на базе субординативной связи, в чем убеждает юнкционная модель ⁵ РТ Он гнал мавишее его всегда:

Конденсированная синтаксема, находящаяся в субординативной связи с Vf РТ, тем не менее не утратила ни одного из синтаксико-семантических признаков. Поэтому при развертывании потенциальной предикативной связи и превращении ее в ядерную предикативную, во-первых, происходит устранение главенствовавшего синтаксико-семантического признака, который базировался на субординативной связи, и, во-вторых, расщепление конденсированной, более сложной, синтаксемы на две простые, включающие по одному категориальному синтаксико-семантическому признаку, т. е. оказывается возможной ретрансформация, которая осуществляется в результате перераспределения синтаксико-семантических признаков между компонентами, ср.: Он гнал мавишее его всегда и Он гнал то, что манило его всегда.

Таким образом, в РТ, оператор которых — субстантивированное действительное причастие, потенциальная предикативность (вторичная) опирается на конденсированную синтаксему, образованную в результате объединения двух синтаксем: (А) субстанциональной агентивной и процессуальной активной или (Б) субстанциональной носителя состояния и процессуальной стативной, например: А. Воспитанным называл он [Чехов] того, кто... долгими усилиями воли... вырабатывал в себе благородство (К. Чуковский. Чехов) → Воспитанным называл он вырабатывавшего в себе благородство долгими усилиями воли. Б. Известный норвежский генетик... говорил об ответственности за будущее поколения, о которой необходимо помнить всем, кто живет на Земле сегодня (Правда, 1978, 24 августа) → ...о которой необходимо помнить всем живущим на Земле сегодня.

Описанный выше механизм образования конденсированных синтаксем действует и в конструкциях с кратким прилагательным в роли NP^2 ПЧ. Специфика оператора РТ, выступающего в форме субстантивированного прилагательного, состоит в том, что он опирается на конденсированную синтаксему, объединяющую признаки носителя качества и квалификативности, ср.: Поездка была затяжной и трудной и, в сущности, ничего не прибавила к тому, что... известно о будущей трассе (А. А. А. н. н. е. в. Годы без войны) → ...ничего не прибавила к известному о будущей трассе.

В РТ, оператор которых — субстантивированное страдательное причастие, вторичная предикативность базируется на конденсированной синтаксеме, получаемой в процессе слияния субстанциональной объектной и процессуальной направленной активной синтаксемы; иными словами, партиципализация ПЧ сопровождается трансформацией пассивизации. Сравним синтаксемные модели Т и РТ: Брюханов поразился тому, что услышал (П. Проскурин. Имя твое) → Брюханов поразился услышанному: $SbAg:PrAc:SbOb/SbOb:PrAc \rightarrow SbAg:PrAc:SbOb \cdot PrDrAc$.

При зачленении КЧ в ИЧ происходит своеобразная аппликация одноименных синтаксико-семантических признаков коррелята и оператора: $SbOb \subset SbOb \cdot PrDrAc \rightarrow SbOb \cdot PrDrAc$.

Итак, РТ отождествительных предложений содержит предикативность первичную, реализующуюся в ядерной предикативной связи, и вторичную, носитель которой — конденсированная синтаксема, опирающаяся на потенциальную предикативную связь. Способность синтаксем объединяться приводит к образованию конденсированных синтаксем и создает условия для трансформаций. Одни синтаксико-семантические признаки конденсированных синтаксем формируются на базе реальных

синтаксических связей, а в основе других лежит потенциальная синтаксическая связь. Компонент поверхностной структуры, представляющий конденсированную синтаксему, и будет носителем вторичной предикативности.

Средством вторичной предикативности в конструкциях, получаемых на базе трансформабельных отождествительных предложений с предметным значением коррелятивных слов и *Vf* или кратким прилагательным в функции сказуемого ПЧ, являются (А) субстантивированные причастия действительного и страдательного залога и (Б) субстантивированные прилагательные, например: А. *Но то ясно представлявшееся ему, что он хотел спросить у бывшей своей жены, вдруг будто отступило, исчезло...* (А. А н а н ь е в. Годы без войны) → *Но то, что ясно представлялось ему...* || *Она вдруг почувствовала, что наступила для нее минута, когда все утраченное может вернуться к ней...* (А. А н а н ь е в. Годы без войны) → *...когда все, что утрачено, может вернуться к ней...* || Я говорю ему, что услышанное мною сейчас принадлежит к лучшим страницам из всего, что он вообще написал (К. С и м о н о в. Самый разный Горбатов) → Я говорю ему, что то, что я услышал сейчас, принадлежит к лучшим страницам... Б. [Евгений Алексеевич:] — *...У вас аттракцион — что-то безобидное, безопасное...* (И. Г у р о. Арбатская излучина) → *...У вас аттракцион — что-то, что безобидно, безопасно...* || *Поначалу их всех удивляло, что в рассказах Дим Димыча не было ничего героического* (И. Г у р о. Арбатская излучина) → *Поначалу их всех удивляло, что в рассказах Дим Димыча не было ничего, что героично.*

¹ См.: Мухин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. — Л., 1976.

² Там же, с. 99.

³ Прияткина А. Ф. Синтаксическая связь и соотношение. — Русский язык в школе, 1979, № 5, с. 104.

⁴ Сазонова Н. М. Предикативные структуры в современном английском языке. — Киев, 1969, с. 132.

⁵ Если в юнкционных моделях А. М. Мухина ядерная предикативная связь обозначается ⇔, то потенциальная предикативная связь может быть обозначена ⇕.

См.: Мухин А. М. Структура предложений и их модели. — Л., 1968.

Б. А. ПЛОТНИКОВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДИСТРИБУТИВНЫХ СВОЙСТВ СЛОВ В КАЧЕСТВЕ МЕТАЯЗЫКА ДЛЯ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Во многих современных лингвистических исследованиях значение слова рассматривается как совокупность семантических компонентов (сем, семантических множителей, дифференциальных признаков, элементарных смыслов и т. п.). Разложение объекта исследования на компоненты представляет собой основу любого научного анализа¹, и вполне правомерным является их использование для характеристики данного объекта. Научный анализ языковых сущностей посредством компонентов, выделяемых в них, получил применение первоначально на материале фонем² и грамматических категорий³, а впоследствии распространился на изучение лексической семантики. Подобный прием исследования называется в семасиологии компонентным анализом.

Однако следует отметить, что если, например, при описании фонем набор компонентов определяется более или менее однозначно и имеет в целом лингвистический характер (компоненты выделяются в самих языковых сущностях — фонемах), то при исследовании лексических значений набор и содержание компонентов варьируются в зависимости от анализируемой лексической группы, причем компоненты вскрываются не столько в словах, сколько в предметах и явлениях, которые соотносятся с этими словами. Неопределенным и противоречивым является также статус компонентов в лингвистических исследованиях, по-

сколько остается невыясненным, служат ли компоненты единицами метаязыка, т. е. искусственными единицами, с помощью которых описывается предмет исследования, или же компоненты являются составной частью предметов и обладают в этом случае свойствами объективно существующих признаков, заложенных в природе самого предмета? Представляется целесообразным, по крайней мере в области изучения лексической семантики, рассматривать компоненты и в качестве составных частей значения слова, и в качестве единиц метаязыка, при этом выделяемые компоненты принадлежат не к искусственным конструктам, а являются естественными языковыми элементами, способными выполнять метаязыковую функцию. Это утверждение вытекает из того, что семантические компоненты (СК), с помощью которых осуществляется описание лексических значений, являются лингвистической универсалией, поскольку в содержательной структуре слов всех языков отражаются предметы и явления объективной действительности, а свойства и качества этих предметов и явлений — в компонентах значений слов.

Правда, в понимании характера СК взгляды лингвистов не являются едиными, хотя нужно подчеркнуть, что расхождения касаются не столько самой качественной сути компонентов, сколько объема содержания, вкладываемого в них различными специалистами. Примечательным в этом отношении является противоречие между объемом содержания СК, используемых в практике компонентного анализа тех или иных конкретных групп слов, и объемом содержания СК, описываемых в некоторых теоретических исследованиях. В то время как в работах практического направления⁴ СК, с помощью которых анализируются значения слов, представляют собой набор однородных единиц описания, строящегося в виде таблицы с указанием наличия или отсутствия в содержательной структуре слова конкретного СК, то при описании СК в теоретическом плане лингвисты выделяют компоненты, неодинаковые по объему вкладываемого в них содержания. Вначале выделяются несколько наиболее обобщенных СК, соотносимых с такими сущностями, как субстанция, действие, количество и др.⁵, а конечным результатом является выделение практически бесчисленного количества СК, которые проявляются словом в каждом новом употреблении (в новом контексте, высказывании).

Заслуживает внимания тот факт, что при теоретическом осмыслении природы СК в некоторых работах⁶ эти компоненты иерархически классифицируются в зависимости от степени их обобщенности: СК, представляющие собой инвариантные отражения в языке предметов, явлений, качеств и др.; СК, соотносимые с тематическими совокупностями предметов, явлений, а также с их признаками (например, цвет, размер, форма и т. д.); СК, соотносимые с тем вариантом лексического значения, который реализуется в конкретном контексте. Для разграничения этих различных по степени обобщенности СК назовем их соответственно компонент 1 (наиболее абстрактные СК), компонент 2 и компонент 3. Разумеется, между СК перечисленных типов возможно выделение промежуточных компонентов: так, например, признак размера дифференцируется на большой и маленький — каждому из этих подпризнаков может соответствовать свой СК.

Хотя набор однородных СК, используемых в качестве единиц метаязыка при компонентном анализе отдельных групп слов, вполне правомерен и полезен для описания таких лексических групп, в которых слова четко различаются между собой или в логическом плане, или различие и сходство со всей определенностью фиксируются в предметах, обозначенных данными словами, однако в этом подходе содержится ряд моментов, сильно суживающих сферу применения метода компонентного анализа. Отметим некоторые из этих моментов: *во-первых*, используемый способ неприменим для описания градуируемых семантических явлений, в частности, синонимов, а также многих групп

абстрактных слов; во-вторых, в применяемой методике компонентного анализа не учитывается тот важный факт, что СК часто обладают не одинаковой значимостью, или имеют разный вес, в значениях исследуемых слов; в-третьих, СК представляются обычно при описании значений слов в виде линейного перечня, тогда как в слове компоненты его значения определенным образом упорядочены, структурированы; в-четвертых, СК, как уже указывалось, чаще всего выделяются в экстралингвистических реалиях, а не в самих словах.

Все эти положения могут быть учтены, если описание лексических значений основывать на анализе дистрибутивных свойств исследуемых слов: под дистрибутивными свойствами слова понимается совокупность фактов его лексической сочетаемости. Дело в том, что сочетаемость слов в естественных языках имеет семантический характер, и в каждом сочетании рассматриваемого слова с другим словом практически реализуется новое семантическое свойство, присущее этим словам. Некоторые языковеды терминологически различают тот элемент значения слов, который обнаруживается в их сочетании друг с другом. Например, В. Г. Гака называет такой элемент значения слова семой⁷, или, если использовать перечисленные выше разновидности СК, компонент 3.

Следует, однако, иметь в виду, что количество слов, с которыми потенциально способно сочетаться другое слово, чаще всего не определяется конечным числом, т. е. число СК слова на уровне компонентов 3 является открытым, и учесть все присущие тому или иному слову (группе слов) СК этого типа не представляется возможным так же, как и отметить все без исключения свойства, которыми обладают реалии, соотносимые с исследуемыми словами. Скрытые свойства предмета часто обнаруживаются только при включении его в новую ситуацию, а потенциальные СК слова — при его употреблении в новом контексте.

Конкретное описание семантики слова на основании его дистрибутивных свойств осуществимо, если учитывать не отдельные элементы его дистрибуции, а те совокупности слов, сочетающиеся с исследуемым, которые выражают более обобщенные СК типа компонентов 2 (по терминологии В. Г. Гака, архисемы), соотносимые с признаками объекта, обозначенного рассматриваемым словом. Например, прилагательные *большой, огромный, многостаяжный, громадный, маленький, низкий* и т. п., каждое из которых в сочетании, допустим, со словом *дом* выражает СК типа компонентов 3, вместе представляют один обобщенный СК типа компонентов 2. Число различных компонентов этого типа поддается учету при обследовании текстов, в которых употребляются интересующие нас слова. Подчеркнем, что сам исходный источник, откуда можно брать материал для описания лексического значения, — текст, и данные, которые могут быть положены в основу для выделения СК рассматриваемого слова, — его дистрибутивные свойства, представляют собой лингвистические реальности. Это значит, что исследование, базирующееся на этих реальностях, осуществляется в пределах компетенции языковеда.

Текст является для исследователя не только источником, в котором фиксируются СК слова, но и содержит также данные о способе организации (структуре) этих СК в слове, а также дает возможность определить вес каждого СК в семантической структуре слова. Упорядоченность СК в значении слова проявляется в распределении его дистрибутивных свойств, выражающих эти СК, по тем синтаксическим конструкциям (типам словосочетаний), которые присущи рассматриваемому слову. Слова, в значениях которых содержатся одинаковые СК, могут отличаться друг от друга по своей структуре, т. е. способом упорядочения этих СК. Например, близкие по значению существительные *мысль* и *мышление* отличаются в этом плане прежде всего тем, что слово *мысль* не способно проявлять свои СК в словосочетании типа

«существительное+существительное в творительном падеже», тогда как слово *мышление* образует сочетания по этой синтаксической модели (*мышление образами, представлениями* и т. п.). Значит, СК структурируются синтаксическими свойствами слова, причем классы слов, реализующиеся в той или иной синтаксической конструкции в сочетании с данным словом, выражают наиболее обобщенные СК этого слова, т. е. СК типа компонентов 1. Так, прилагательные в сочетании с существительным в синтаксической конструкции «прилагательное+существительное» реализуют семантическую категорию признака, глаголы в синтаксических конструкциях «существительное+глагол», «глагол+существительное в вин. пад.» и др.— категорию процессуальности и т. д.

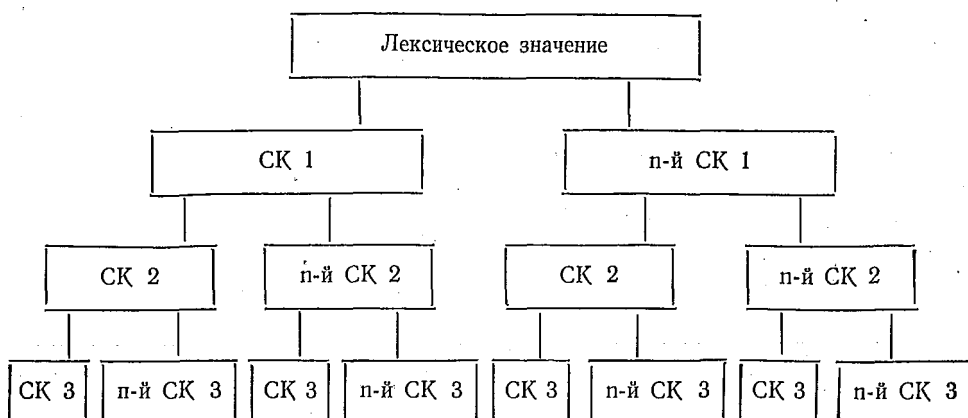
Вес СК, компонентов типа 2 и 3, характеризуется вероятностью использования в сочетании с рассматриваемым словом тех других слов, которые выражают данный СК, а вероятность, в свою очередь, определяется частотой словоупотреблений (элементов дистрибуции), встретившихся в обследованных текстах. Многие слова, в частности, синонимы, могут отличаться друг от друга не наличием/отсутствием в их структуре определенных СК, а весом СК.

Одни и те же СК могут по-разному характеризовать значение слова: это зависит от типа словосочетания, в котором они проявляются. В словосочетаниях *писатель критикует* и *критиковать писателя* глагол реализует конкретный СК, свойственный значению слова *писатель*, однако этот СК в первом и втором случаях не является тождественным, хотя и представлен одним и тем же словоупотреблением. Свойства СК меняются в зависимости от того, в каком типе словосочетания он реализуется. Одноименные СК, проявляющиеся в словоупотреблениях, которые встречаются в неодинаковых типах словосочетаний, следует считать разными СК рассматриваемого слова.

Таким образом, с эмпирической точки зрения конечный результат описания лексических значений с помощью учета дистрибутивных свойств слов представляет собой так же, как и при компонентном анализе таблицу, в которой по вертикали располагаются исследуемые слова, а по горизонтали СК, извлеченные из их дистрибутивных свойств. Однако в отличие от таблиц, получаемых при компонентном анализе значений, СК располагаются не в виде простого перечня, а упорядочиваются в соответствии с синтаксическими свойствами исследуемых слов. В самой таблице на пересечении названия СК и слова проставляются не знаки + (плюс) и — (минус) (т. е. отметки о наличии или отсутствии определенного СК в значении рассматриваемого слова), а конкретные числа, с помощью которых измеряется вес свойственных данным словам СК. В этих числах фиксируется частота отмеченных в обследованных текстах словоупотреблений, которые объединяются в лексические группы с общим СК типа компонентов 2. В свою очередь, СК этого типа включают в себя в качестве составных частей СК типа компонентов 3, соотносимых с отдельными словоупотреблениями, сочетающимися в текстах с исследуемыми словами. Подобный подход к описанию лексических значений осуществлен в ряде работ, выполненных под руководством А. Е. Супруна, на материале нескольких лексических групп русского и английского языков.

С теоретической точки зрения характеристика семантики слова его дистрибутивными свойствами, с одной стороны, соответствует разрабатываемым в науке о языке положениям, согласно которым СК должны выявляться лингвистическим путем, иметь данные о своем весе, быть упорядочены в структуре лексического значения, а с другой стороны, хорошо согласует семантические явления языка и речи. Лексическое значение, представляющее собой инвариантное потенциальное явление языка, актуализируется дистрибутивными свойствами слова при его функционировании в речи, причем отдельные варианты лексического значения реализуются конкретными элементами дистрибуции слова.

Модель лексического значения, которое проявляет свои СК в дистрибутивных свойствах слова, может быть представлена следующим образом.

В предлагаемой абстрактной модели первичным этапом при переходе (реализации) потенциального языкового значения в актуальное речевое является порождение ограниченного числа (в пределах десяти) наиболее обобщенных СК типа компонентов 1, которые структурно организованы синтаксическими свойствами употребляемого слова. В свою очередь, компоненты этого типа расщепляются на более конкретные части, СК типа компонентов 2, соотносимые с отдельными признаками предмета или явления, обозначенного рассматриваемым словом. СК этого типа в лексическом значении может быть выделено несколько десятков. СК типа компонентов 2 реализуются в текстах целыми группами словоупотреблений, обладающих общим семантическим свойством (например, прилагательные цвета, глаголы движения и т. п.), а каждое из отдельных словоупотреблений представляет собой СК типа компонентов 3, образующих открытый класс семантических единиц.

Для того чтобы построить конкретную семантическую модель того или иного слова, необходимо совершить обратный путь: в текстах фиксируются все элементы дистрибуции заданного слова, служащие проявлением СК типа компонентов 3, эти СК обобщаются в СК типа компонентов 2, каждый из которых при этом получает характеристику своего веса, а СК типа компонентов 2 объединяются в наиболее общие СК типа компонентов 1, представленных целым классом слов, занимающих определенную синтаксическую позицию в дистрибуции исследуемого слова.

Достоинства дистрибутивной модели лексического значения заключаются в том, что она строится на лингвистических основаниях, согласуется с эмпирическими данными, позволяет учитывать индивидуальные особенности в значениях интересующих нас слов. К недостаткам следует отнести большую трудоемкость процесса, связанного со сбором и обработкой фактического материала, необходимого для характеристики значения конкретного слова; практическое описание лексического значения осуществимо только для тех слов, которые регулярно употребляются в текстах.

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию, т. 2.— М., 1963, с. 54.

² Трубецкой Н. С. Основы фонологии.— М., 1960.

³ Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre.— In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 6.— Prague, 1936.

⁴ См.: Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии.— В кн.: Славянское языковедение.— М., 1968; Морковкин В. В. Идеографические словари.— М., 1970; No g le L. Method and Theory in the Semantic and Cognition of Kinship Terminology.— Mouton, 1974.

⁵ См.: Арбатский Д. И. Толкование значений слов: семантические определения.—Ижевск, 1977, с. 37—38; Callahan J. Science of Language. Vol. 2. Word Study.—Pittsburg, 1939, p. 88.

⁶ См.: Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии.—М., 1969, с. 174; Probleme der semantische Analyse.—Berlin, 1977, S. 117; Neubert A. Semantik und Übersetzungswissenschaft.—In: Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik.—Leipzig, 1968, S. 201.

⁷ См.: Гак В. Г. Сопоставительная лексикология.—М., 1977, с. 23; см. также: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.—М., 1974, с. 62.

В. А. КАРПОВ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Материалом для анализа послужили 1080 слов, созданных на базе числительных. Этот материал извлекался методом сплошной выборки из Обратного словаря современного болгарского языка¹. Выбор именно этого источника объясняется тем, что этот словарь включает в себя данные пяти словарей (толкового, этимологического, орфографических) и является наиболее представительным по объему (70 тыс. единиц). Кроме того, в работе использовались как дополнительные материалы еще пяти словарей². Данные о наиболее системной части словообразований сведены в таблицу и интерпретируются.

Числительные	1	2	3	4	5	6	7	Итого
Един	86	45	20	41	20	17	4	233
Два	83	43	16	13	15	5	11	186
Три	52	24	9	7	5	4	5	106
Четири	34	14	6	2	3	4	3	66
Пет	27	20	8	4	—	2	7	68
Шест	21	12	5	1	—	1	2	42
Седем	12	8	9	1	—	2	1	33
Осем	12	11	5	—	—	—	1	29
Девет	6	5	9	—	—	1	3	24
Десет	16	13	19	2	2	5	2	59
Първо	17	18	11	9	1	1	—	57
Второ	8	12	7	2	6	5	—	40
Сто	13	8	7	2	—	1	2	33
Итого	387	233	131	84	54	48	41	976

Примечание: Номера рубрик обозначают: 1) число прилагательных, образованных путем словосложения; 2) число существительных, образованных путем словосложения; 3) число существительных, образованных способом аффиксации; 4) число наречий, образованных способом аффиксации и словосложения; 5) число глаголов, образованных способом аффиксации; 6) число прилагательных, образованных способом аффиксации; 7) число композитов, числительных с уменьшительным и собирательным значениями, мужско-личных числительных, числительных с приблизительным значением.

Как видно из таблицы, наибольшей словообразовательной мощностью обладает числительное *един*, образующее различными способами 233 слова, а наименьшей способностью к словообразованию в ряду представленных числительных обладает числительное *девет* — 24 слова. Налицо закономерность — с нарастанием значения числа в ряду количественных числительных убывает их словообразовательная способность, возрастающая у числительных *десет* и *сто* и порядковых чис-

лительных *първо* и *второ*. Особенно очевидным является падение словообразовательной способности у числительных после десяти (на основе 27 разных числительных образуется всего 104 слова типа — *единайсетчасов, дванадесетгодишен, тридесетгодишен, четирнайсетгодишен* и др.). При этом суммарное количество образуемых слов у отдельных числительных колеблется в границах от 15 слов до одного, то есть значительно ниже границы 24 слов.

При положении, что значение числительных — чисто числовое, количественное, соотносимое с числами натурального ряда, такой перепад в словообразовательной способности объясняется экстралингвистическими факторами (ср. *къща в два етажа — двуетажна къща*, далее прилагательные со значением числа этажей могут образовываться при необходимости до существующей реальности — *триетажна, четириетажна* и т. д.; с другой стороны, наличие в действительности парных предметов — ноги, руки, рога, глаза, уши и др. иногда способствует созданию прилагательных типа *двукрак, двукрил*, но этому же способствует и нарушение парности как нормы — ср. *едноок, едноух, еднорък, еднокрак, еднокрил, еднополов*).

Дихотомия «един — много», выражающая количественную разницу, сосуществует с дихотомией «един — разное», а возможно существует только трихотомия «един — разное — много», как это видно из следующих рядов —

*еднозначен — разнoзначен — многозначен,
еднообразен — разнoобразен — многообразен,
едностранен — разнoстранен — многостранен,
еднолик — разнoлик — многолик,
еднозвучен — разнoзвучен — многозвучен,
едноцветен — разнoцветен — многоцветен.*

Данные анализа показывают преобладание пар типа *едностеблен: многостеблен* над парами типа *едноезичен: разноезичен*, но, тем не менее, такие противопоставления имеются и свидетельствуют в пользу большей «семантической» числительного *един*. Единица, собственно, не является числом. Она скорее является показателем отдельности, прерывности, «взятости» чего-то от чего-то, поэтому в поисках этимона числительного *един* можно идти в этом направлении. На наш взгляд, именно эта скрытая «нечисленность» и вызывает такое обилие словообразований у числительных первого десятка, уменьшающееся у числительных с 11 и далее, семантика которых является сугубо числовой, а словообразование системным (исключая *сто, хиляда, милион, миллиард*).

Наибольшее количество слов, созданных на базе числительных, приходится на прилагательные (387) и существительные (233), образованные путем словосложения. Основная модель — количественное/порядковое числительное плюс существительное, например:

*три месеца — тримесечен — тримесечие
първи курс — — първокурсник/първокурсничка
девети юни — деветоюнски — деветоюнец и другие.*

Самыми употребительными формантами, с помощью которых числительные образуют новые слова, являются: *-годишен* (38); *-годишнина* (23); *-дневен* (15); *-ласен, -ласник, -членен, -часов* (9); *-стенен, -тъглен, -месечен, -левка, -тъгльник* (8); *-стенник, -кратен* (7); *-етажен, -сричен* (6); *-кратно, -ног, -крак, -рог, -стаен, -цветен, -брачен* (5); *-крилен, -крил, -странен, -гласен, -катен, -актен, -листен, -метров, -глав* (4). Менее употребительные форманты образуются, как правило, на базе существительных, реже — на базе прилагательных.

В качестве основ числительных, от которых образуются новые сло-

ва, словари дают следующие: — *одно-, едино-, двое-, дву-, второ-, три-, трое-, трето-, шест-, седем-, десет-, десето-*. Анализ показывает, что кроме вышеуказанных основ употребляются и другие, например: *дво-* (двоак-, двоакост, двоутробен, двоумение, двоумя се), *десети-* (десетилетие, десетилетка, десетилетен), *пет-, пето-, пети-* (петактен, петчасов, петобален, петолъчен, петилетие, петилетен), а также другие, по неизвестным соображениям не включенные в словари.

На третьем месте по количеству вновь созданных слов стоят существительные, образованные способом аффиксации, за ними следуют наречия, глаголы и прилагательные (соответственно — 131, 84, 52 и 48). При их создании используется тот же самый арсенал аффиксов, что и при образовании новых слов от основ существительных, прилагательных, наречий, ср. постфиксы *-ост, -ение, -ица* в обычных существительных и в существительных *единност, единичност, двойственность; единение, удвоение; единица, двоица, троица*; постфикс *-ен* в причастиях обычных и в причастиях/прилагательных, образованных на основе числительных — *единен, единичен, уединен, разединен, объединен, объединителен, съединен, двоен, удвоен, раздвоен, двойствен* и другие. То же самое относится к префиксам (по, об, раз, у, из, за, на, в, от, пре, съ и другим).

Группа существительных является показательной в отношении системного развития значений у вновь созданных слов и единой модели образования. Так, у слов типа *шестица, петица, осморка, четворка* развиваются следующие значения: **ШЕСТИЦА** — 1. шестёрка (цифра); 2. шестёрка (высшая отметка по шестибалльной системе); 3. разг. шестёрка (в картах); 4. разг. шестёрка (номер трамвая) и т. п., (2—721); **ДВОЙКА** — 1. двойка (цифра); 2. двойка (отметка); 3. разг. двойка (в картах); 4. разг. двойка (номер трамвая) и т. п.; 5. пара (супружеская двойка); 6. разг. парочка (влюбленных), (2—108). Наибольшее количество слов третьей, четвертой, пятой и шестой рубрик создается числительными *един* и *два*.

Количество композитов, образуемых числительными, невелико — 10 (*един-два, едно-друго, пет-шест, пет-шестина, пет-шестотин, надве-на-три, е-двойно, първобитно-общинен, пет-шестнадесет, пет-шестнайсет*). Основное значение этих слов — приблизительность. Немногочисленность композитов можно объяснить тем, что чисто числовая семантика тормозит создание слов такого рода. Так же невелико и число сложных слов, обе части которых содержат числительные и формант, созданный на их базе: *стохиялден, стохиялен, тристахиялден, триседмичен, триединен, двуседмичен, двуседмичник, петмилионен, шестседмичен, четириседмичен, четридесетница, тримилионен, тридесет* (4).

Невелико число слов, в которых первая основа представлена нечислительным — *стройобединение, чернототник, чернототнически, въгледвуокис, многохиялден, няколкостотин*. Так же невелико число слов, содержащих отрицательный формант «не» — *нееднократно, нееднократен, недвусмысленост, недвусмыслено, недвусмыслен, неповторим, нееднаквост, нееднакъв, неведнаж, неведнъж, недваж, неедин*.

Словообразовательной особенностью можно считать и создание числительных с уменьшительным значением типа *двечки, двамка, двенки, трички* и ряда лично-мужских и собирательных числительных с помощью чисто болгарских аффиксов *-ма, -мина, -ина, -ица* (*двама, двамина, двоица; трима, тримина, троица; четирима и четирма* (3), *четворица; шестима, шестина* и другие).

Говоря о словообразовательной способности числительных, следует остановиться еще на двух моментах. Создание существительного на базе числительного со значением лица типа *еднокраец, едноселец* и других создает основу для создания родовой противопоставленного существительного с тем же значением женского рода — *еднокрайка, едноселка*. Такая парность в болгарском языке является нормой, которой следуют и существительные, создаваемые на базе числительных

(*едноверец/едноверка, едноземец/едноземка, първокласник/първокласница, първокурсник/първокурсничка* и многие другие). Второй момент связан с вариантною произношения и написания числительных, а следовательно, и создаваемых на их базе слов, ср. *четиринадесет (четиринайсет и четиринадесетгодишен) четиринайсетгодишен или шестдесет/шейсет и шестдесетгодишен/шейсетгодишен* и другие. Кроме того отмечается как вариантность основ, так и вариантность формантов, ср. *двоеженец/двуженец, двугодишен/двегодишен, четириног/четвероног, трирог/троерог, петактен/петоактен, седемдневен/седмодневен; и десет(о)дневка/десетдневие* (3), *едноимец/едноименник, двоeverие/двоеверство, двусмислие/двусмислица/двусмисленост, шестокласница/шестокласничка, пет-шест/пет-шестина* и другие. Гораздо реже представлены синонимические форманты, ср. *трикрак/триног, триетажен/трикатен, хилядолетие/хилядогодишнина*. Следует отличать вариантность от разных значений; так, *едновременно* — происходящий в одно и то же время с другим действием, а *едновременно* — имевший место когда-то давно. Прилагательное *едновременно* будет являться вариантом только к прилагательному *едновременно*.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее: а) числительные первого десятка, числительные *сто* и порядковые числительные *първо* и *второ* обладают такой же словообразовательной мощностью, как существительные, прилагательные и глаголы, образуя с помощью имеющегося инвентаря аффиксов и способов словосложения сотни новых слов; б) преобладающим способом является словосложение; в) наибольшей мощностью обладают указанные числительные в силу скрытой «нечисленности» их семантики и экстралингвистических факторов; г) чаще всего на базе числительных создаются существительные и прилагательные.

¹ См.: Обрaтен речник на съвременния български език.— София, 1975.

² См.: Болгарско-русский словарь. Под ред. С. Б. Бернштейна.— М., 1975; Болгарско-русски речник.— София, 1960; Български етимологичен речник, т. 1 (А—З).— София, 1971; Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век.— София, 1974; Правовогорен речник на българския език.— София, 1975.

А. И. АЛЕХИНА

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Взяв за основу материалы нескольких английских словарей Роже¹, мы проанализировали шесть основных классов с целью исследования семантического аспекта соотношения фразеологизма и слова в плане ономаσιологического деления лексики и фразеологии. Ономаσιологическое деление в данном случае мы рассматриваем как своего рода «семантическое картографирование» всего вокабуляра, находящего выражение в общих понятийных классах и подклассах. Например: 1. Класс абстрактных отношений (abstract relations). Подклассы: существование (existence), отношение (relation), количество (quantity), последовательность (order), счет (number), время (time), изменение (change), причинность (causation). 2. Класс пространственных отношений (space). Подклассы: общие пространственные отношения (space in general), размеры (dimensions), форма (form), движение (motion). 3. Класс материальных отношений (matter). Подклассы: материя (matter in general), неорганическая материя (inorganic matter), органическая материя (organic matter). 4. Класс интеллектуальных отношений (intellect). Подклассы: общие интеллектуальные действия (intellectual operations in general), симптоматические действия (precursory conditions and operations), мотивы для размышлений (materials for reasoning), процессы мышления (reasoning processes), следствия мышления (results of reasoning), про-

тяженность мышления во времени (extension of thought), природа коммуникации (nature of ideas communicated), способы коммуникации (modes of communication). 5. Класс волеизъявительных действий и актов (volition). Подклассы: общие волевые действия (volition in general), предполагаемые волевые действия (prospective volition), спонтанные действия (voluntary action), враждебные действия (antagonism), результативные действия (results of action), социальные (общественные) волевые акты и действия (intersocial volition). 6. Класс эмоциональных отношений (affections). Подклассы: выражение эмоций (affections generally), личные эмоции (personal affections), благожелательные эмоции (sympathetic affections), душевные эмоции (moral affections), религиозные эмоции (religious affections).

Классы и подклассы, противопоставляемые по вертикали 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д., дают возможность подойти к семантическому аспекту в плане соотносительности выражения-фразеологизмом и словом различных понятий. Классы и подклассы, противопоставляемые по горизонтали: класс абстрактных отношений, класс пространственных отношений и т. д., подклассы каждого класса определяют подход к семантическому аспекту в плане соотносительности выражения фразеологизмом и словом какого-то определенного отдельного понятия.

В классах и подклассах, взятых вместе и в отдельности, отражается сущность предметов и явлений, где на основе более или менее существенных признаков возможно само их членение. В этой связи можно допустить, что каждый класс и подкласс в концентрированном виде является формой отражения объективной действительности и отвечает понятию как целостной совокупности суждений, т. е. «мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения в наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта»². В том или ином классе или подклассе оно закрепляется и выражается основными единицами языка: словом и словосочетанием, т. е. определенной языковой формой выражения. Мы допускаем, что одним из таких пределов выражения и является лексико-фразеологическая парадигма, представляющая собой систему элементов внутри какого-то класса или подкласса, где отношения противопоставления — это не отношения логических понятий, а их языковое выражение, систематизированное по определенным признакам в иерархической структуре парадигмы.

Как известно, важным моментом при анализе языка является учет системности языковых фактов и отношения противопоставленности элементов системы. Системность единиц языка и противопоставленность тесно связаны между собой. Именно поэтому в лингвистической науке осознание наличных в языке противопоставлений возникло тогда, когда укрепилось понимание языка как системы³. Например, лексико-семантическая парадигма является довольно распространенным приемом анализа в лингвистических исследованиях и обычно рассматривается как средство раскрытия отдельного значения слова. В распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам — лексико-семантическим парадигмам и обнаруживается, как отмечает Э. М. Медникова, системный характер словарного состава. Автор приводит в качестве примера лексико-семантической парадигмы такую группу семантически связанных слов, как *mansion, villa, cottage, palace, hut, cabin* и т. д., объединенных общим значением 'dwelling', рассматриваемым как здание (the house which is a place of residence)⁴.

Лексико-фразеологические парадигмы предполагают изучение соотносительности фразеологизма со словом в системе, а не изолированно, на основе противопоставленности, с одной стороны, слов в такой парадигме друг другу, с другой — противопоставления одних фразеологизмов другим, с третьей — фразеологических единиц и слов.

Лексико-фразеологические парадигмы представляют собой определенную систему, структура и характер которой проявляется в наличии

ряда специфических связей и отношений. Можно сказать, что основные признаки, объединяющие слова и фразеологизмы в одну парадигму являются общими и частными. Например, такой общий признак, как наличие лексико-грамматических рядов фразеологизмов и слов, который в свою очередь, делится на такие частные признаки, как отдельные грамматические категории частей речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие. Далее, общий семантический признак объединяет слова и фразеологизмы в одну парадигму, который обязательно предполагает частные признаки, конкретизирующие и дифференцирующие, относящие слова и фразеологизмы к различного рода лексико-фразеологическим семантическим группам. Последние, в свою очередь, дробятся на собственно лексические или фразеологические семантические группы.

Речь о конкретизирующих факторах может идти лишь на фоне эквивалентности единиц. Эквивалентность языковых единиц понимается нами не только как «семантическая близость», а как такое однородное явление языковых единиц, о близости которых можно судить, главным образом по их различительным признакам. Основу различительных признаков составляют дифференцирующий и конкретизирующий семантические факторы.

Дифференцирующий фактор — это первая ступень семантического анализа, сущность которого заключается в его разграничивающей способности делить лексико-фразеологические парадигмы на лексические и фразеологические семантические группы с последующим их членением на лексические семантические группы и фразеологические семантические группы.

Конкретизирующий фактор — это вторая ступень семантического анализа, сущность которого в его уточнительной функции, в способности детализировать семантические группы фразеологизмов и слов как на уровне самих этих групп, так и отдельных слов, слов и фразеологизмов, одной фразеологической единицы другой. Эквивалентность этих единиц усматривается лишь в общем семантическом признаке, тогда как сумма различительных признаков конкретизирующего фактора говорит о соотносительности, с одной стороны, лексических синонимов друг другу, с другой — фразеологических синонимов и с третьей — лексических и фразеологических синонимов.

Можно сказать, что в пределах единичных или бинарных парадигм наблюдаются синонимические и синонимо-антонимические связи слов и фразеологизмов, которые могут иметь характер лексической и фразеологической синонимии или синонимии-антонимии, лексической синонимии-антонимии и фразеологической синонимии-антонимии. В любых случаях это самостоятельные лингвистические явления, независимые ни от опорного слова, ни являющиеся тем более эквивалентными друг другу. Опорному слову лексического синонимического ряда фразеологизмы не могут быть равны потому, что смысловая разница распределяется в них по-разному. В словах она идет от опорного слова далее, в порядке нарастания каких-либо признаков как отличительных: либо понятийных, как например, красный-багровый, радость-ликование, очень-чрезвычайно; либо стилистических: лицо-морда-харя; умереть-помереть-скончаться; убежать-удрать-смыться; похитить-украсть-стащить-спереть. Во фразеологизме синонимические различия распределяются приблизительно равномерно, и поэтому в синонимическом фразеологическом ряду доминанту выделить невозможно, а приравнять все входящие в этот ряд фразеологизмы одному опорному слову — значит свести на нет само явление синонимии. Ср., например, в английском и русском языках: *be at a loss*, *be at one's wit's end*, *be at sea*, *be at fault* и «теряться в догадках, пожимать плечами, ума не приложу, чесать затылок, смотреть как баран на новые ворота».

Таким образом, наличие лексико-фразеологических парадигм показывает, что за делением вокабуляра языка на классы и подклассы скрываются различные лингвистические сущности. В одних случаях это слова,

отражающие в своей совокупности всю сумму явлений и фактов того или иного класса или подкласса, в других — фразеологические единицы, входящие туда на основе общих со словом логических связей и процессов. Возникновение и тех и других обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами, влияние которых вызвало к жизни работу такого механизма языка как словообразование и фразообразование, результатом которых и явились лексико-фразеологические парадигмы. Однако лексико-фразеологическая парадигма как предел ономаσιологического деления — это только часть семантического аспекта соотносительности фразеологизма и слова. Формализованной процедуре ее выделения необходимо противопоставить анализ сущности таких парадигм, или, точнее, ее иерархической структуры, непосредственно зависящей от тех соотношений, которые имеют место между ее элементами — фразеологизмом и словом.

¹ См.: Roget, Peter Mark. Theasurus of English Words and Phrases.— London, 1932; Roget's Theasurus of English Words and Phrases.— London, 1973.

² Кондаков Н. И. Логический словарь.— М., 1971, с. 303.

³ См.: Ярцева В. Н. О взаимосвязи элементов языковой системы.— В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие.— М., 1969, с. 233.

⁴ См.: Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания.— М., 1974, с. 48.

Л. И. ПОЛОНСКАЯ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ СЛОВ С ОБЩИМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ «ШУМЕТЬ» С ПОМОЩЬЮ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Мысль о необходимости комплексного изучения языковых явлений и, в частности, семантики стала традиционной в современной психолингвистической литературе. Для исследования значения слова продуктивным является использование серии частных методик в пределах психолингвистического метода. Такой многосторонний подход, во-первых, обеспечивает надежность полученных в результате эксперимента данных и, во-вторых, позволяет установить те свойства объекта исследования, которые остаются скрытыми при проведении какого-то одного из экспериментов.

Продолжением сигматического компонентного анализа группы глаголов с общим компонентом значения «шуметь»¹ явились свободный и направленный ассоциативные эксперименты, в ходе которых было опрошено 850 человек и получено 56700 реакций на 42 слова-стимула: *громыхать, грохотать, греметь, звенеть, звонить, брякать, бряцать, брехать, звякать, лязгать, дребезжать, топать, хлопать, цокать, щелкать, шлепать, жужжать, зудеть, свистеть, гудеть, трубить, дудеть, пищать, рокотать, тарыхтеть, стрекотать, булькать, плескать, бурлить, журчать, капать, стучать, аплодировать, бить, скрипеть, скрежетать, скрести, царапать, тереть, хрустеть, тикать.*

Предшествующий компонентный анализ показал, что, затрудняясь назвать записанный на магнитную ленту звук, информант называл предмет — источник этого звука. При словесном же описании глагола шума указание на предмет-источник присутствовало в ответах всех информантов. Установить, входит ли в значение глагола шума указание на предмет, источник этого шума — задача свободного ассоциативного эксперимента.

В результате проведенного эксперимента выяснилось, что от 42 до 74% общего числа реакций составляют имена существительные, обозначающие предмет, источник данного шума (табл. 1).

Число соответствующих реакций на слова *тереть* и *скрести* очень

Тереть	15	Скрежетать	50	Стучать	57	Хрустеть	63
Зудеть	21	Звякать	50	Хлопать	57	Топать	63
Скрести	30	Дудеть	52	Царапать	57	Щелкать	65
Грохотать	42	Гроыхать	53	Скрипеть	58	Стрекотать	66
Гудеть	43	Тарахтеть	53	Булькать	59	Цокать	67
Капать	45	Свистеть	54	Лязгать	59	Бурлить	68
Бренчать	45	Трубить	54	Дребезжать	60	Тикать	69
Шлепать	46	Звенеть	55	Звонить	60	Журчать	71
Брякать	49	Греметь	56	Стукать	61	Плескать	71
Рокотать	49	Бряцать	56	Пищать	61	Жужжать	74

невелико, поскольку в них преобладает значение действия, а не звука, полученного в результате этого действия. Небольшое число реакций на слово *зудеть* объясняется его многозначностью и малоупотребительностью в значении «шуметь»: 39% всех реакций связаны со значением «болеть», «чесаться». Относительно большая часть реакций, обозначающих источник шума, свидетельствует о том, что значение источника входит в значение слова, называющего шум. Связь представления о звуке с представлением об источнике этого звука отразилась и в речи; так мы часто говорим: «Я слышу Петю», — а не «слышу голос Пети». Мы слушаем голос, а слышим человека. Звук для нас иногда является лишь сигналом источника. Но это происходит не всегда. Мы скорее скажем: «Я слышу рокот моря (мотора)», — чем «слышу море (мотор)». В сознании людей нет четко определенного звукового эталона, а существует некий расплывчатый образ звука-шума, поэтому при прослушивании большинства шумов необходимо обращение к их источнику. Представляя себе источник шума, информант слышит одновременно шум, порожденный этим источником, и сравнивает его с предъявленным. Если они эквивалентны или отличаются незначительно, то данный звук называется именем шума-эталона. Часто такая модель работает автоматически и информантом весь процесс не осознается.

Но важнее всего то, что для разных звуков существует разное число видов источников. Очевидно, чем меньше источников шума, тем теснее связано значение шума со значением источника и наоборот. Подтверждением тому служит психологический эксперимент, проведенный М. И. Захаркевичем в МГПИИЯ по предъявлению звука информантом. В ходе эксперимента выяснилось, что «...в тех случаях, когда звук, характерный для данного предмета, может уподобиться звукам других предметов, наблюдается увеличение времени в реакции и даже отказы. ...Звук пробуждает не один, а несколько альтернативных образов. В этих условиях требовалось дополнительное время для выделения доминирующего образа. Если же это не удавалось, то следовал отказ»².

Этим и объяснялось то, что для одних слов признак источника является несущественным, их значение более самостоятельно, для других — наоборот. По роли источника шума в определении значения все слова можно разделить на три группы. Фактической основой для такой классификации послужили реакции в свободном ассоциативном эксперименте и данные словарей.

К первой группе относятся слова, обозначающие специфичные звуки, которые являются результатом действия очень маленькой группы источников или источников одного вида. Поэтому в реакциях на такие слова больше всего указаний на источник; на долю звука выпадает лишь роль представителя источника. К этой группе относятся: 1) звуки, издаваемые животными: *блеть, квакать, ворковать, гавкать, гоготать,*

лаять, мяукать, каркать, клекотать, крякать, кудяхтать, кукарекать, куковать, курлыкать, хрюкать, чирикать, щебетать, мычать. Часть этих слов — звукоподражательные. Даже в словарях, при толковании таких слов, всегда указывают на источник звука, поскольку значение производителя не только входит, но и является главным в значениях слов, обозначающих звук. Так, например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля читаем: «Блеть — блекотать, реветь по-овечьему, по-козьему»³. 2) Слова, обозначающие звуки, производимые жидкостью: журчать, булькать, бурлить, плескать, капать. Интересно, что на слово капать только 23% составляли реакции с общим значением «производить шум с помощью воды» (на остальные слова — от 50 до 66%), но зато с общим значением «стучать» и «звенеть» — соответственно 22 и 19% всех реакций. В слове капать, очевидно, выкристаллизовывается значение «стучать» и «звенеть», хотя в его общей семантике всегда будет оставаться значимым первый из трех названных компонентов. 3) Слова, обозначающие звуки, производимые человеком, животными, некоторыми предметами: вздыхать, икать, реветь, рычать, урчать, стонать, шаркать, жуужжать, тикать. Здесь возможные производители шума не столь конкретны, как в словах предшествующей подгруппы, но достаточно определены в родовом отношении. Например, словом тикать обозначается звук, производителем которого может быть только часовой механизм. Можно предположить, что это слово называет не звук, а конкретное действие конкретного производителя. Сам же звук можно назвать словом стучать.

Ко второй группе можно отнести: 1) Слова, обозначающие звуки, которые производятся как живыми существами, так и предметами: стучать, брякать, бренчать, звякать, лязгать, звенеть, греметь, грохотать, гроыхать, стукать, гудеть, рокотать, тарыхтеть, скрежетать, скрипеть, трещать, хрустеть, хлопать, щелкать, пищать, шелестеть, шипеть, шлепать, шушать. В этой группе слов источник очень неопределенный, неконкретный, таких источников может быть очень много. 2) Слова, обозначающие звуки, производимые живыми существами: хрипеть, фыркать, кряхтеть, сопеть, шипеть, пыхтеть, чихать, чавкать, храпеть. Здесь значение источника звука сопутствует значению самого звука, но не вытесняет его, как в словах I группы, и не давляет над ним, как в словах III группы. Естественно, что при определении значений этих слов информанты реже обращаются к источнику звука.

К III группе относятся слова с общим значением «производить шум с помощью человеческого голоса или голоса живого существа»: 1) слова подгруппы «говорить»: говорить, бормотать, шептать, лепетать, галдеть; 2) слова подгруппы «кричать»: кричать, голосить, вопить, верещать, визжать, орать. Слова эти обозначают шумы, у которых более ограничено число видов источников, чем в шумах, названных словами II группы, но менее ограничено в подвидовом отношении, чем в шумах, обозначенных словами I группы.

К четвертой группе относятся слова, обозначающие звуки, производимые и предметами, и живыми существами: зудеть, пищать, стрекотать, щелкать. Несколько особняком стоят слова топать, звонить. 44% всех реакций на слово цокать составляют слова лошадь, конь, копыта. На слово звонить 13% всех реакций — слово колокол, 25% всех реакций и 48 реакций, называющих источник шума, — слово телефон. В реакциях на звенеть оно составляет лишь 1,5%, хотя звук телефонного звонка, записанный на магнитофонную ленту, информанты называют словом звенеть. Очевидно, слово звонить употребляется скорее для обозначения целенаправленного действия, чем собственно звука при назывании высоких, с небольшой пульсацией звуков телефона, дверного звонка, будильника.

Ассоциативное поле в какой-то мере является моделью семантического. Отношения между словами в нем можно трактовать семантически⁴. А так как «дифференциация предельно малых единиц лексическо-

го значения происходит при помощи парадигматической противопоставленности слов»⁵, для определения наиболее близких по значению слов исследуемой группы был проведен направленный ассоциативный эксперимент, реакциями в котором могли быть только слова с общим компонентом значения «шуметь». Семантическая трактовка парадигматических реакций позволила установить близость исследуемых слов путем определения общих компонентов значения, а это делалось на основе учета одинаковых реакций на данные слова-стимулы. Так, например, в семантической группе слов *рокотать*, *тарактеть*, *стрекотать* компоненты значения выделяются довольно четко (табл. 2). Цифры в таблице

Таблица 2

Исследуемые слова	Частота, %	Непрерывность	Резкость	Удар
Стрекотать	32	13,7	20	12,5
Тарактеть	15,5	7	17,6	52
Рокотать	13	9	5	52
Скрипеть	—	18	28,9	4
Скрежетать	—	7,4	60	14,5
Хрустеть	—	2,4	24,4	8,8
Жужжать	—	—	2,4	—
Гудеть	—	—	2	—
Свистеть	—	—	3,4	—
Зудеть	—	—	5,6	—
Пищать	—	—	1,3	—

выражают процент общего числа реакций на исследуемые слова. Признак (и одновременно компонент значения: частота, резкость, непрерывность, наличие удара) определяется по числу реакций, в которых этот признак доминирует. Так, для определения относительной высоты звука, обозначенного данным словом, учитывалось, сколько раз слова *звенеть*, *пищать*, *свистеть* встречаются в реакциях. Во всех словах данной группы присутствует компонент «частый удар». Наиболее значимым компонент «удар» является в словах *тарактеть* и *рокотать*. Наиболее высокий, резкий, с очень частыми и ярко выраженными ударами звук обозначается словом *стрекотать*; наиболее низкий, приглушенный звук — *рокотать*. В словах *скрипеть*, *скрежетать*, *хрустеть* наиболее высокий и непрерывный звук обозначается словом *скрипеть*, наиболее низкий, прерывистый — словом *скрежетать*. Компонент «высота» наиболее важен для слова *скрипеть*, а компонент «резкость» — для слова *скрежетать*, так же как и компонент «прерывистость».

При анализе результатов эксперимента учитывается и то, что значение слов-реакций уже известно, и то, что, употребляя данное слово как реакцию на разные стимулы, информант, часто бессознательно, обращается к разным компонентам значения этого слова. Например, реакция *звенеть* на стимулы *гудеть*, *жужжать*, *свистеть*, *зудеть*, *пищать* служит не столько для определения разности высот, сколько для установления значимости ощутимых на слух колебаний. Для данной группы слов значимым у глагола *звенеть* в первую очередь оказывается не компонент «высота», а компонент значения «прерывность», т. е., с точки зрения физики, периодическая пульсация амплитуды. Частота пульсации минимальна у *жужжать* и максимальна у *пищать*. Но все-таки для этой группы слов определяющим остается компонент «высота» звука. Так, расположение слов по признаку «высота+резкость» определяется расположением слов по степени проявления высоты зву-

ка. То же подтверждает и совпадение последовательности взаимной связи слов и последовательности их расположения в зависимости от количества реакций «звенеть»: *стрекотать* — 32%; *тарыхтеть* — 9,7; *рокотать* — 5; *скрипеть* — 6,7; *скрежетать* — 3,3; *хрустеть* — 2,9; *жужжать* — 16,7; *гудеть* — 13; *свистеть* — 11,5; *зудеть* — 11; *пищать* — 5,7%.

При анализе эксперимента важно, во-первых, выделить компонент значения, который отличает слова данной семантической группы от слов других групп и, во-вторых, компонент значения, который служит для различения слов внутри семантической группы. Как правило, слова различаются не по наличию или отсутствию этого последнего компонента, а по степени его проявления, с учетом которой можно определить семантическую близость слов данной группы. Так, в группе слов с общим значением «звенеть» специфичным является компонент «удар+отзвук», а критерием внутригруппового различия — разность интенсивности удара и отзвука, высота, частота ударов, длительность отзвуков, длительность интервалов между ударами и отзвуками. По степени проявления компонентов «интенсивность удара» и «разность удара и отзвука и удара» слова располагаются в одинаковом порядке от *лязгать*, где самый яркий удар и минимальный отзвук, и до *звенеть*, где звук может быть высоким, сплошным, равным по качеству отзвуку: *лязгать*, *бренчать*, *бряцать*, *звякать*, *дребезжать*, *звонить*, *звенеть*. Наибольшая частота ударов у *дребезжать* (7,6%), затем *звенеть* (6), *звонить* (5), *бренчать* (3), *бряцать* (1,6), *звякать* (1,6), *лязгать* (0,4%). Очевидно, удары в *дребезжать* более частые, чем в наиболее характерном для *звенеть* звуке, состоящем из ударов и отзвуков, но в этом случае не учитывается, что словом *звенеть* обозначается звук с большой частотой колебаний, когда на слух почти неразличимы перепады звучания и огибающая амплитуды представляется в виде почти прямой линии. По степени проявления компонента «высота» слова располагаются следующим образом: *лязгать*, *бряцать*, *дребезжать*, *бренчать*, *звонить*, *звенеть*, *звякать*.

Направленный ассоциативный эксперимент позволяет определить некоторые компоненты значения исследуемых слов и сравнить их по степени проявления этих компонентов. Качественные условия эксперимента не дают возможности сравнить по этим параметрам слова разных семантических групп и системно изучить все компоненты значения каждой из семантических групп в отдельности.

¹ См.: Полонская Л. И. К психолингвистическому анализу сигматического аспекта плана содержания слова. — Весн. Беларускага ун-та. Сер. 4, філал., пед., психал., 1980, № 1.

² Захаркевич М. И. Психологические особенности применения предметно-слуховой наглядности как средства стимуляции речи. — В кн.: Романское и германское языкознание, вып. 3. — Минск, 1977, с. 21—22.

³ Далъ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. — М., 1955, с. 97.

⁴ См.: Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. — Минск, 1974, с. 48.

⁵ Уфимцева А. А. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура. — М., 1972, с. 409.

Е. З. ШЕВАЛДЫШЕВА, С. А. ХОМЕНКО

**ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ
В РЕЧЕВОМ ПОТОКЕ
(на материале английского языка)**

В настоящее время в связи с возникновением ряда прикладных отраслей языкознания, связанных с проблемой автоматического распознавания речи, особую важность приобретает исследование акустических процессов, происходящих на стыках речевых единиц различной

значимости. Именно перцептивный анализ физической субстанции стыковых явлений позволяет акустически расчленить речевой поток при восприятии на значимые единицы.

Прикладные отрасли языкознания стоят перед необходимостью выбора строгих и надежных акустических коррелятов стыковых явлений, доступных машине. Наибольшим препятствием при автоматическом распознавании и синтезе звуков является, как известно, зависимость акустических признаков фонем от их положения в речевом потоке, при этом наименее изученными на настоящем этапе являются позиционные аллофонические модификации согласных звуков, которые обеспечивают фонетическую членимость и слитность речевого потока.

Проблема членения речевого потока и стыковых явлений предстает как психолингвистическая, поскольку без решения вопроса о механизме восприятия и членения речи человеком невозможно рассматривать проблему ее автоматического распознавания. По меткому выражению М. В. Панова, «звук, как лакмусовая бумажка, обнаруживает свойства той или иной позиции»¹. Факт подобной обусловленности акустической выраженности явлений стыка сегментными характеристиками стыковых аллофонов привлекает внимание к изучению особенностей восприятия позиционно обусловленных аллофонов в потоке речи в зависимости от ингерентных свойств стыковых звуков.

Исходя из преобладающей роли согласных в речи и учитывая статистическую структуру английской речи (преобладание закрытых слогов над открытыми), мы поставили своей целью анализ воспринимаемых модификаций согласных на стыках акцентных единиц в потоке речи².

Именно цепочки элементов, объединенные супraseгментной структурой, т. е. акцентные единицы, по мнению ученых психолингвистов, и являются первичными единицами речевого восприятия. Декодирование и первичный семантический анализ осуществляется уже в их рамках. Акцентно-слоговая структура фразы в речевом потоке представляет собой модель, в которой информация локализуется в определенных точках; внимание слушающего направлено на поиск стыковых сигналов, которые являются теми дифференторами, которые управляют процессами восстановления смысла речевой посылки. Информативно-воспринимаемыми участками в речевом потоке являются стыковые точки, где и происходит активное извлечение информации.

Экспериментальный материал представляет собой отсегментированные из произнесенных двумя носителями литературного английского языка экспериментальных фраз (всего 312 реализаций) двусоставные консонантные сочетания в идентичном интервокальном окружении, но в разных стыковых позициях³. Так, например, сочетание [ns] было отсегментировано из трех фраз, в которых оно было реализовано в идентичном интервокальном окружении: а) внутри нечленимой акцентной единицы; б) на стыке двух нечленимых акцентных единиц; в) на стыке членимых акцентных единиц. Полученные сегменты предъявлялись пяти информантам-носителям языка, которым было предложено идентифицировать, т. е. записать их в принятой системе транскрипции. При подобных условиях проведения эксперимента исключалась возможность влияния на восприятие других уровней системы языка, грамматическая или смысловая поправка была невозможна, перцептивная база языка изучалась в «чистом» виде.

Анализ проводился по группам консонантных сочетаний (аффриката+сонант, фрикативный+сонант) и по компонентам консонантных сочетаний (первый и второй согласный в сочетании). При этом особое внимание уделялось характеру перцептивных смещений, т. е. ошибок, при которых согласный опознавался не адекватно, а смешивался с другим согласным. Задача исследования, таким образом, сводилась к определению степени изменения ингерентных свойств согласных, обуславливающих их восприятие в зависимости от стыковой позиции; необхо-

димо было также установить, какие из согласных в большей степени подвержены изменениям. Наибольшую трудность при распознавании вызвали сочетания согласных внутри нечленимой акцентной единицы. Минимальный процент распознавания согласных в этой позиции зафиксирован в сочетаниях взрывной+сонант. Это объясняется тем, что при контактной реализации компонентов сочетания внутри акцентной единицы начинает действовать фактор коартикуляции и взаимовлияния их свойств. В позиции же на границе членимых акцентных единиц процент правильных ответов приближается к максимуму. Это характерно даже для тех групп согласных, в которых общий процент правильных ответов невелик (взрывной+сонант). Представляется вероятным, что эта закономерность обусловлена меньшей степенью спаянности между стыковыми аллофонами при их относительно дистантном продуцировании в данной позиции.

Из анализа перцептивных решений информантов также явствует, что характер распознавания зависит и от типа согласных, входящих в сочетание. Наиболее низкий процент правильных ответов зарегистрирован в группах звонкий/глухой взрывной+сонант (в среднем по всем позициям 51,6%). Это подтверждает данные С. Оумана, согласно которым глухие и звонкие взрывные характеризуются очень низким уровнем распознавания, причем хуже распознаются глухие взрывные. Ошибки информантов в нашем эксперименте подтверждают и данные этого автора относительно чрезвычайно низкой степени распознавания губных взрывных [p] и [b]⁴. Характерными ошибками при идентификации фрикативных являлись случаи отождествления их с взрывными в позиции внутри акцентных единиц. Например, в сочетании [zm] в этой позиции — «...as much as she had» — звук [z] отождествляется с [d] в 62% случаев.

В дальнейшем данные спектрального анализа показали, что перцептивное отождествление фрикативных с взрывными в позициях внутри акцентной единицы обусловлено сокращением их длительности до величины, не превышающей значение пороговой длительности фрикативных (20—30 мсек) при сохранении спектральной картины фрикативных. При подобных перцептивных смещениях признак звонкости, как правило, воспринимается адекватно, т. е. звонкие фрикативные опознаются как звонкие взрывные, а глухие фрикативные как глухие взрывные. Интересно отметить, что не всегда позиционные изменения в длительности согласных вносят существенные различия в характер их восприятия. Так, например, в позиции на границе членимых акцентных единиц опознаемость согласного сохраняется и в случае маркировки этой позиции наименьшей длительностью инициального аллофона членимой акцентной единицы, которая может опускаться до 18 мсек. В то же время при реализации сочетаний с подобной длительностью в позиции внутри нечленимой акцентной единицы процент ошибок при распознавании стыковых согласных довольно высок. Очевидно, фактор взаимодействия свойств согласных, обусловленный контактной реализацией компонентов сочетания в позициях внутри нечленимой акцентной единицы, отсутствующий при реализации согласных в позиции на границе акцентных единиц, в данном случае оказывает большее влияние на характер восприятия согласных, чем его длительность.

Исследование, таким образом, показало необходимость учитывать положение звука в потоке речи при определении его пороговой длительности. Понятие пороговой длительности того или иного звука без учета его позиционных характеристик является не совсем строгим.

Наиболее характерным перцептивным смещением при идентификации консонантных сочетаний является неправильное распознавание одного из компонентов сочетания, ошибочно воспринимается в основном первый компонент. Можно предположить, что данная тенденция обусловлена большей подверженностью первых компонентов консонантных сочетаний стыковым модификациям, которые существенно вли-

яют на ингерентные свойства согласных и нарушают их важнейшие фонетические характеристики. При взаимовлиянии свойств согласных, вероятно, показательно регрессивное влияние последующего согласного на предшествующий. Можно предположить, что подобное направление влияния контактирующих звуков в потоке речи (справа налево) является доминирующим как при характеристиках переходов «гласный — согласный», так и в переходах между компонентами консонантных сочетаний. Поскольку сонанты входили как первый или второй компоненты во все сочетания, интересным представляется наблюдение характера распознавания сочетаний с инициальным или финальным положением сонанта. Эксперимент показал, что более точно идентифицируются сочетания с сонантом в качестве второго компонента.

При распознавании сонантов хуже идентифицируются носовые сонанты [n] и [m], лучше — ртовый сонант [l]. Так, например, в группе сонант+глухой фрикативный 64% всех ошибок — это неверное распознавание сонантов [n] и [m]; в сочетаниях же с [l] в той же группе сонант адекватно распознается в 100%. Ошибки идентификации сонантов в основном относятся к месту артикуляции, т. е. информанты ошибочно воспринимают одни сонанты вместо других, признак сонантности воспринимается, как правило, адекватно. Интересно отметить, что при решении о перцептивной идентификации того или другого консонантного сочетания информанты, вероятно, соотносят воспринимаемые акустические признаки границ с собственным перцептивным эталоном, в котором закодированы воспринимаемые признаки согласных в потоке речи. Подтверждением этого может служить и тот факт, что процент правильных ответов повышается, когда информантам предлагается проанализировать отсегментированные консонантные сочетания, которые они сами произнесли. (Чем более близки друг к другу произносительные навыки диктора и аудитора, тем лучше аудитор справляется со своей задачей) ⁵.

Представляется, что обнаруженные особенности восприятия различных типов согласных в зависимости от их позиции в потоке речи могут быть использованы при разработке вопросов, связанных с автоматическим распознаванием речи, фонетическим кодированием, а также при задании правил синтеза речи по текстам.

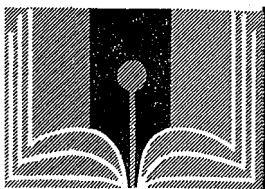
¹ Панов М. В. Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка. — В сб.: Теоретическая фонетика и обучение произношению. — М., 1975, с. 75.

² См.: Барышникова К. К. О ритме диалогической речи. — В сб.: Экспериментальная фонетика, вып. 3. — Минск, 1971.

³ Эксперимент проводился в лаборатории экспериментальной фонетики Минского государственного педагогического института иностранных языков.

⁴ Ohman S. E. G. Perception of Segments in VCCV Utterances. — Journal of the Acoustical Society of America, vol. 40, 1966.

⁵ Батов В. И. О консонантности восприятия. — Материалы 6-го Всесоюзного симпозиума по психологии речи. — М., 1975, с. 190.

Журналістыка

А. Ф. МЯСНІКОЎ

ВЫКАРЫСТАННЕ КАМПАРТЫЯЙ БЕЛАРУСІ ДРУКУ У ЯКАСЦІ АРГАНІЗАТАРА, КІРАЎНІКА І ПРАПАГАНДЫСТА САЦЫЯЛІСТЫЧНАГА СПАБОРНІЦТВА У 70-я ГАДЫ

У Пастанове Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Савецкага Саюза «Аб далейшым паляпшэнні арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва»¹ падкрэслена, што працоўнае саперніцтва было і застаецца эфектыўным метадам уздыму прадукцыйных сіл, удасканалення вытворчых адносін, выхавання працоўных, прыцягнення іх да кіраўніцтва вытворчасцю, магутным сродкам развіцця творчай ініцыятывы мас, фарміравання сацыялістычнага калектывізму. Народжаныя ў шырокіх масах працоўных у ходзе спаборніцтва працоўны энтузіязм, творчы падыход да справы, наватарства праз сродкі масавай інфармацыі і прапаганды становяцца здабыткам мільёнаў людзей, усяго савецкага народа.

Прынцыпы арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва ў сацыялістычным грамадстве агульныя і спецыфічныя. Агульныя—гэта дэмакратычны цэнтралізм, спалучэнне матэрыяльнага і маральнага стымулявання, развіццё грамадскай актыўнасці мас. Да спецыфічных Уладзімір Ільіч Ленін адносіў публічнасць, параўнальнасць вынікаў, магчымасць практычнага паўтарэння вопыту. Аднак усе яны знаходзяцца ў дыялектычным адзінстве. І не выпадкова сродкі масавай інфармацыі і прапаганды, і ў першую чаргу друк, пастаянна падкрэсліваюць гэтае адзінства, выкарыстоўваюць комплексны падыход да распрацоўкі тэорыі і асвятлення практычнай работы па развіццю і ўдасканаленню працоўнага саперніцтва.

XXIV з'езд КПСС патрабаваў, каб развіццё сацыялістычнага спаборніцтва як дзейснага метада эканамічнага будаўніцтва, умацавання сацыялістычных адносін паміж людзьмі было прадметам пастаяннай увагі партыйных, прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый. Асноўным жа зместам спаборніцтва, важнай умовай сацыялістычнага гаспадарання ў сямідзесятыя гады стала мэтанакіраваная барацьба за высокую эфектыўнасць вытворчасці на аснове няўхільнага росту прадукцыйнасці працы і паскарэння навукова-тэхнічнага прагрэсу.

У жніўні 1974 года ЦК КПСС прыняў Пастанову «Аб рабоце па падбору і выхаванню ідэалагічных кадраў у партыйнай арганізацыі Беларусі», у якой, у прыватнасці, адзначана, што КПБ «умела накіроўвае намаганні ідэалагічных кадраў на развіццё палітычнай актыўнасці і працоўнай ініцыятывы рабочых, калгаснікаў, інтэлігенцыі, на шырокае разгортванне сацыялістычнага спаборніцтва, паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу, паспяховае выкананне заданняў пяцігодкі»². Такая высокая ацэнка практычнай работы партыйных кіраўнікоў і актывістаў рэспублікі натхняла іх на павелічэнне актыўнасці, на пашырэнне і паглыбленне ўздзеяння на працоўныя масы.

Сваю практычную работу ў масах Цэнтральны Камітэт Камуністычнай партыі Беларусі, абласныя, гарадскія, раённыя і пярвічныя партыйныя арганізацыі вядуць шырокім фронтам, выкарыстоўваючы для гэтага самыя розныя формы і метады. Аднак самай вялікай трыбунай публічнасці працоўнага саперніцтва стаў друк—калектыўны прапагандыст, агітатар і арганізатар мас.

Штогод толькі ў «Звяздзе» выступаюць звыш 150 партыйных кіраў-

нікоў і работнікаў. Па сутнасці, у кожным з гэтых артыкулаў вядзецца размова аб удасканаленні вытворчасці, ажыццяўленні рэжыму эканоміі, барацьбе за эфектыўнасць і якасць, зніжэнне сабекошту прадукцыі, развіцці рацыяналізацыі і вынаходніцтва... На вырашэнне гэтых задач была накіравана ў сямідзесяты гады ўся практычная дзейнасць Кампартыі рэспублікі, і парасткі новага, перадавога, якія з'яўляліся, нараджаліся ў тым ці іншым калектыве, становіліся праз друк здабыткам усіх працоўных Беларусі. Пафас новага ў камуністычным будаўніцтве, прыклады ініцыятараў вытворчасці, таварыская ўзаемадапамога, якія нараджаліся ў ходзе сацыялістычнага спаборніцтва, клікалі і вялі тысячы працаўнікоў наперад, на штурм новых вышынь.

Шматгранная работа партыйных камітэтаў рэспублікі значна садзейнічала згуртаванню працоўных калектываў, забяспечвала рост свядомасці працоўных, паляпшэнне ўсёй работы па арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва. Разам з развіццём працоўнай і грамадскай актыўнасці рабочых, калгаснікаў, служачых Камуністычная партыя Беларусі ўзмацняла і кіраўніцтва Саветамі, прафсаюзамі, камсамолам, іншымі грамадскімі арганізацыямі. Менавіта праз іх партыйныя органы і арганізацыі ўзмацнялі сувязь з масамі, аказвалі на іх сваё ўздзеянне, мабілізоўвалі на выкананне і перавыкананне дзяржаўных заданняў і сацыялістычных абавязанасцей.

З цікавым і надзвычай павучальным артыкулам «Не кожны першы — перадавік» выступіў у «Звяздзе» першы сакратар Мазырскага гаркома КПБ В. Папоў. «Гарком КПБ, — пісаў ён, — уважліва адносіцца да практыкі партыйных арганізацый у кіраўніцтве спаборніцтвам, пастаянна клапаціцца аб удасканаленні яго форм і дзейнасці. Патрабуючы ўдумлівага падагульнення вынікаў, дакладнага ўліку зробленага і адпаведнага заслугам узнагароджання, галоўны ўпор робім на маральны фактар спаборніцтва. Такія пытанні пастаянна ў парадку дня пасяджэнняў бюро і пленумаў гаркома партыі. Яны ў цэнтры лекцыйнай прапаганды, вуснай і нагляднай агітацыі. Іх рэгулярна абмяркоўваюць партыйныя арганізацыі. Уважліва падыходзім да тых, хто жыве вузкавытворчым прынцыпам, не пранікся яшчэ клопатам аб агульнай справе. Мы зыходзім з ленінскага вызначэння, што сацыялізм стварае магчымасць уцягнуць сапраўды большасць працоўных на арэну такой работы, дзе яны могуць праявіць сябе, разгарнуць свае здольнасці, паказаць таленты, якіх у народзе — невычэрпная крыніца»³. Аргументавана, цесна спалучаючы ленінскую тэорыю з практычнай работай, паказвае кіраўнік гарадской партыйнай арганізацыі шляхі і метады ўздзеяння на шырокія працоўныя масы. У гэтай дзейнасці няма дробязей, партыйна-выхаваўчая работа павінна мець няспынны, наступальны характар, яна павінна распаўсюджвацца на кожнага чалавека.

Цэнтральны Камітэт Камуністычнай партыі Беларусі сваёй галоўнай задачай у сямідзесяты гады бачыў забеспячэнне росту актыўнасці і арганізаванасці рабочага класа і калгаснага сялянства. А вялася гэта работа праз сродкі масавай інфармацыі і прапаганды — друк, тэлебачанне, радыёвяшчанне. Арыенцірам для творчых супрацоўнікаў газет у гэты перыяд сталі словы Генеральнага сакратара Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Савецкага Саюза таварыша Леаніда Ільіча Брэжнева, сказаныя ім з трыбуны XVIII з'езда ВЛКСМ: «Час усім работнікам ідэалагічнага фронту пакончыць з нязжытай яшчэ дзе-нідзе практыкай механічнага, бяздумнага паўтарэння прапісных ісцін, са славеснай траскатнёй. Час зрабіць правілам — размаўляць з людзьмі проста і даходлівай мовай, пісаць, укладваючы ў кожны выраз жывую думку і пачуццё»⁴.

У публікацыях «Звязды» і «Советской Белоруссии», «Сельской газеты» і «Мінскай праўды» у гэты час пераважалі дзелавыя, сур'ёзныя, даходлівай мовай напісаныя артыкулы, карэспандэнцыі, замалёўкі. З асаблівым стараннем, творча падыходзілі журналісты да падрыхтоўкі да друку выступленняў перадавікоў і наватараў вытворчасці. Так, з дзелавым пастановачным артыкулам «Наватару патрэбны паслядоўнікі» у «Советской Белоруссии» выступіў стругальнычкі Мінскага вытворчага аб'яднання па выпуску аўтаматычных ліній імя 60-годдзя Вялікага Кастрычніка Л. І. Патаповіч. «Гаворачы аб шырокай прапагандзе, распаўсюджванні перадавога вопыту, — падкрэслівае ён, — нельга не сказаць і аб той важнейшай ролі, якая адводзіцца органам масавай інфармацыі. Яны павінны жыва і даходліва паказваць і прапагандаваць лепшыя да-

сягненні, перадавы вопыт асобных працаўнікоў, цэлых калектываў. Галоўнае тут, вядома, раскрыць сутнасць гэтага вопыту, зацікавіць ім мільёны людзей, дапамагчы шырока ўкараніць яго. Так ставіць задачу Пастанова ЦК КПСС «Аб далейшым паляпшэнні ідэалагічнай, палітыка-выхаваўчай работы». Не заўсёды, аднак, так атрымліваецца на практыцы, — працягвае Л. І. Патаповіч. — Ёсць у гэтым і віна наватараў, работараў. Часта ў сваіх артыкулах, выступленнях па радыё і тэлебачанню мы больш выхваляемся, чым па-дзелавому раскрываем прынцып барацьбы за ўкараненне новага, прагрэсіўнага»⁵.

Заклапочана, з дзяржаўных пазіцый гаворыць вядомы ў нашай рэспубліцы радавы працаўнік пра набалелае, тое, што хвалюе і непакоіць яго ўжо не адзін год. Яго думкі і выказванні — гэта канкрэтная праграма для кіраўнікоў і партыйных работнікаў самага высокага рангу, тых, хто закліканы арганізоўваць і кіраваць не толькі ходам працоўнага саперніцтва, але і ўсім працэсам развіцця сацыялістычнай эканомікі.

Кожнае слова, сказанае з газетных старонак, павінна знаходзіць шырокі водгук у сэрцах чытачоў, адбівацца ў іх свядомасці, усёй практычнай дзейнасці. У газетнай практыцы вельмі важна не проста фіксаваць становішча спраў, а трэба прадбачыць, падказваць далейшае развіццё іх. Аднак публікацыі маладзёжных газет «Чырвоная змена» і «Знамя юности» нярэдка вызначаюцца недастатковай, неглыбокай аргументацыяй. Што ж датычыцца газет «Звязда», «Советская Белоруссия», то на іх старонках вельмі рэдка публікуюцца артыкулы аб тым, як пярвічныя партыйныя арганізацыі ажыццяўляюць кантроль за дзейнасцю кіраўніцтва вытворчасцю.

Ба ўсіх сферах дзейнасці ў сямідзесятыя гады адбыўся паварот да якасных паказчыкаў. І гэта, несумненна, павінна яшчэ больш падахвочваць партыйныя камітэты звяртаць самую пільную ўвагу на ўзровень крытыкі і самакрытыкі ў газеце, на свае адносіны да друкаванага слова. Эфектыўнасць партыйнага кіраўніцтва друкам ў многім залежыць ад таго, наколькі апэратыўна і глыбока зможа адпаведны партыйны камітэт прааналізаваць грамадскую значымасць пачына ці ініцыятывы працоўных, распаўсюдзіць яго, нацэліць журналісцкі калектыў на давядзенне гэтай справы да лагічнага завяршэння. Для таго, каб павысіць гэту эфектыўнасць, Цэнтральны Камітэт Камуністычнай партыі Беларусі ў 1979 годзе правёў размеркаванне сфер уплыву газет. Цяпер «Звязда», напрыклад, заклікана адлюстроўваць і сканцэнтраваць сваю ўвагу на арганізацыйна-партыйнай рабоце, на дзейнасці партыйных камітэтаў па развіццю сельскагаспадарчай вытворчасці, культуры, навукі і г. д. «Советская Белоруссия» ж сарыентавана на прапаганду і пашырэнне перадавога вопыту ў прамысловасці рэспублікі, гандлі, бытавым абслугоўванні насельніцтва... У выніку ўсё радзей на старонках газет сустракаецца дубліраванне, перапеў тэм. Размеркаванне сфер уплыву газет, несумненна, акажа карысць і ў іншым напрамку. Журналісцкія калектывы хутчэй пераадолеюць дробнатэм'е, раскіданасць, газетчыкі больш сканцэнтруюць свае сілы на вырашэнні тых задач, праблем і напрамкаў, якія вызначаны для іх Цэнтральным Камітэтам Кампартыі рэспублікі.

¹ Правда, 1971, 5 сентября.

² Звязда, 1974, 31 жніўня.

³ Звязда, 1978, 20 верасня.

⁴ Правда, 1978, 26 апреля.

⁵ Советская Белоруссия, 1979, 12 июля.

Я. Р. РАДКЕВІЧ

ЭТАПЫ РАЗВІЦЦЯ І СТРУКТУРА БЕЛАРУСКАГА РАДЫЁ

Беларускае радыёвяшчанне бярэ вытокі, як і ўсё савецкае радыёвяшчанне, з першых дэкрэтаў Савецкай улады аб радыёсправе, з той пільнай, неаслабнай увагі, якую надаваў ёй У. І. Ленін. Неўзабаве пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі голас Масквы, голас ленінскай праўды даляцеў да аддаленых месцаў нашай Радзімы. Пачулі яго і ў Беларусі.

Як вядома, 15 лістапада 1925 года ў Мінску сабралася грамадская беларуская сталіца, каб адзначыць важную падзею ў культурным жыцці рэспублікі. У гэты дзень адкрывалася першая ў рэспубліцы

шырокавяшчальная станцыя. «Эфір быў узбуджаны радыёхвалямі, якія неслі працоўным БССР перадачу мітынга, прысвечанага рабоце Мінскага перадатчыка»¹. Гэтае паведамленне газеты «Чырвоная змена» вельмі цікавае ў тых адносінах, што сведчыць аб прамой трансляцыі мітынга і дазваляе зрабіць заключэнне, што першай перадачай Беларускае радыё заявіла аб сабе як аб зусім новым (не толькі ў плане тэхнічных сродкаў, але і ў плане выяўленчым) відзе журналістыкі, дзе разам са словам на слухача працуе гук, дзе выкарыстоўваюцца бяспрэчныя перавагі радыё—імгненнасць і адначасовасць перадачы інфармацыі.

Натуральна, у даным выпадку быў скарыстаны вопыт радыёвяшчання Масквы, якое да таго часу ўжо не аднойчы праводзіла прамую трансляцыю з месца падзей, але гэта паказвае з яшчэ большай відавочнасцю, што ледзь не ў момант свайго ўзнікнення радыёвяшчання звяртаецца да дакументальных перадач, створаных на матэрыяле сапраўдных падзей.

З самага пачатку сваёй работы Беларускае радыё вызначае шырокае кола актуальных, значных пытанняў, якія падлягаюць сістэмнаму асвятленню. Адной з асноўных задач у тых дні з'яўлялася мабілізацыя працоўных на сацыялістычнае будаўніцтва. Галоўныя працэсы грамадскага, эканамічнага, палітычнага і культурнага жыцця краіны, пытанні вытворчасці, кааперацыі барацьбы за рэжым эканоміі, за накапленне сродкаў індустрыялізацыі пастаянна знаходзіліся ў полі зроку чатырох радыёгазет, створаных у рэспубліцы: «За бальшэвіцкія тэмпы», «Калгасны заклік», «Намсамалец Беларусі» і «Піянер Беларусі». Час з'яўлення і функцыянавання радыёгазет ахоплівае перыяд з 1925 па 1932 год. Яго мы і вызначылі як першапачатковы этап развіцця Беларускага радыё.

Яшчэ ў 1931 годзе на рэспубліканскім радыё былі ўпершыню выкарыстаны гуказапісваючыя апараты, што дало новы штуршок развіццю вяшчання. Створаны ў 1933 годзе Рэспубліканскі камітэт па радыёфікацыі і радыёвяшчання арганізуе радыёвяшчальныя праграмы па ўсіх радыёстанцыях і радыёвузлах Беларусі. Спачатку па іх перадаваліся пераважна інфармацыйныя праграмы, гутаркі, лекцыі, а па меры ўдасканалвання тэхнічных сродкаў пачалі трансліравацца канцэрты, спектаклі, рэпартажы з дэманстрацый, мітынгаў, сходаў. Радыё ператваралася не толькі ў калектыўнага прапагандыста і агітатара, але і ў калектыўнага арганізатара мас.

Гэтыя яго функцыі з асаблівай сілай праявіліся ў перыяд (які мы вызначаем як трэці этап развіцця Беларускага радыё) Вялікай Айчыннай вайны. Другі заканчваецца з яе пачаткам, а пасля часовага перапынку, выкліканага акупацыяй фашыстамі Мінска, перадачы на беларускай мове, звернутыя да народа-змагара, загучалі з Масквы. 1 студзеня 1942 года пачала работу радыёстанцыя «Савецкая Беларусь». Рэдакцыйны калектыў яе быў створаны з пісьменнікаў і журналістаў, накіраваных ЦК Кампартыі Беларусі на гэты новы ўдзастак работы як на прыраджаны край барацьбы з фашызмам. Спецыфіка радыё спасціглася ў ходзе работы, галоўная нагрузка клалася на палымінае бальшавіцкае слова. Пачынаючы з першых дзён дзейнасцю радыёстанцыі «Савецкая Беларусь» кіраваў непасрэдна ЦК КПБ. Расклад яе перадач быў вядомы ўсім падпольным камітэтам партыі і партызанскім злучэнням. ЦК КПБ рэгулярна разглядаў тэматычныя планы рэдакцыі і накіроўваў яе дзейнасць з улікам акалічнасцей і ў адпаведнасці з тымі задачамі, якія вырашаліся партыяй. Дзейнасць радыёстанцыі «Савецкая Беларусь» у гады Вялікай Айчыннай вайны—адна з самых яркіх старонак у гісторыі Беларускага радыё. Палыміным словам, усімі сродкамі прапаганды радыё распальвала ў сэрцах патрыётаў свяшчэнную нянавісць да ворага, выходзіла слухачоў на гераічныя прыклады, аб якіх паведамлялі сведкі і ўдзельнікі падзей.

Пасляваенны перыяд Беларускага радыё датуецца 1945—1960 годамі. Гэта быў час далейшага развіцця беларускага радыёжурналістыкі, удасканалвання форм і метадаў яе дзейнасці. Аднак гэты перыяд адзначаны некаторым адставаннем радыёпрапаганды ад задач таго часу, застоем асобных форм і метадаў вяшчання, што было справядліва асуджана вядомай Пастановай ЦК КПСС ад 29 студзеня 1960 года «Аб паляпшэнні савецкага радыёвяшчання». Гэта пастанова, з якой варта пачынаць адлік наваейшага этапу радыёвяшчання Беларусі, дакладна вызначыла далейшыя напрамкі яго развіцця. Падрабязны аналіз узнікнення і ўдасканалення асобных форм, рубрык, жанраў, характэрных для данага перыяду,

уяўляе сабой вялікую цікавасць як для тэорыі, так і для практыкі радыёвяшчання, бо ўтрымлівае вопыт пошуку найбольш эфектыўных, найбольш прамых шляхоў да свядомасці і сэрца слухача. Дастаткова поўнага, закончанага аналізу гэтага прадуктыўнага этапа тэорыі радыёвяшчання яшчэ не дала, і, думаецца, што гэта справа бліжэйшай будучыні.

Мы ж спынімся на характарыстыцы структуры і галоўных напрамкаў дзейнасці Беларускага радыё ў цяперашні перыяд. БССР поўнаасцю радыёфікавана. Радыёвузлы абласных цэнтраў і буйных гарадоў абсталяваны апаратурай для шматпраграмнага кабельнага (праваднага) вяшчання. Заводскія, фабрычныя, калгасныя і саўгасныя радыёвузлы далучаны да рэспубліканскай радыёсеткі. У рэспубліцы больш двух мільёнаў радыёпрыёмнікаў і два з паловай мільёны радыёкропак.

Беларускае радыё мае чатыры вяшчальныя праграмы. Дзевяць гадзін у суткі гучаць перадачы па першай, па другой—сем гадзін, якія аддадзены інфармацыйна-палітычнай і музычнай праграме «Крыніцы». Яна працуе па тыпу праграмы «Маяк». Стэрэафанічнае вяшчанне (пяць гадзін у суткі) ажыццяўляецца праз ультракароткахвалевы перадачык, які перадае галоўным чынам музычныя і літаратурна-драматычныя праграмы. Штодзённая на кароткіх хвалях вядуцца перадачы (адна гадзіна) для нашых суайчыннікаў за мяжой. Акрамя таго, у Беларусі прымаюцца перадачы першай, другой («Маяк») і трэцяй праграм Усесаюзнага радыё. Уласнае радыёвяшчанне ў БССР вядзецца ва ўсіх абласцях, гарадскіх і раённых цэнтрах. Яго аб'ём—67 гадзін у суткі.

Беларускае радыё актыўна прапагандуе палітыку КПСС і КПБ, рашэнні іх з'ездаў і пленумаў, пастаноў Саветаўнага ўрада. Усе віды і формы вяшчання—інфармацыйнае, грамадска-палітычнае, літаратурна-драматычнае, дзіцячае, маладзёжнае, музычнае—скіраваны на тое, каб шырока і паслядоўна выходзіць у савецкіх людзей камуністычную перакананасць, прывіваць мараль новага грамадства, актыўна заклікаць іх да барацьбы за выкананне пяцігадовых заданняў, даваць шырокую магчымасць для культурнага і эстэтычнага развіцця.

Гэту работу вядуць дзевяць галоўных рэдакцый, кожная з якіх мае сваю тэматыку, скарыстоўвае спецыфічныя формы. Галоўная рэдакцыя прапаганды асвятляе самыя розныя пытанні партыйнай, ідэалагічнай, савецкай, прафсаюзнай работы ў наступных асноўных цыклах: «Трыбуна партыйнага работніка», «Расказы пра камуністаў», «Саветы і жыццё», «Прафсаюзныя будні». У праграме «Гэта наш, савецкі лад жыцця» паказваецца савецкая рэчаіснасць, перавагі сацыялістычнай сістэмы перад капіталістычнай, імкненне народаў нашай краіны жыць адзінай дружнай сям'ёй. Папулярнасцю ў слухачоў карыстаецца цыкл «Яны змагаліся за Радзіму», перадачы якога апавядаюць аб бяспрыкладным гераізме савецкіх людзей ў гады Вялікай Айчыннай вайны, а таксама радыёчасопіс «Для веруючых і няверуючых». Адна з асноўных вартасцей гэтых перадач заключаецца ў тым, што ў іх знойдзена верная форма размовы са слухачом. Не прапагандаванне, не дэкларавання агульнавядомых ісцін, а даверлівага, таварыскага, зацікаўленага субяседвання, пры якім нябачны партнёр прызнаецца раўнапраўным удзельнікам размовы і адчуваецца пастаянна як рэальна існуючая асоба.

Рэпартажы, інтэрв'ю, каментарыі, кароткія паведамленні Галоўнай рэдакцыі інфармацыі знаёмяць слухачоў з важнейшымі падзеямі, якія адбываюцца ў Беларусі, ва ўсёй нашай краіне, за яе межамі. Галоўная рэдакцыя народнай гаспадаркі аб'яднала так званыя эканамічныя рэдакцыі, якія вывяраюць сваю дзейнасць па арыентажах дзейнасці, эфектыўнасці перадач, глыбокага пранікнення ў сутнасць праблем, што паўстаюць перад працоўнымі рэспублікі ў іх паўсядзённай дзейнасці па ператварэнню ў жыццё партыйных рашэнняў.

Журналісты рэдакцыі літаратурна-драматычнага вяшчання вядуць прапаганду беларускай класічнай і сучаснай літаратуры, а таксама літаратур братніх савецкіх народаў, даюць партрэты беларускіх пісьменнікаў, мастакоў, артыстаў, паведамляюць навіны тэатральнага жыцця, расказваюць пра народныя тэатры. У агульным аб'ёме рэспубліканскага вяшчання больш паловы займаюць перадачы Галоўнай рэдакцыі музычных праграм. Падрыхтоўкай музычных праграм для тэлебачання і радыё вельмі актыўна займаюцца музычныя калектывы Дзяржаўнага Камітэта БССР па тэлебачанню і радыёвяшчанню: хор, створаны ў 1928 годзе, секстэт домр (1932) і канцэртна-эстрадны аркестр (1958).

У 1978 годзе Галоўная рэдакцыя вяшчання для моладзі, вядомая слухачам больш як «Радыёстанцыя «Беларуская маладзёжная», перадала цыкл перадач «Пульс БАМа», за які групе журналістаў была прысуджана прэмія імя Ленінскага камсамола Беларусі.

Вядома, што радыё валодае выдатнай здольнасцю — на плёнцы захаваць гукі, галасы, шумы ў іх першароднай дакладнасці і чысціні. І ўсё, што нам расказвае карэспандэнт у суправаджэнні «галасоў» самой падзеі, робіцца неаспрэчным дакументам і пераконвае нас рэальнасцю і адчувальнасцю сапраўднага жыцця.

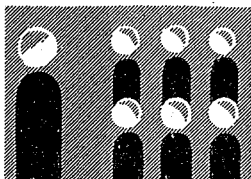
Галоўная рэдакцыя мясцовага вяшчання аналізуе пошту слухачоў, рыхтуе па іх пісьмах тэматычныя перадачы, знаёміць слухачоў з жыццём саюзных рэспублік шляхам абмену перадач паміж Камітэтамі па тэлебачанню і радыёвяшчанню, плануе і кантралюе работу пастаянных карэспандэнтаў, вывучае грамадскую думку і эфектыўнасць праграм, выпускае інфармацыйна-метадычны бюлетэнь «У дапамогу работнікам тэлебачання і радыёвяшчання» (з 1974), дае метадычныя парады і рэкамендацыі работнікам раённага вяшчання. Перадачы Галоўнай рэдакцыі зарубешнага вяшчання ідуць пад рубрыкамі «Сацыяльныя аспекты пяцігодкі», «Айчына вачамі гасцей», «Беларусь на міжнароднай арэне», «Старонка каментатара», «Багаці нашай духоўнай культуры», «Пра моладзь і для моладзі», «Рэпліка фельетаніста» і г. д.

Усёй работай па стварэнню і выхадзе ў эфір тэлерэдыёпраграм кіруе Дзяржаўны Камітэт Беларускай ССР па тэлебачанню і радыёвяшчанню. З ліпеня 1957 года выдаецца штотыднёвік «Беларускае тэлебачанне і радыёвяшчанне», у якім публікуюцца праграмы тэлебачання і радыёвяшчання, а таксама анаталыі на найбольш значныя перадачы.

У штодзённых абласных радыёпраграмах, разлічаных на 36 мінут вяшчання ў суткі, а ў Мінскай вобласці на адну гадзіну, асвятляюцца самыя розныя пытанні гаспадарчага і культурнага жыцця. Асноўная ўвага скіравана на выкананне працоўнымі кожнай вобласці заданняў пяцігодкі. Перадачы рыхтуюць абласныя камітэты па радыёвяшчанню і тэлебачанню, у Мінскай вобласці гэту работу ажыццяўляе Галоўная рэдакцыя радыёвяшчання абласнога Савета дэпутатаў працоўных. У складзе камітэтаў аддзелы паведамленняў, прапаганды, эканомікі, пісьмаў і масвай работы. Некаторыя абласныя радыёкамітэты выпускаюць радыёгазеты «Вячэрні Віцебск», «Вячэрні Гомель», «Вячэрні Магілёў». У раёнах і буйных гарадах Беларусі працуюць на грамадскіх асновах рэдакцыі радыёвяшчання на чале з карэспандэнтамі-арганізатарамі. Актыўная форма іх вяшчання — раённыя, гарадскія навіны, па найбольш актуальных пытаннях рыхтуюцца і тэматычныя перадачы.

Як бачым, рэспубліканскае радыё з'яўляецца разгалінаваным ідэалагічным інстытутам, які здольны ўздымаць і асвятляць складаныя палітычныя, ідэалагічныя, гаспадарчыя і культурныя праблемы. Маючы шматгадовую слаўную гісторыю развіцця і ўдасканалвання метадаў работы, абаніраючыся на магутную тэхнічную базу, яно настойліва шукае шляхі найбольш эфектыўнай дзейнасці, каб заўжды апраўдваць высокае прадвызначэнне быць актыўным байцом партыі.

¹ Чырвоная змена, 1930, 14 снежня.

Н. А. БЕЛОУСОВ

ПУТИ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ

Укрепление обороноспособности страны теснейшим образом связано с военно-патриотическим воспитанием подрастающего поколения, главная цель которого состоит в том, чтобы сформировать у молодежи всестороннюю готовность и умение до конца выполнить свой священный конституционный долг по защите Родины и интересов социалистического содружества. В решении этих задач велика роль общеобразовательной школы. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» указывается, что школа должна «формировать у подрастающего поколения беззаветную преданность Родине, делу Коммунистической партии, непримиримость к буржуазной идеологии и морали, готовность к защите социалистического Отечества»¹.

Основной формой военно-патриотического воспитания старшекласников являются занятия по начальной военной подготовке (НВП). Передовая практика школ Белоруссии показывает: где начальная военная подготовка учащихся старших классов ведется в тесной связи с военно-патриотической работой, там, как правило, лучше осуществляется и весь процесс подготовки будущих воинов к службе в Вооруженных Силах. Однако в связи с отсутствием надлежащего педагогического опыта и психолого-педагогической подготовки ряд военных руководителей при проведении занятий по НВП ограничивается лишь решением дидактических задач, чем снижает воспитательную значимость учебного предмета школы. Эти и другие обстоятельства делают весьма актуальным исследование путей и условий военно-патриотического воспитания старшекласников в процессе начальной военной подготовки.

Военно-патриотическое воспитание старшекласников в процессе начальной военной подготовки предполагает два взаимосвязанных аспекта: содержательный и методический. Рассмотрение первого направления в исследовании должно дать ответ на вопрос: каковы же воспитательные возможности содержания НВП? Какие качества личности будущего воина можно формировать на его основе? Изучение второго направления позволяет нам определить те пути, средства и условия, при которых более успешно решаются задачи военно-патриотического воспитания старших школьников.

В содержании программы начальной военной подготовки лежит идея воспитания у старшекласников любви к Родине, преданности КПСС и делу строительства коммунизма, готовности и умения защищать интересы советского государства. Программа ориентирует военруков на обеспечение единства активной теоретической и практической деятельности учащихся, на создание в процессе обучения воспитательных ситуаций, при которых старшекласники ставят перед собой необходимость проявлять идейно-патриотические качества или вступать в военно-уставные взаимоотношения.

Анализ показывает, что программа НВП наряду с формированием начальных военных знаний, умений и навыков позволяет воспитывать

военно-патриотические взгляды и убеждения, связанные со священным долгом защитника социалистического Отечества; патриотические чувства (любовь к Родине, партии, гордость за революционные завоевания и успехи в строительстве социализма и коммунизма, классовую ненависть к врагам Родины, коллективизм, социально значимое отношение к воинской службе и героическим традициям советского народа и др.); волевые черты личности будущего защитника Родины (умение преодолевать трудности, готовность отдать свои силы, а если потребуется, и жизнь за социалистическое Отечество).

Все без исключения разделы и темы НВП содержат в себе материал для решения воспитательных задач. Однако, как показывает исследование, широкие потенциальные возможности содержания программы воплощаются в действительность при условии, если военные руководители ставят, систематически и методически грамотно решают на занятиях не только учебные, но и воспитательные задачи.

Каковы основные пути решения воспитательных задач? Воспитательное воздействие на старшеклассников прежде всего обеспечивается научностью и идейно-политической направленностью курса НВП. Для этого необходимо руководствоваться следующим: излагать учебный материал с учетом последних достижений военной науки; показывать военное дело в развитии; учитывать при обучении возрастные особенности, не допуская вместе с тем упрощений; раскрывать учебный материал с позиций марксизма-ленинизма и решений XXV съезда КПСС по военным вопросам; разоблачать агрессивную сущность империализма, реакционность внешнеполитического курса США, гегемонистские и экспансионистские цели пекинских правителей, показывать в этой связи необходимость постоянной бдительности и боеготовности; вырабатывать у обучаемых определенное отношение к познанию, учить оценивать факты, события с классовых позиций.

На личность учащихся большое воспитательное влияние оказывает четкая организация НВП. Это достигается научным планированием, дидактически обоснованной взаимосвязью и последовательностью изучения разделов и тем, реализацией принципов обучения и требований воинских уставов, педагогическим контролем и созданием военно-уставных взаимоотношений на занятиях. Школьная практика убеждает, что четкий ритм занятий вырабатывает у учащихся организованность, собранность, закаляет характер, формирует навыки беспрекословного повиновения командирам и строжайшего соблюдения воинской дисциплины. Опытные военные руководители стремятся к тому, чтобы урок по своему построению и содержанию представлял законченную часть процесса начального военного обучения и соответствовал воспитательным целям.

Воспитательные возможности начальной военной подготовки значительно возрастают, если военрук обеспечивает слияние обучения и воспитания в единый педагогический процесс на основе определения учебно-воспитательных целей, обогащения знаний комплексом мировоззренческих, нравственных, военно-правовых и других идей, применения в комплексе и системе не только методов обучения и воспитания. Решение проблемы состоит в том, чтобы учебно-воспитательные задачи решались одновременно, образуя единые звенья воспитывающего обучения. Важно, чтобы старшеклассники не просто усваивали знания, а одновременно выражали к ним свое отношение, чувствовали заинтересованность в овладении учебным материалом. Поэтому в процессе обучения следует воздействовать не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу старшеклассников. Важно постоянно закреплять воспринятое учащимися на практике, побуждая их к социально значимым действиям и поступкам. Возникает необходимость влияния на волевую сферу личности школьников. Решению воспитательных задач НВП способствует связь военной теории с практической деятельностью обучаемых, с жизнью войск; максимальное приближение занятий к условиям военной службы. Это диктуется спецификой воинской деятельности, имеющей ярко выраженную практическую направленность. Единство теории и практики вызывает у юношей познавательный интерес, а сами военные знания, примененные на практике, способствуют воспитанию патриотических взглядов, убеждений, чувств. Старшеклассники начинают лучше осознавать необходимость овладения начальными военными знаниями в школе.

Целесообразно указать на такие формы связи теории начального военного обучения старшеклассников с практикой: а) изучение военно-

теоретических положений на основе их практического применения. Например, практическое применение теоретических положений устава гарнизонной и караульной службы; б) создание на занятиях ситуаций, максимально приближенных к условиям воинской службы. Это наиболее успешно достигается в процессе пятидневных полевых занятий и в военно-спортивных лагерях; в) связь уроков НВП с военно-спортивной игрой «Орленок», кружками по изучению военного дела, факультативными занятиями, военно-спортивными праздниками и соревнованиями; г) постоянная связь с воинскими частями, ознакомление юношей с бытом, служебной деятельностью воинов; д) привлечение воинов для проведения занятий по отдельным темам, для участия в проведении экзаменов и др.; е) связь начального военного обучения с практикой коммунистического строительства, показ грандиозных свершений советского народа.

Воспитывающее влияние на старшекласников оказывает личность военрука, его пример как военного специалиста, педагогическое мастерство, высокая требовательность и широкий общекультурный кругозор, увлеченность военной профессией, глубокое знание военного дела и умение сформировать к нему познавательный интерес, педагогический такт и нравственная чистота. Все это воспитывает у юношей уважительное отношение к армейской службе, желание и стремление овладевать воинским мастерством, подражать уважаемому педагогу.

Задачи воспитания решаются успешнее, если в ходе НВП осуществляется военно-профессиональная ориентация, у юношей формируются соответствующие интересы и склонности с учетом профессиональной пригодности. В нашей стране созданы все условия для повышения социального престижа армии, флота и военных профессий. Этим во многом предопределяется успех военно-профессиональной ориентации и выбора юношами профессии офицера. Ориентируя на профессию офицера в процессе НВП, мы одновременно воспитываем уважительное отношение к службе в Вооруженных Силах СССР, формируем военно-патриотические взгляды, чувства и идеалы. Рекомендуется военно-профессиональную ориентацию вести в следующих направлениях: формирование военно-профессиональных интересов и склонностей старшекласников; воспитание готовности к сознательному выбору профессии офицера; ознакомление юношей с различными офицерскими специальностями; изучение индивидуальных особенностей личности юношей с учетом военно-профессиональной перспективы и пригодности к службе в армии. Следует предостеречь военруков от односторонности, когда некоторые увлекаются лишь словесными методами воспитания и очень слабо подкрепляют их связью с армейской практикой.

Эффективность военно-патриотического воспитания, по нашему мнению, находится в прямой зависимости от соблюдения ряда взаимосвязанных условий. Во-первых, военно-патриотическое воспитание в процессе НВП должно осуществляться на основе строгой педагогической системы, при совокупности всех путей и средств дидактического воздействия, при комплексном взаимодействии со всеми составными частями коммунистического воспитания и опоре на межпредметные связи. Во-вторых, в проведении военно-патриотического воспитания военрук должен помогать весь педагогический коллектив школы, добиваясь включения юношей в разнообразную и активную героико-патриотическую работу и самовоспитание. В-третьих, успех военно-патриотического воспитания зависит от настойчивости военруков в изучении передового опыта воспитательной работы и неуклонного совершенствования учебно-воспитательного процесса по начальной военной подготовке. Таковы, на наш взгляд, пути и некоторые условия повышения эффективности воспитания старшекласников в процессе начальной военной подготовки.

¹ Правда, 1977, 29 декабря.

ОТРИЦАНИЕ И ЕГО ФУНКЦИИ В МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА

Общеизвестно, какое большое значение придается отрицанию (например, понятию «снятие», закону отрицания отрицания) в диалектической логике. Появление в последние годы таких монографий, как «Отрицательные высказывания» И. Н. Бродского¹ и «Отрицание в системах формальной логики» А. Д. Гетмановой², убеждает в важности проблемы отрицания для формальной логики. Ни одна функционально полная система формальной логики невозможна без отрицания как полноправной операции. Если вспомнить, что логику часто определяют как науку о наиболее общих законах и формах мышления, то отсутствие сколько-нибудь значительного интереса к отрицанию в психологии мышления выглядит несколько парадоксальным. Объяснение подобного положения проблемы отрицания в психологии мышления можно найти, на наш взгляд, только путем анализа мышления как особой познавательной деятельности человека.

Наиболее часто мышление определяют как высшую ступень познавательной деятельности, продуктами которой являются объективно или, по крайней мере, субъективно новые знания. В то же время продуктивная сторона мышления неотделима от другой его стороны, связанной с тем, что окончательным продуктом мышления может считаться лишь достоверное, доказанное знание. Мышление как деятельность есть сплав субъективного и объективного. Но поскольку развитое мышление представляет собой прежде всего идеальную деятельность с идеальными объектами, постольку объективность этой деятельности не может быть обеспечена контролем со стороны объекта, как это имеет место во внешней предметной деятельности человека. Необходимы принципиально иные критерии объективности. В качестве таковых в мыслительной деятельности выступают исторически сложившиеся социальные нормы деятельности, обобщенное человеческое знание — все то, что индивид усваивает в процессе социализации³.

В соответствии с различными критериями объективности и осуществляется субъектом мыслительной деятельности постоянная работа по объективизации собственного мышления. Какое же конкретное содержание имеет эта вторая сторона мыслительной деятельности? Как правило, она описывается в терминах «контроль» (точнее, «самоконтроль»), «проверка» и «оценка». Так как в подавляющем большинстве соответствующей психологической литературы эти термины четко не разграничиваются, а иногда и отождествляются, есть смысл попытаться дать им более строгие определения. Поскольку понятие «истинности» относится лишь к знаниям, а правильность еще и к действиям, с помощью которых эти знания получают, то под контролем можно понимать объективизацию как определение субъектом правильности выполняемых им познавательных действий, соответствие их какому-то общественно выработанному эталону (например, логическим правилам). В ходе действий контроль за их правильностью все более свертывается, автоматизируется, становясь в результате неосознаваемым. Проверка есть объективизация, заключающаяся в определении истинности получаемого знания. Это, как правило, самостоятельная мыслительная деятельность, со своей целью и своими средствами ее достижения. Она, в отличие от контроля, неотступно сопровождающего весь процесс деятельности, периодична и начинается лишь после получения результата, продукта деятельности. Субъект как бы оглядывается, проверяя не каждый свой шаг (контроль), а конечный результат движения. И, наконец, оценка — это объективизация деятельности путем определения ценности получаемых продуктов с точки зрения целей деятельности. В деятельности человека по объективизации своего мышления примечателен тот факт, что все три описанных ее вида дают продукты (если так допустимо называть результаты объективизации), которые можно разделить на две группы: положительные и отрицательные. Действительно, объективизация, как попытка придания продуктивной деятельности объективности, позволяет субъекту в общем заключить: правильна или нет, ценна или нет, истинна или нет реализованная им деятельность (разумеется, до степени точности, принципиально допустимой без проверки практикой).

Таким образом, несложный анализ позволяет выделить две стороны мыслительной деятельности: собственно продуктивную и связанную с ее объективизацией. При этом выясняется, что феномены отрицания наиболее тесно связаны именно с процессами контроля, проверки и оценки хода мыслительной деятельности и ее результатов. А так как в психологии мышления в первую очередь разрабатываются вопросы, непосредственно касающиеся именно продуктивного аспекта мышления, то становится понятным, почему проблема отрицания не привлекает внимания психологов. Иными словами, чтобы увидеть проблему отрицания, необходимо не только выделить верификационно-оценочную сторону мыслительного процесса, но и сделать ее объектом нового, более глубокого анализа. Однако если продолжить анализ мыслительной деятельности, то довольно быстро можно обнаружить, что две выделенные стороны мышления теснейшим образом взаимосвязаны, и, следовательно, проблема отрицания имеет непосредственное отношение и к продуктивности мышления. Прекрасный материал, подтверждающий подобное утверждение, содержится в работе И. Лакатоса «Доказательства и опровержения»⁴. Конечно, исследование И. Лакатоса прежде всего относится к логике и методологии научного творчества, но поскольку в его основу положена конкретная история многолетних попыток различных математиков доказать теорему Эйлера о соотношении вершин, ребер и граней многогранника (дискуссия, ее результаты и т. д.), постольку эти материалы представляют несомненный интерес и для психологии мышления. Разумеется, деятельностью, результатом которой является доказательство теоремы (или гипотезы), как и всякая иная мыслительная деятельность, нуждается в объективизации. В качестве таковой у И. Лакатоса выступает сложный процесс отыскания и противопоставления контрпримеров, приводящих к опровержению теоремы («наивной догадки») или доказательства (глобальные и локальные контрпримеры соответственно). Но что такое контрпример? Это предмет, все признаки которого подходят под определение понятия, используемого в доказательстве теоремы, но доказательство или догадка (теорема) по отношению к нему оказываются несостоятельными. Иными словами, контрпример противоречит доказательству или догадке. В результате обнаружения противоречия путем выдвижения контрпримера происходит опровержение доказательства или догадки. Но опровержение есть отрицание. Таким образом, противоречие в процессе доказательства приводит к отрицанию. Отрицание выступает как результат обнаружения противоречия. Необходимо, однако, отметить, что мы не склонны сводить отрицание лишь к речевой, логической форме отрицательного, «опровергающего» суждения. Отрицательное суждение — только конечная форма отрицания как процесса.

Основной в работе И. Лакатоса является мысль о неразрывности доказательства и опровержения. «Мы не можем поместить доказательства и опровержения на отдельные полочки. Вот почему я предлагаю наш метод включения лемм перекрестить в «метод доказательств и опровержений»⁵. Так контрпример детерминирует тип опровержения, который в свою очередь определенным образом задает характер реагирования на отрицание. Иными словами, специфика противоречия задает подход к его снятию. Например, обнаружение глобального, но не локального контрпримера приводит, как правило, к опровержению догадки, что допускает дальнейшую деятельность по ее усовершенствованию. Обнаружение же локального, но не глобального контрпримера предусматривает три обобщенных пути разрешения противоречия: метод включения в доказательство тех лемм, которые опровергались известным контрпримером; расширение дефиниции понятия, используемого в доказательстве (что приводит к сужению объема понятия, уводящего в дурную бесконечность); или же кардинальное эвристическое преобразование гипотезы с целью предупреждения появления новых контрпримеров.

Изложение этих соображений, кроме отмеченной выше, преследует и другую, вполне определенную цель. Они привлечены в качестве первой группы фактов, демонстрирующих важность отрицания как элемента мыслительной деятельности. Их анализ прежде всего выявляет внутреннюю связь отрицания и противоречия. Становится очевидным, что существеннейшие моменты развития собственно продуктивного аспекта мыслительной деятельности, т. е. тех ее компонентов, которые непосредственно приводят к возникновению у субъекта новых знаний, теснейшим образом связаны с противоречиями, возникающими в ходе мыслительного процесса

и отрицанием как механизмом их становления и преодоления. В данном случае выявляется прежде всего структурирующая функция отрицаний в мышлении, заключающаяся в регуляции хода мыслительной деятельности. Выбираемые субъектом способы преодоления противоречия детерминируют развитие дальнейшего хода его мыслительного процесса. Переходы от старых программ деятельности к новым, от одних попыток реализации этих программ к другим, ограничение области поиска неизвестного в ходе мыслительной деятельности — все это предполагает отрицание неверных программ, неудачных проб, ошибочных результатов познавательной деятельности. Если, скажем, решаемая субъектом мыслительная задача является для него действительно новой, если исходная неопределенность, возникающая у субъекта после принятия задачи, в начале познавательной деятельности действительно высока, то отрицания программ, проб, результатов и т. д. в мыслительном процессе будут иметь место обязательно, а характер их осуществления будет существенно влиять на дальнейшее протекание мыслительной деятельности субъекта. В этом в определенной степени можно убедиться, даже не прибегая к собственным экспериментальным исследованиям, а знакомясь с протоколами решения испытуемыми мыслительных задач в публикациях по психологии мышления, которые прямо-таки пестрят отрицаниями.

Следующая группа факторов, касающихся отрицания, относится к продуктивности отрицаний. Общепринято мнение, что верификационно-оценочная деятельность непродуктивна. Соответственно и отрицания, являясь всего лишь элементом этой деятельности, так же непродуктивны, нового знания оно не производит. Это верно, однако, лишь при «позитивном» толковании знания. Ведь мышление как процесс достижения знаний есть процесс движения от неопределенности к определенности, которая представляет собой решение задачи, достижение знания. Но в психологии под определенностью обычно понимают урезанную, одностороннюю, «положительную» определенность, приводящую к формальной, неполной истинности (Гегель). Для полноты отражения исследуемой ситуации необходимо достижение и «отрицательной» определенности, или иначе, ответ на вопрос: «Что это есть такое?» дополняется и ответом на вопрос: «Что это не есть такое?» Таким образом, получается, что отрицания все-таки имеют — пусть не совсем в традиционном смысле — продуктивное значение в мыслительной деятельности, ибо «отрицательное» знание есть необходимая часть общего знания.

Более того, в процессе решения достаточно сложных мыслительных задач испытуемые зачастую в начале решения, проанализировав задачу под углом заданных в ней требований, приходят именно к отрицательной определенности типа: так делать нельзя; нет, так не получится; непонятно, как это может быть и т. д. Интересно также, что существует целый класс логических задач, в которых решение достигается прежде всего через накопление отрицательной неопределенности: этот вариант отпадает, так как... и этот тоже не может иметь место, так как... и т. д. Таким образом, в ходе мыслительной деятельности нет жесткой сопряженности в появлении положительной и отрицательной определенности, т. е. в отдельные моменты решения мыслительной задачи испытуемый может достигать только положительной или только отрицательной определенности, не совершая переходов от одной к другой, не осуществляя их синтеза. Подобные соображения, на наш взгляд, дают достаточно оснований отличать отрицательную определенность от положительной, а следовательно, и выделять информационную функцию отрицания в мышлении, которая сводится к созданию в ходе мыслительной деятельности именно отрицательной определенности.

И, наконец, последняя группа фактов, относящихся к феноменам, широко используемым в психологии мышления и описываемым такими понятиями, как «критичность», «внушаемость», «импульсивность» и «инертность» и т. д.⁶ Эти понятия описывают уже личностные характеристики мыслящего субъекта, обобщенно определяющие стратегию его поведения в проблемной ситуации. Эти и подобные им пары личностных параметров в общем-то могут описывать мыслительный процесс в различных направлениях. Например, критичность многими авторами трактуется как строго контролируемое отношение к поступающей информации. Внушаемость же противопоставляется ей как доверительное, бесконтрольное принятие информации, причем независимо от того, поступает ли она извне, или продуцируется самим субъектом. «Импульсивность» и «инерт-

ность» описывают мышление уже с точки зрения быстроты и легкости принятия решений. Можно найти другие пары реципрокных характеристик, описывающие новые направления личностного аспекта мышления, например, оригинальность и косность и т. д. Но все эти направления пересекаются в одной центральной точке отношения к отрицанию и противоречию и представляют «многомерную шкалу» отношений к этим феноменам. Все эти характеристики сводятся к характеристике оценочно-верификационного аппарата, его развитости и распространенности.

Личностные характеристики, описываемые этой многомерной шкалой, имеют чрезвычайное значение в плане раскрытия творческих способностей субъекта. Порой чрезмерная боязнь ошибиться, жесткий контроль за мыслью тормозит творческий процесс, ограничивает гибкость, оригинальность, подвижность мышления. Но, с другой стороны, чрезмерное пренебрежение отрицательными компонентами приводит к отклонению от поставленной цели, к росту энтропии в мышлении. Кроме того, отрицательные компоненты мыслительной деятельности играют решающую роль в процессе обнаружения и постановки проблемы. А ведь чувствительность к проблемам — далеко не последняя по значению творческая способность. Таким образом, появляется возможность выделить еще одну функцию отрицания в мышлении. Это — личностная, мотивационная функция, отвечающая за формирование стратегического подхода к решению мыслительных задач.

Конечно, выделенные функции отрицания тесно связаны друг с другом. Так, например, структурирование мыслительного процесса, отказ от тех или иных направлений решения, переход к новым — все это осуществляется на базе отрицательной определенности и свидетельствует о связи структурирующей и информационной функции. С другой стороны, личностный, мотивационный аспект мышления ярко раскрывается в отношении к противоречию и характеру отрицания как способу преодоления этого противоречия. На наш взгляд, три выделенные выше функции отрицания в мыслительном процессе свидетельствуют об исключительно важной роли отрицания в мышлении. Их исследование позволит раскрыть новые грани мыслительной деятельности, сделает исследование этого психического процесса еще более успешным.

¹ См.: Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. — Л., 1973.

² См.: Гетманова А. Д. Отрицание в системах формальной логики. — М., 1972.

³ См.: Кучинский Г. М. О понятии совместной мыслительной деятельности индивидов. — Вестн. Беларускага ун-та. Сер. IV, 1977, № 3.

⁴ См.: Лакатос И. Доказательства и опровержения. — М., 1967.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ См.: Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в структуре решений. — М., 1970.

Н. М. ДЖАГАРОВА

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ИДЕИНО-ПРАВСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Художественная литература, будучи сложным социальным явлением, выступает как важнейшее средство художественно-образного отражения действительности. Именно поэтому она выступает как фактор идеологического и нравственного воздействия на людей. Классики марксизма-ленинизма выявили органическую зависимость художественного творчества от социально-экономической жизни общества, указывали на способность литературы выступать одним из действенных средств изменения общества, формирования его идейных и нравственных идеалов. Для передовых зарубежных писателей XIX—XX веков, в частности, характерна ненависть к буржуазии, сострадание к судьбе угнетенных, обращение к актуальным проблемам современности. Высоко оценивая творчество таких писателей, как Ш. Бронте, В. Теккерея, Ч. Диккенс, Е. Гаскелл, Карл Маркс утверждал, что их «наглядные и красноречивые описания разоблачили миру больше политических и социаль-

ных истин, чем это сделали все политики, публицисты и моралисты вместе взятые»¹.

Современная прогрессивная зарубежная литература, правдиво отражающая социальные пороки буржуазного общества, также обладает большими потенциальными воспитательными возможностями. Успешная реализация этих возможностей зависит от соблюдения ряда условий, главным из которых является, на наш взгляд, точное понимание преподавателем, организующим учебно-воспитательную работу, конкретных целей и задач воспитания.

В понимании цели советская педагогическая наука исходит из марксистско-ленинского учения о классовом характере воспитания. В рамках этой общей цели ставятся конкретные задачи, вытекающие из требований нашего общества в определенный исторический период. Однако в процессе работы общая цель воспитания и конкретные задачи должны быть осмыслены в соответствии с логикой процесса обучения и воспитания с учетом как возрастных особенностей воспитуемых, так и используемых педагогических средств, способных привести к желаемому педагогическому эффекту. Осознание конечной цели воспитания сообщает деятельности преподавателя перспективный, созидательный характер. Однако специфика работы в каждом конкретном случае делает обязательной постановку соответствующей педагогической задачи, вытекающей из специфики предмета.

Точное осознание и постановка педагогической задачи определяют весь ход воспитательной работы в связи с изучаемым художественным произведением; они также влияют на выбор используемых в ходе работы методических приемов. Однако, поскольку в течение учебного года изучается не одно, а несколько художественных произведений, возникает потребность в общей корректирующей, объединяющей воспитательной задаче. Назовем ее «сверхзадачей», используя для этой цели термин К. С. Станиславского, который под сверхзадачей понимал «главную всеобъемлющую цель, притягивающую к себе все без исключения задачи»², организующую все стремления и действия актера. Подобно главной артерии, сверхзадача питает весь творческий потенциал актера и роли, дает жизнь всей пьесе.

Используя термин «сверхзадача», мы понимаем под ним ту общую организующую воспитательную задачу, которую преподаватель ставит перед собой, исходя, с одной стороны, из конкретных воспитательных возможностей изучаемых литературных источников, с другой стороны — из марксистско-ленинского понимания классового характера морали. Сверхзадача объединяет в единое целое педагогические задачи, связанные с изучением отдельных художественных произведений, придавая воспитательному процессу цельный характер, обеспечивая осуществление принципов последовательности и систематичности.

В известной степени наличие сверхзадачи делает процесс воспитания управляемым. Помня о сверхзадаче, преподаватель «ведет» студентов от эпизода к эпизоду, от одного художественного произведения к другому, «подводя» их к сверхзадаче. Сверхзадача определяет «стратегию» всего воспитательного процесса, она влияет и на отбор художественных произведений для исследования.

Руководствуясь указанием К. С. Станиславского о необходимости правильного наименования сверхзадачи, мы считаем, что ее четкое словесное оформление организует работу преподавателя, вооружает конкретными знаниями, заставляет его подчинить все усилия достижению главной цели.

Для наглядности приведем пример из опыта работы с учебной художественной литературой на пятом курсе Минского института иностранных языков. Так, педагогическая задача при работе с произведением С. Моэма «Луна и грош» основывалась на затронутых в нем проблемах (взаимоотношения между моралью художника и его творчеством, между подлинным искусством и лжеискусством, разо-

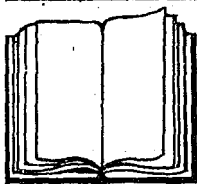
блечение лицемерного, потребительского отношения буржуазии к подлинному искусству). Воспитательная задача при работе с романом Дж. Пристли «Улица Ангела» основывалась на поставленной автором проблеме жизни «маленького человека» в мире капитала. Весь процесс идейно-нравственного воспитания на основе вышеуказанных литературных источников объединялся в единое целое сверхзадачей. В постановке сверхзадачи мы ориентировались на важнейший методологический принцип марксистско-ленинского учения о классовом, партийном подходе к общественным явлениям. Сверхзадача ставила целью вырабатку у студентов классового подхода к общественным явлениям, совершенствование их умения с позиций марксистско-ленинской теории анализировать и оценивать явления и события социальной действительности. В применении к указанным произведениям нашей сверхзадачей было «подведение» студентов к осознанию, прочувствованию аморальности буржуазии, которая, преследуя свои эгоистические цели, пренебрегает интересами всего общества. Эта социальная группа навязывает обществу не только безнравственный образ жизни, но и свою идеологию, насаждаемую всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Используя субсидируемую ею прессу, телевидение, радио, привлекая религию, буржуазия оглушает трудящегося человека, одурманивает и развращает его, стремясь таким образом отвлечь от социального протеста, от стремления к революционному действию.

Успешная реализация сверхзадачи, обеспечивающая соблюдение принципов систематичности, последовательности и целенаправленности процесса воспитания на занятиях по практике иностранного языка, строилась на основе строго избирательного подхода к явлениям и фактам, отображенным в изучаемых художественных произведениях. Соблюдение вышеуказанных принципов и избирательного подхода — прямой результат наличия «иерархии» воспитательных задач, подчиненных сверхзадаче.

Избирательный подход предполагал целенаправленное (с учетом педзадач и сверхзадач) выделение основных идейно-нравственных проблем анализируемого художественного произведения, обсуждение которых осуществлялось поэтапно в связи с изучаемым материалом. Основным условием успеха данной работы было не абстрактное обсуждение выделенных проблем, а рассмотрение конкретных ситуаций, положений, характеров художественного произведения, в которых раскрывались данные проблемы, с широким использованием литературных и жизненных параллелей. Подобная работа над литературным текстом под руководством преподавателя позволяет выявить его образовательно-воспитательные возможности и добиться оптимального воспитательного эффекта.

¹ Маркс и Энгельс об искусстве, — М., 1976, с. 483.

² Станиславский К. С. Работа актера над собой. Часть 1. — М., 1954, с. 332.

Рэцэнзіі

Г. М. Малажай. Сучасная беларуская мова. ПЕРЫФРАЗА. Мінск, «Вышэйшая школа», 1980, 95 с.

Вывучэнне перыфрастычных выразаў беларускай мовы пачалося зусім нядаўна. Ініцыятарам гэтага выступіла дацэнт Брэсцкага педагагічнага інстытута імя А. С. Пушкіна Г. М. Малажай. Дзесяць гадоў таму назад яна выдала кароткі слоўнік «Беларуская перыфраза», у якім растлумачыла і праілюстравала прыкладамі з мастацкіх, публіцыстычных і фальклорных твораў 692 памянёныя намінацыйныя адзінкі. Слоўнік быў прыхільна сустрэты чытачамі і высока ацэнены спецыялістамі як каштоўная і арыгінальная лексікаграфічная праца. Розным пытанням беларускіх перыфрастычных намінацый Г. М. Малажай прысвяціла таксама шэраг грунтоўных артыкулаў. І вось перад намі новая кніжка гэтага аўтара аб беларускіх перыфразах. Яна складаецца з прадмовы і трох раздзелаў.

У першым раздзеле (с. 5—26) раскрываецца сутнасць перыфразы як спецыфічнага спосаба намінацыі, разглядаюцца сэнсавыя і структурныя ўзаемаадносіны паміж перыфразаі і словам, з аднаго боку, фразеалагічным і сінтаксічна падзельным словазлучэннем — з другога, абгрунтоўваецца правамернасць падзелу перыфраз на індывідуальна-аўтарскія і традыцыйныя, пералічваюцца спосабы ўключэння тых і другіх у моўны кантэкст. Па вызначэнню Г. М. Малажай, перыфраза — гэта «семантычна непадзельнае словазлучэнне (радзей — сказ), якое ў працэсе маўлення называе прадметы, прыметы, дзеянні і адначасова характарызуе іх» (с. 10), напрыклад: *зубаты смычок* — серп, *тыя часы, калі кожны быў пры матчыным падоле* — маленства, *прамацаць хуцінхай вочы* — плакаць.

Перыфразы ўжываюцца для найменвання прадметаў, прымет і дзеянняў замест слоў у пераважнай большасці спецыяльна з мэтай прыдаць апавяданню вобразнасць. Аднак зрэдку выкарыстанне іх абумоўлена і тым, што агульнапры-

нятая назва рэаліі гаворачаму наогул невядома або ў момант маўлення забылася. Яскравым прыкладам гэтага можа быць перыфраза, падслуханая Я. Брылём у размове адной вясковай бабулі: *тыя цятрадзі, дзе ставяць двойкі* — дзённік.

Усе перыфразы па свайму паходжанню з'яўляюцца індывідуальна-аўтарскімі і такімі звычайна застаюцца, не становячыся агульнапрынятымі найменнямі. Аднак тыя з індывідуальна-аўтарскіх перыфраз, якія вельмі ўдала і вобразна раскрываюць сутнасць прадмета, прыметы або дзеяння, часам падхопліваюцца іншымі носьбітамі мовы і пераходзяць у разрад традыцыйных. Прыкладам апошніх могуць быць перыфразы *беларускі шойк* — лён, *другі хлеб* — бульба, *цар пушчы* — зубр і інш. Аўтарства іх, як правіла, ужо забыта. «Традыцыйныя перыфразы, — справядліва адзначае Г. М. Малажай, — займаюць прамежкавае становішча паміж індывідуальна-аўтарскімі выразамі (адзінкамі маўлення) і фразеалагізмамі (адзінкамі мовы)» (с. 16), з'яўляюцца «патэнцыйнымі фраземамі» (с. 17).

У другім раздзеле кнігі (с. 27—60) даюцца структурная і семантычная характарыстыкі беларускіх перыфраз. Перыфразы, якія называюць прадметы або паняцці, семантычна суадносны з назоўнікамі. Па структуры яны звычайна з'яўляюцца субстантыўнымі словазлучэннямі тыпу «прыметнік + назоўнік» або «назоўнік + залежны назоўнік», напрыклад: *ззялёны сябра* — лес, *сасновы мёд* — жыццё, *дом шчасця* — камунізм, *кароль грыбоў* — баравік. Гэтыя структурныя мадэлі субстантыўных перыфраз нярэдка ўскладняюцца. Так, у першай з іх апорны кампанент можа паясняцца некалькімі атрыбутыўнымі словамі або нават цэлым даданым азначальным сказам, у другой жа могуць быць два апорныя кампаненты, якія паясняюцца адным залежным словам, і некалькі залежных слоў, якія паясняюць адзін апорны кампанент, акрамя таго, пры апорным і залежным кампанентах могуць быць свае азначальныя словы, напрыклад: *жывы чалавечы струмень* — натоўп, *бура, што*

жыццё ірвала пад камель — вайна, душа і мозг рэвалюцыі, геній усіх народаў і часоў — У. І. Ленін, блакітная краса зямлі — азёры, салдаты ляснога фронту — партызаны.

Перыфразы, якія называюць дзеянні, працэсы або стан, семантычна суадносны с дзеясловамі. Тыповая структурная мадэль іх — «дзеяслоў + залежны назоўнік»: *лажыць пракосы* — касіць, *пабрацца срэбрам* — ссвіць. Іменны кампанент гэтых перыфраз можа ўскладняцца залежным атрыбутыўным словам або назоўнікам: *падмацаваць сабе заняпаўшыя сілы* — падсілкавацца, *прыпадаць да мудрасці кніг* — чытаць. У дзеяслоўных перыфразах залежны кампанент можа зрэдку выражацца ніжняй часцінай мовы або формай: *заснуць навекі* — памерці, *прыйсці жыць* — нарадзіцца.

Па сэнсавых адносінах састаўных кампанентаў і агульнага значэння назоўнікавыя і дзеяслоўныя перыфразы Г. М. Малажай падзяляе на два тыпы — лагічныя і вобразныя. Да лагічных яна адносіць такія, семантыка якіх вынікае з прамых значэнняў састаўных кампанентаў (*пара сівых валасоў* — старасць, *маці яго дзяцей* — жонка, *выскубавць нітку* — прасці, *убіраць у памяць* — запамінаць), а да вобразных — семантыка якіх вынікае з пераносных (метафарычных, метанімічных і інш.) значэнняў састаўных кампанентаў (*жытняе мора* — палетак, *крылаты метал* — алюміній, *горад над Бугам* — Брэст, *друкаваць крок* — ісці, *абвіць вяжком сабакання* — абняць, *языком варочаць* — гаварыць.)

Назоўнікавыя і дзеяслоўныя перыфразы складаюць абсалютную большасць беларускіх апісальных найменняў. Перыфраз, якія называюць прыметы прадметаў або дзеянняў, г. зн. семантычна суадносных з прыметнікамі і прыслоўямі, у беларускай мове вельмі мала. У кнізе прыводзяцца толькі адзінкавыя прыклады іх тыпу *ў рэшаче спіць* — маленькая, на *уласным транспарце* — пехатой.

Трэці раздзел кнігі (с. 61—86) прысвечаны стылістычнай характарыстыцы перыфраз. Паколькі ў аснове перыфразычных намінацый звычайна ляжаць вобразы, заснаваныя на зрокавых або слыхавых асацыяцыях, то гэтыя намінацыі з'яўляюцца яркімі выяўленчымі сродкамі, умелае выкарыстанне якіх робіць моўны выклад вельмі наглядным з адначасовым выражэннем ацэначных адносін да называемых рэалій. Ацэначны характар перыфраз дазваляе выкарыстоўваць іх, па-першае, для надання моўнаму выкладу ўзнёсласці і паэтычнасці, а па-другое, для стварэння камічнага эфекту, выражэння гумару, іроніі, а часам сарказму. Перыфразамі карыстаюцца і для эўфемістычнай замены непажаданых у моўным ужытку слоў. Усе гэтыя стылістычныя функцыі перыфразычных выразаў прааналізаваны на прыкладах з мастацкіх і публіцыстычных твораў беларускіх аўтараў.

Кніга Г. М. Малажай «Сучасная беларуская мова. Перыфразы», будучы глыбокай па зместу, напісана даступна і па-

пулярна. Можна не сумнявацца, што яна знойдзе дарогу да масавага чытача.

І. К. Германовіч

История русской литературы X—XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачева. — М., Просвещение, 1980, 462 с.

Учебное пособие «История русской литературы X—XVII веков» — коллективный труд известных ученых Сектора древней русской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, С. С. Лурье, А. М. Панченко и О. В. Творогова, ученых, которым наука о древней русской литературе обязана большими успехами.

Как известно, в распоряжении студентов-филологов имеются хорошие, выдержавшие испытание временем учебники Н. К. Гудзия, В. В. Кускова. Пособие ленинградских ученых открывает новые возможности для изучения сложного и увлекательного учебного курса. Значение его в том, что в книге систематизированы и обобщены все главные достижения современной науки о древнерусской литературе. Это труд цельный, со стройной, от начала до конца выдержанной концепцией. Авторы, уточнив периодизацию, представили древнюю русскую литературу в ее историческом своеобразии как целостную художественную систему, проследили важнейшие эстетические закономерности ее семивекового пути — закономерности как отличающие ее от литературы новой, так и сближающие с ней.

В книге ясно показаны классовые основы древней русской литературы, ее связи с русской историей, с потребностями русской жизни, раскрыты высокая гражданственность и патриотизм лучших произведений — замечательные качества, определившие как плодотворная традиция еще на заре развития русской литературы. Много внимания уделяется важным для эстетического освоения древних литературных памятников теоретическим вопросам («трансплантация», «средневековый историзм», «литературный этикет» и традиционность, развитие и смена жанров и стилей, взаимодействие литературы и фольклора и др.).

Создатели пособия умело учат видеть отдельные произведения в контексте времени и литературного процесса, а также в связи с другими видами искусства. Удачно подобранные О. А. Белобровой иллюстрации дают наглядное представление о высоком уровне архитектуры, живописи, книгописания, а также и о быте древних времен. В книге подчеркнута, что «Русь X—XIII вв. это еще не Россия, а русские X—XIII вв.» — это восточные славяне в целом, предки современных русских, украинцев и белорусов — трех братских народов». И в дальнейшем ученые не упускают ни одного из случаев взаимного литературно-

го обогащения трех определившихся в XIV—XVII веках народностей.

Главное внимание уделяется памятникам первостепенной идейно-художественной важности, на что нацеливают и вузовские программы курса. Особенно хорошо рассмотрены «Повесть временных лет», произведения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского», «Задонщина», переводные повести XV века, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Петре и Февронии», «Казанская история», повести и стихотворство XVII века, сочинения Аввакума, демократическая и смеховая литература. Последовательно по жанрам прослеживается своеобразие изображения человека в разные периоды, путь русской литературы от идеализации, абстрактности к воссозданию сложности внутреннего мира человека, постепенный переход от правды «бытовой» к правде художественной.

Книга привлекает не только высокой научностью. Это и наиболее полное из учебных пособий по количеству включенных для рассмотрения памятников, дающее очень широкую картину литературного развития. Но если учесть, что пособие рассчитано на студентов, оно может показаться перенасыщенным именами и фактами. Возможны упреки и в несоразмерности освещения некоторых произведений. Хорошо отражены в пособии значение культурной помощи Византии и особенно Болгарии и причины, которые обусловили высокую усвояемость культурных явлений этих стран и быстрое построение своей самобытной культуры.

Заключение, где подводятся итоги литературного развития и сопутствующих ему процессов, кратко и выразительно характеризуются все этапы, ставятся акценты на таких важных проблемах, как проблема Предвозрождения и проблема барокко, и показывается перспектива движения к литературе новой, очень удачно завершает труд. Научное и практическое значение пособия возрастает благодаря обстоятельной библиографии (сост. Н. Ф. Дробленкова и М. В. Рождественская).

«История русской литературы X—XVII веков» не только хорошо ориентирует преподавателей и студентов на глубокое изучение курса. Написанная изящно и доступно, она успешно популяризирует древние художественные ценности и находит признание у многих читателей, которые любят историю и литературу. Хочется отметить и хорошее полиграфическое оформление книги, которая печаталась в Минске на полиграфкомбинате имени Я. Коласа.

Л. Л. Короткая

Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка.— М., Высшая школа, 1979, 140 с.

Издательство «Высшая школа» сделало ценный подарок преподавателям латинского языка, выпустив в свет книгу Н. Л. Кацман «Методика преподавания латинского языка». Важность события заключается в том, что подобное руководство издавалось последний раз в 1913 году (Первов П. Д. Очерки по методике преподавания латинского языка) и в настоящее время является библиографической редкостью.

Рецензируемое пособие является результатом обобщения и теоретического осмысления многолетнего опыта работы кафедры классических языков МГПИИЯ имени М. Тореца, а также личных наблюдений автора с учетом теоретических положений, сложившихся в советской методике обучения иностранным языкам. В работе впервые четко определено место латинского языка в системе гуманитарного образования, сформулированы основные целевые установки предмета. Автор рассматривает латинский язык как дисциплину одновременно теоретическую и практическую. В соответствии с теоретической направленностью предлагается изучать латинский язык в сравнительно-сопоставительном плане с привлечением данных русского и одного из западноевропейских языков. Практическая реализация подобной целевой установки ценна и полезна тем, что способствует выработке научного подхода к родному и изучаемому иностранному языкам.

Следует отметить, что Н. Л. Кацман впервые обосновала необходимость изучения латинского языка с помощью сравнительно-сопоставительного метода. В центре исследования находится весьма актуальный вопрос — отбор языкового материала. Существенно, что, рассматривая задачу отбора языкового материала, автор считает необходимым учитывать наряду с практическими и теоретические целевые установки изучения языка. «Теоретическое изучение языка требует включения целого ряда сведений, которые, не имея большого практического значения, чрезвычайно существенны для понимания системы языка; установка на изучение системы латинского языка в сопоставлении с системой русского и изучаемого западноевропейского языков и выдвигаемые при этом задачи общелингвистического развития учащихся также требуют включения материала, который не имеет практического значения для чтения текстов». Выдвигаемые критерии отбора фонетического, лексического, грамматического материала не просто декларируются, а практически апробированы Н. Л. Кацман. На основании принятых критериев отбора, с учетом статистических данных частотного словаря латинского языка М. Мати, Н. Л. Кацман составлен список слов, предлагаемый в качестве лексического минимума для институтов и факультетов иностранных языков. Список приводится в пособии в виде приложения. Сам факт существования словаря-минимума, соответствующего целям обучения латинскому языку в языковых вузах, очень важен как для практики преподавания,

так и для составления учебников и учебных пособий по латинскому языку.

Судовлетворением хочется отметить, что впервые по отношению к курсу латинского языка поставлен вопрос о необходимости отбора грамматического минимума и даны практические рекомендации. Грамматический минимум, с точки зрения автора, должен обеспечить практические потребности обучения чтению. Вместе с тем существенным считается принцип соотнесенности системы грамматических явлений латинского языка с системой родного и иностранного языков, а также включение тех явлений, которые могут служить иллюстративным материалом для характеристики общезыковых закономерностей и фактов истории изучаемого языка. Целесообразной представляется мысль автора об установлении соотношения между минимумами лексическим и грамматическим. Как и в предыдущих разделах, в разделе «Грамматика» автор четко определяет единицу и критерии отбора грамматического минимума. Двуплановый подход к отбору грамматического минимума нашел отражение в ее критериях: частотности и необходимости. Ряд ценных советов и рекомендаций найдет для себя преподаватель латинского языка в разделе «Обучение грамматике». В последнем разделе книги даны четкие, но, к сожалению, краткие указания по методике обучения чте-

нию, способам комментирования текстов, приводятся примеры комментария. Остается пожалеть о том, что столь важная методическая тема не получила, в силу технических причин, более полного освещения. Лишь попутно рассмотрены и основные направления в методике преподавания латинского языка за рубежом. За пределами исследования остался ряд вопросов (система упражнений по латинскому языку, в том числе — с использованием технических средств; организация процесса обучения в целом, организация управления самостоятельной работой студентов; внеаудиторная кружковая работа), на которые читатель ждет ответа.

В целом «Методика преподавания латинского языка» Н. Л. Кацман нужная и своевременная книга, которая принесет несомненную пользу всем преподавателям латинского языка, а особенно начинающим и тем, кто не получил специального классического образования. И хотя данное руководство адресовано факультетам и институтам иностранных языков, оно, по существу, может быть использовано на всех без исключения гуманитарных факультетах. Книга написана на высоком научном уровне, отличается четкостью и последовательностью структуры, ясностью изложения, хорошо оформлена.

Н. А. Гончарова

УКАЗАЛЬНІК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя IV (філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія) у 1980 годзе

Да 110-годдзя з дня нараджэння У. І. Леніна

Па ленінскаму шляху	1	3
Булацкі Г. В., Булацкі В. Г. В. І. Ленін — рэдактар	1	5
Злобина В. К. Письма-отзывы в литературно-критическом наследии В. И. Ленина	1	9
Садовский А. С. Влияние В. И. Ленина на формирование идейно-политических взглядов П. Н. Лепешинского	1	11

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Адамович Г. Е. Художественная позиция писателя (на материале творчества И. Радичкова)	2	9
Антропов Н. П., Ковалева Р. М. К вопросу о пространственно-временных границах обряда «куста»	3	12
Брагин Р. И. Литература исторического оптимизма» (Социальный роман в современной Испании)	2	17
Герасимович М. М. Е. Салтыков-Щедрин об оперном искусстве	3	9
Гончарова С. Я. Некоторые аспекты теории комедии-памфлета	3	5
Кириллова Т. Д. Творческая личность в романе С. Мозга «Луна и грош»	1	19
Кохно И. П. Некоторые особенности творчества А. Т. Твардовского	2	13
Кошкарёва С. В. А. С. Хомяков о роли и месте поэзии в жизни	1	17
К биографии Н. К. Михайловского. Публикация, вступительная заметка и комментарий А. С. Малинина	3	15
Леонова Е. А. К вопросу о жанровом своеобразии романа «Еврейский автомобиль» Франца Фюмана	1	23
Лысенко С. А. Романтическая типизация в драме И. Кочерги «Алмазный жернов»	2	6
Станюта А. А. На пути к Достоевскому	2	3
Терешина Л. Н. Жанровое своеобразие военной повести 70-х годов	3	3
Туманова С. Р. Личность поэта в послевоенной лирике А. Т. Твардовского	2	15
Шалева А. А. Пушкинские традиции в поэзии М. Багдановича	1	14

МОВАЗНАЎСТВА

Алехина А. И. К исследованию фразеологической системы языка	2	43
Алехина А. И. Иерархическая структура лексико-фразеологической парадигмы	3	48
Бельская В. А. Названия лиц в словенском языке	2	50
Будлак В. И. К вопросу о длительности некоторых сочетаний согласных	1	51
Бурак Л. І. Сінтаксічныя асаблівасці складанага сказа	1	27
Груцэ А. П. Лічэбнік <i>девять</i> і вытворныя ад яго ў старабеларускай мове	2	24
Камароўскі Я. М. Аб падабенстве і адрозненні некаторых структурных тыпаў фразеалагічных адзінак у славянскіх мовах	2	32
Карпов В. А. Словообразовательная способность числительных в болгарском языке	3	45
Каховская Л. Ф. Формально-смысловые отношения в процессе аббревиации	1	45
Киселев И. А. О грамматических показателях служебных слов	3	30
Красней В. П. Генетычная характарыстыка беларускай тэрмінала-		

гічнай лексікі пачатку XX стагоддзя	3	20
Лассан Э. Р. Об одном способе выражения состояния	2	53
Лещенко В. Л. Варианты словосочетаний с точки зрения структуры синтаксического поля	3	34
Литвинко Ф. М. Вторичная предикативность в результирующих трансформациях отождествительных предложений	3	36
Мальцова Т. А. Да вывучэння лексікі французскага паходжання ў беларускай мове	2	40
Мохамед эль-Фатих Махджуб. Разговорно-бытовая фразеология в романе Ю. Бойдарева «Горячий снег»	2	45
Мурашко А. Г., Диаките Н. А. Некоторые аспекты сопоставительного изучения многозначных слов в русском языке и языке баймана	2	48
Мурза Штефан. Составление русских и словацких числительных	1	49
Наркевич А. І. Да ўжывання словазлучэнняў з уласна- і агульна-прыналежнымі займеннікамі (на матэрыяле сучасных літаратурна-мастацкіх і публіцыстычных твораў)	3	27
Паўленка М. А. Аднакарэнныя рознаасноўныя фемінінатывы ў беларускай мове паслякастрычніцкай эпохі	3	24
Плотников Б. А. Об использовании дистрибутивных свойств слов в качестве метаязыка для описания лексических значений	3	40
Полонская Л. И. К психолингвистическому анализу сигматического аспекта плана содержания слова	1	42
Полонская Л. И. Психолингвистическое исследование группы слов с общим компонентом значения «шуметь» с помощью ассоциативного эксперимента	3	51
Прохорова С. М. Характеристика отдельных синтаксических полей в говорах Смоленщины	1	35
Прыгодзіч М. Р. Да гісторыі складаных прыметнікаў у беларускай мове	2	36
Ровдо И. С. Типы различий в лексико-семантических системах русского и белорусского языков и межъязыковая омонимия	1	31
Сарока У. А. Намінацыі агароджы ў беларускіх народных казках	2	26
Чумак Л. Н. Синтаксические формы, эквивалентные прямому объекту (на материале глагольных словосочетаний)	1	37
Шевальдышева Е. З., Хоменко С. А. Из опыта исследования перцептивных характеристик консонантных сочетаний в речевом потоке (на материале английского языка)	3	55
Шкраба І. Р. Родаварыянтныя назоўнікі ў сучаснай беларускай мове	2	29
Шуба П. П. Аб лінгвістычнай тэрміналогіі	2	21

ЖУРНАЛІСТЫКА

Бондарева Е. Л. В. И. Ленин и А. В. Луначарский о кино	2	56
Ефимова Н. В. Проблемный очерк как разновидность жанра	1	58
Литвин А. М. Листовки партизан и подпольщиков в борьбе с фашистскими оккупантами	1	54
Мяснікоў А. Ф. Выкарыстанне Кампартыяй Беларусі друку ў якасці арганізатара, кіраўніка і прапагандыста сацыялістычнага спаборніцтва ў 70-я гады	3	59
Радкевіч Я. Р. Этапы развіцця і структура беларускага радыё	3	61
Слука А. Г. Беларускі друк у барацьбе за камуністычную мараль	2	59
Шарпило В. В. Комплексный подход печати к освещению сущности и функций социалистического соревнования	1	61

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

Белоусов Н. А. Пути военно-патриотического воспитания старшекласников в процессе начальной военной подготовки	3	65
Грачева О. О., Коряушкина В. А. О выработке навыков выразительного чтения у учащихся IV—V классов (К обсуждению новой программы по литературе для средней школы)	1	70
Джагарова Н. М. Об использовании воспитательных идейно-нравственных возможностей художественной литературы при обучении студентов иностранному языку	3	71
Кучинский Г. М., Лопатин В. А. Отрицание и его функции в мыслительной деятельности индивида	3	68
Максюта Г. В. О некоторых особенностях формирования зрительных представлений	2	66
Мещеряков В. П. Белорусские книгопечатники XVII века	1	65
Новицкий И. И. Совершенствование системы народного образования в Республике Куба	1	67
Радзіёнай У. Н. Вучэбная кніга Якуба Коласа	2	62
Рейзин В. М., Хренов В. С. Самостоятельные занятия физическими упражнениями в бюджете времени студентов	2	64

РЭЦЭНЗІІ

Германовіч І. К. Слоўнік беларускіх гавораў паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1	1	73
Германовіч І. К., Красней В. П. А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. Гістарычная марфалогія беларускай мовы	2	70
Германовіч І. К. Г. М. Малажай. Сучасная беларуская мова. Перафразы	3	74
Головко Н. В. Пранас Гражис. Достоевский и романтизм	2	74
Гончарова Н. А. А. А. Дерюгин, Л. М. Лукьянова, Латинский язык	2	72
Гончарова Н. А. Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка	3	76
Короткая Л. Л. История русской литературы X—XVII веков	3	75
Красней В. П. Т. І. Панько. Від тэрміна до сямстэмы. Становленне марксісцэска-ленінскай палітэканамічнай тэрміналогіі у східна-слов'янскіх мовах	1	75
Мечковская Н. Б. Мелетий Смотрицкий. Грамматика славенскія правільнае сінтагма	2	71
Норман Б. Ю. Христо Първев. Очерк по история на българската граматика	2	73
Посох А. В. Б. А. Плотников. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений	1	74

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Аляксей Арсеньевіч Волк (Да 50-годдзя з дня нараджэння)	2	76
---	---	----

ПАМ'ЯЦІ ТАВАРЫША

Ганна Мартынаўна Базыленка	1	77
--------------------------------------	---	----